

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2 (28)

**СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

Научный журнал
Издается с 2001 года
Выходит 2 раза в год

**Москва
2008**

Редакционный совет:

Рябов В.В.
председатель

доктор исторических наук, профессор,
ректор МГПУ

Атанасян С.Л.

кандидат физико-математических наук, профессор,
проректор по учебной работе МГПУ

Геворкян Е.Н.

доктор экономических наук, профессор,
проректор по научной работе МГПУ

Русецкая М.Н.

кандидат педагогических наук, доцент,
проректор по инновационной деятельности МГПУ

Редакционная коллегия:

Рудинский Ф.М.
главный редактор

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного права МГПУ,
заслуженный юрист России

Северухин В.А.
заместитель главного редактора

кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства
и права, декан юридического факультета МГПУ,
заслуженный юрист России

Глушков А.И.

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовно-правовых
дисциплин МГПУ

Ершова Е.А.

доктор юридических наук, доцент, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права МГПУ

Ростиславлев Д.А.

кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории государства и права МГПУ,
заместитель декана юридического факультета

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

e-mail: Vestnik@mgpu.ru

**60-летию
Всеобщей Декларации
Прав Человека,**

**15-летию
Конституции
Российской Федерации
посвящается**

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

<i>Миронов О.О.</i> Функции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.....	6
<i>Нудненко Л.А.</i> Конституционное право на свободу мысли и слова.....	15
<i>Крикунова А.А.</i> Конституционно-правовое регулирование социальных прав человека в Российской Федерации	21
<i>Чепурнова Н.М., Шипаева Т.С.</i> Право на доступ к суду и на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина: вопросы соотношения	27
<i>Бурьянов С.А.</i> О необходимости перехода к новой парадигме реализации свободы совести	35

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Марченко М.Н.</i> Исторический аспект в исследовании прав человека	40
<i>Северухин В.А.</i> Конституционная модель российской государственности и государственно-правовая действительность.....	52
<i>Крупеня Е.М.</i> О социально-экономических гарантиях политико-правовой активности личности в России	59
<i>Яровая М.В.</i> Право на судебную ошибку в средневековой Франции и в современной России	67

Публичное право

<i>Матвиенко Г.В.</i> Право лиц на перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу: проблемы теории и практики.....	73
<i>Притула В.И., Абрамов А.М.</i> Ведомственное нормативное регулирование кадрового обеспечения подразделений предварительного следствия в органах внутренних дел.....	78
<i>Фёклин С.И.</i> Уголовно-правовые гарантии прав граждан на законное использование наркотических средств и психотропных веществ	82

Частное право

- Мазаев В.Д.* Динамика развития конституционного права собственности в РФ 88
- Гетьман-Павлова И.В.* Коллизионное регулирование в праве интеллектуальной собственности 95
- Глухов А.В.* Защита трудовых прав граждан Конституционным Судом Российской Федерации 102

Трибуна молодых учёных

- Афанасьева С.А.* Классификация политических прав и свобод человека и гражданина 110
- Вышковцев В.В.* «Право человека» в оценках правовых школ дореволюционной России 113
- Куракина Ю.В.* Понятия «права человека» и «права гражданина»: исторические аспекты соотношения 118
- Савва С.С.* Понятие и конституционное закрепление светского государства в РФ 124

Научная жизнь

- Ростиславлев Д.А.* Обзор материалов межвузовской конференции «Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика». Москва, 2008 г. 129

Критика. Библиография

- Новоселова С.С.* Ростокинский А.В. Уголовная ответственность за экстремизм: проблемы законодательного регулирования. Сборник публикаций разных лет с комментарием автора. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – 287 с. 146

Авторы «Вестника МГПУ» серии «Юридические науки», 2008, № 2 (28)..... 148

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

О.О. Миронов

Функции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

Предназначение Уполномоченного по правам человека состоит в том, чтобы защищать права и законные интересы личности. В Федеральном конституционном законе сказано, что должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждается в соответствии с Конституцией Российской Федерации в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами (п. 1 ст. 1 Закона). Представляется, что редакция данного пункта не является юридически безупречной.

Должность Уполномоченного учреждена Конституцией Российской Федерации 1993 года, а не настоящим законом. Как известно, учредительный характер присущ именно конституциям, их нормам, исходя из которых законы закрепляют цели и функции учрежденного института, органа, определяют его компетенцию, формы деятельности и др.

Неудачен оборот «в целях обеспечения гарантий», поскольку гарантировать это и есть обеспечивать. Далее говорится о защите прав и свобод граждан. Из текста же закона явствует, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации призван защищать не только права и свободы российских граждан независимо от места их нахождения, будь-то на территории России или за ее пределами, но права и законные интересы иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации (ст. 15 Закона).

В п. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона говорится об основных направлениях (функциях) деятельности Уполномоченного по правам человека. Закон четко определяет четыре из них. Уполномоченный способствует:

- 1) восстановлению нарушенных прав;
- 2) совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права;

- 3) развитию международного сотрудничества в области прав человека;
- 4) правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты.

Толкование закона, опыт работы Уполномоченного и его аппарата свидетельствуют о наличии еще, по меньшей мере, четырех направлений деятельности омбудсмана:

взаимодействие с органами государственной власти, местного самоуправления, должностными лицами, государственными и муниципальными служащими;

взаимодействие с уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации, именно взаимодействие, а не координация их деятельности, как бы этого кто-либо не желал, поскольку такой функцией Федеральный конституционный закон Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации не наделил;

взаимодействие с неправительственными правозащитными организациями, иными общественными объединениями, религиозными конфессиями;

взаимодействие со средствами массовой информации.

Исходя из текста российского закона, есть основания, закрепленные в п. 3 ст. 1 направления деятельности (функции) считать основными, остальные — вспомогательными, сопутствующими, ни в коей мере не умаляя их значения, а исходя из содержания закона. Из него явствует, что он, главным образом, посвящен стратегически важному, но одному направлению работы — восстановлению нарушенных прав. Это свидетельствует о пробелах данного нормативного правового акта и в то же время говорит о возможности выделения из основных функций Уполномоченного — генеральной, отражающей суть рассматриваемого правозащитного института, восстановление нарушенных прав, защита законных интересов личности. Исходя из этого, функции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, возможно, классифицировать следующим образом:

- генеральная функция,
- основные функции,
- сопутствующие функции.

Приведенная классификация не является универсальной и всеобщей. Она применима к деятельности российского омбудсмана, исходя из закона о нем, к некоторым его коллегам из иных стран. В других государствах акценты и приоритеты могут быть другими.

Цели и задачи органа определяют его функции, которые трансформируются в компетенцию и конкретные полномочия.

Омбудсманы являются субъектами, в первую очередь, конституционного права и, бесспорно, в тех странах, где они назначаются и освобождаются от должности парламентами (их палатами), обладают правом законодательной инициативы и правом обращения в конституционный суд. Они являются участниками и иных, в частности, гражданско-правовых и процессуальных

отношений, когда обращаются в суд с заявлением о защите прав и свобод человека, нарушенных государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами.

Как известно, субъектами права являются участники общественных отношений, наделенные законом правоспособностью и компетенцией. В силу этих юридических свойств они приобретают возможность быть участниками конкретных правовых отношений. Омбудсман как физическое лицо наделен правоспособностью, то есть абстрактной возможностью иметь права и обязанности, но как должностное лицо, государственный орган он обладает конкретными правами и обязанностями, закрепленными в законе. Они и есть его компетенция, предопределенная его функциями, осуществление которых происходит за счет реализации полномочий, компетенции омбудсмана.

Вопрос о международной правосубъектности индивидуумов (физических лиц) остается в практике и науке международного права спорным. Не мало противников признания их субъектами международного права, но есть и сторонники [14: с. 99]. Наиболее категоричен В.А. Карташкин. Он утверждает, что «индивид стал непосредственным субъектом международного права» [1: с. 100]. И в самом деле, во многих международно-правовых актах закреплены права и обязанности индивидов и государств по отношению к ним. Важнейшими из них являются: Устав Организации Объединенных Наций, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенции о политических правах женщин, о правах ребенка, о статусе апатридов, беженцев и др.

Среди региональных актов приоритетное значение имеет Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Вступление России в Совет Европы дало возможность каждому гражданину нашей страны не нашедшему защиты в собственном отечестве обращаться в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге. «Все это, — отмечал И.И. Лукашук, — имеет большое значение как для международного, так и для внутреннего права государства. Тем не менее, — как считал он, — говорить о международной правосубъектности человека, по крайней мере, преждевременно» [2: с. 37].

Межгосударственные отношения приобрели всеобъемлющий характер. Нет в современном мире государств, которые не взаимодействовали бы с иными государствами и международными организациями. Развивается, совершенствуется и международное право. На протяжении веков его субъектами являлись лишь государства. В XX веке международная правосубъектность была признана за международными организациями, а также нациями и народами, борющимися за создание независимых государств. В нынешнем веке круг субъектов, возможно, будет расширен. Ими могут быть признаны транснациональные корпорации, международные неправительственные организации, физические лица. «Индивиды обладают международными правами и обязанностями, а также способностью обеспечивать (например, через международные судебные органы) выполнение субъектами международного права международно-правовых норм. Этого вполне достаточно, — полагает

К.А. Бекташев, — для признания у индивида качеств субъекта международного права» [4: с. 170].

В международном праве различается общая, отраслевая и специальная правосубъектность. Общей правосубъектностью обладает государство как основной, первичный и универсальный субъект международного права, отраслевой, например, — международные организации, специальной, по мнению ряда авторов, — физические лица (индивиды) [4: с. 146].

Омбудсмены (уполномоченные по правам человека) различных стран сотрудничают друг с другом, проводят совместные акции по защите прав человека, например, на границе сопредельных стран, заключают и подписывают соглашения о совместной деятельности и взаимной помощи в осуществлении своих функций. Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации были заключены соглашения, договоры, меморандумы с коллегами зарубежных стран (Перу, Украина, Аргентина, Польша, Молдова, Мексика, Нидерланды), с международными организациями и их представительствами (Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Региональное Представительство Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев в Российской Федерации) [8: с. 881–920]. Вместе с тем, межгосударственное сотрудничество омбудсманов (уполномоченных по правам человека) не свидетельствует о том, что они являются субъектами международного права, коль скоро вопрос о международной правосубъектности физических лиц (индивидов) остается дискуссионным. Нормы, содержащиеся в заключаемых ими договорах, не есть нормы международного права. Их можно отнести к специальным, корпоративным нормам межгосударственного сотрудничества омбудсманов. Но сам факт такого сотрудничества заслуживает внимания государств, международных организаций, представителей науки международного права. Может быть, это станет еще одним аргументом в пользу признания индивида субъектом международного права.

Таким образом, омбудсман наделен внутренними и внешними функциями, осуществляемыми в стране и за ее пределами. Естественно, что основная сфера его деятельности — территория своего государства.

В Федеральном конституционном законе «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» имеется специальная третья глава — компетенция Уполномоченного.

В ней двадцать две статьи, всего в законе их сорок четыре. Половина статей закона составляют его третью главу, девятнадцать из которых непосредственно посвящены рассмотрению жалоб, связанных с нарушением прав человека.

О правах человека написаны тысячи книг. Зарождение идеи прав человека уходит в глубокую древность и связывается с появлением принципа гражданства в Афинах, Риме V–IV в.в. до н.э. [6: с. 2]. Проанализировать все это не представляется возможным и не является предметом данной статьи. Но наиболее значимые доктрины не могут быть не отмечены. Уместно говорить о теологических концепциях прав человека, проявления интереса к которым, в частности в России, связано с возрождением религиозности в об-

ществе. Естественно, нельзя вести речь о единой концепции, так как воззрения на данную проблему рознятся в зависимости от принадлежности к той, либо иной конфессии — исламу, христианству, иудаизму или иным религиям, в которых, бесспорно, имеются консолидирующие начала.

Однако говорить о единстве позиций не приходится. Они не одинаковы и в христианском мире. Православные, католики, лютеране имеют не идентичные взгляды на данную проблему [5].

Современный мир все большее внимание проявляет к теории естественных прав человека, налицо процесс ее возрождения, особенно в восточноевропейских постсоциалистических странах. Истоки этого учения были известны еще Античному миру — Древней Греции и Древнему Риму. Его разрабатывали софисты, философская школа стоиков, римские юристы. Последние под естественным правом понимали правила, нормы, обусловленные самой природой, права изначально присущие людям.

В средние века представители данной школы обосновывали права велением бога, высшей силой. Здесь прослеживается связь теологической и естественно-правовой школ. Этот аспект привлекает внимание и современных исследователей [7].

Расцветом естественно-правовой теории является эпоха буржуазных революций. Ее яркие представители: Г. Гроций (Голландия), Т. Гоббс, Д. Локк (Англия), П. Гольбах, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо (Франция), А. Радищев (Россия) и др. Их идеи, теория естественного права служили практическим целям. Они широко использовались в борьбе с феодальным абсолютизмом, утверждая идеалы нового строя и были зафиксированы в выдающихся документах того времени — в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки 1776 года, Конституции США 1787 года и ее десяти поправках 1791 года, Декларации прав человека и гражданина Франции 1789 года, в иных актах.

Естественные права для придания им юридического смысла всеобщности, гарантированности и защищенности фиксируются в правовых актах. Ушло в прошлое понимание прав позитивизмом как пожалованных, дарованных монархом либо государством. Они не являются актом благотворительности власти, но и не дарованы людям природой либо сверхъестественными силами. Права человека осознаются и формируются в социальной среде, являясь результатом общественного развития.

Раб, крепостной должны были иметь, коль скоро они естественные, права на жизнь, неприкосновенность, достоинство. Но эти абстракции были лишены смысла до тех пор, пока спустя столетия не изменялись социальные условия.

Естественны не сами права, а человеческие потребности, удовлетворение которых осуществляется и через систему субъективных прав, смысл которых в закрепленных в законе возможностях пользоваться определенными социальными благами [9: с. 120–121; 13: с. 34].

И.Е. Фарбер полагал, что права человека есть общесоциологическая категория, означающая возможности пользоваться социальными ценностями, созданными в процессе общественного развития.

Для жизни человека необходимы элементарные блага: пища, одежда, жилище, труд, нормальный отдых, образование, неприкосновенность личности, защита чести и достоинства и др. Социальные возможности обладать ими и есть основные права человека, которые существуют независимо от государственного признания в силу процесса и уровня общественного развития.

Основные права возникают как социальные возможности удовлетворять интересы человека при помощи тех или иных социальных благ. Будучи закрепленными в конституции, эти возможности приобретают характер конституционных прав гражданина. При вступлении в правоотношения для их реализации (трудовые, семейные, имущественные и др.), они становятся правами участника конкретного правоотношения.

В современном мире государства, присоединившиеся к важнейшим международным актам, не могут, в силу обязательности для них этих документов, не признавать естественных прав человека, и обязаны закрепить их в своем законодательстве, гарантировать и защищать.

Рассматривая права человека как социальное, классовое явление, марксизм обосновывал их наличие экономическим строем общества. Такая связь бесспорно существует, но ее не следует абсолютизировать, хотя нельзя и отрицать, что высокоразвитая экономика — важнейшая предпосылка благосостояния общества, возможность пользоваться его благами. Важна и система распределения, политический строй, уровень демократии, цивилизованности и культуры общества. Концепция «экономического человека» имеет право на существование, но не охватывает всего многообразия общественных связей. Гипертрофированный классовый подход к правам человека преодолен самим временем, ходом истории.

Современные концепции прав человека аккумулируют элементы различных школ и направлений, внося в них принципиально новое, обусловленное реальной действительностью, процессами глобализации, охватившими все сколько-нибудь значимые общественные явления.

Обычно, конституционными правами, свободами и обязанностями называют те, которые закреплены в конституции страны и это верно. Но здесь следует несколько сместить акценты. Есть права, которые наиболее важны для человека, представляют особую социальную ценность, являются в связи с их значимостью основными и в силу этого подлежат закреплению в конституции. Они конституционные не только потому, что закреплены в конституции, а потому в ней зафиксированы, что являются значимыми и основными для человека.

Права и свободы человека должны быть сбалансированы моральными и юридическими обязанностями. «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», — писал К. Маркс. Критикуя проект Эрфуртской программы (проект социал-демократической программы 1891 года) Ф. Энгельс предлагал дополнить формулу «за равное право всех» формулой — «за равные права и равные обязанности» [3: с. 13].

Почти тридцать лет тому назад И.Е. Фарбер отмечал, что «в науке общепризнанной классификации обязанностей нет. В связи со значительным расширением не только прав граждан, но и их обязанностей надо найти критерий для группировки обязанностей. Попытка обнаружения такого критерия не увенчалась успехом» [10: с. 175]. Эти слова можно повторить и сегодня.

Субъективным правам лица корреспондируют соответствующие обязанности государства, его органов, должностных лиц, граждан. Это не значит, что при рассмотрении конституционных прав и обязанностей следует предусмотреть схему, при которой каждому праву соответствует конституционная обязанность. Структура конституции этого не предполагает. Основной Закон определяет общий, конституционный статус, «поэтому в него, — как пишет Н.И. Матузов, — не входят многочисленные субъективные права и обязанности, которые постоянно возникают и прекращаются у субъектов в зависимости от их трудовой деятельности, характера правоотношений, в которые они вступают, других ситуаций... Общий правовой статус является базовым, исходным» [11: с. 236].

В силу особенностей Конституции как Основного Закона, закрепленные в ней обязанности личности, составляют отдельную группу без корреляции каждой из них конкретному праву.

В общественном сознании сложилось особое отношение к конституции. Оно формировалось веками. С ней связывалось представление о демократии, правах и свободах человека, защите от произвола. Декабристы в 1825 году вышли на Сенатскую площадь Санкт-Петербурга с требованием конституции. Когда нефтяники Апшерона в декабре 1904 года впервые в истории рабочего движения России подписали с нефтепромышленниками коллективный договор, давший рабочим некоторые права, они назвали его «мазутной конституцией». В честь Конституции РСФСР 1918 года в Москве был воздвигнут монумент, на центральной площади города Вольска Саратовской области в 1920 году установлен обелиск. Именем Конституции назывались площади и улицы городов, например в Сочи.

В выставочном павильоне национального архива США в Вашингтоне установлены бронзовые саркофаги с крышками из пуленепробиваемого стекла. Под стеклами трех из них — три страницы оригинального текста Конституции США, принятой в 1787 году. Всего же в ней пять страниц. Все они предстают для обозрения один раз в году — 17 сентября, в день подписания Конституции США.

В подавляющем большинстве стран мира день принятия конституции является национальным праздником, торжественно отмечаемым. Российские парламентарии, к сожалению, исключили 12 декабря — день принятия Конституции Российской Федерации из числа таковых, преобразовав его в памятный день.

Представляется возможным обсуждение вопроса об изменении компетенции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, отнеся к ней защиту и восстановление именно конституционных прав и свобод че-

ловека и гражданина. Это несколько сузит, ограничит, но в тоже время четко определит защищаемые им права, что оправдано с учетом того, что в каждом субъекте Российской Федерации также учреждается уполномоченный по правам человека.

С другой стороны, компетенция Федерального Уполномоченного может быть расширена за счет предоставления ему права рассматривать жалобы не только на государственные структуры, органы местного самоуправления, но и на некоторые негосударственные частные организации. Это, в первую очередь, должен быть нотариат, выступающий от имени государства. В сфере его деятельности широкий круг прав человека, которые могут быть существенно нарушены при производстве действий, требующих нотариального удостоверения. Имеются многочисленные примеры злоупотреблений нотариусов при оформлении завещаний, договоров купли-продажи квартир, дач, земельных участков. Наличие уголовной ответственности нотариусов (ст. 202 УК РФ) не является надежной гарантией против преступлений и нарушений прав человека. Дополнительный контроль со стороны Уполномоченного был бы целесообразен.

Частные фирмы, компании, иные структуры нередко нарушают права человека, вмешиваются в сферу его интересов. Все они и их деятельность не могут находиться в ведении Уполномоченного. Но те из них, которые оказывают услуги населению, обслуживают его (транспортные предприятия, занятые перевозкой людей, иные, оказывающие жилищно-коммунальные и некоторые другие услуги) могли бы быть подконтрольны уполномоченным по правам человека.

Полномочиями в данной сфере обладают омбудсмены многих европейских стран. Имеются они у уполномоченных в некоторых субъектах Российской Федерации. Так, в качестве одной из основных функций Уполномоченного по правам человека в Алтайском крае является контроль за соблюдением на территории края прав и свобод человека и гражданина коммерческими организациями. Уполномоченному по правам человека в Волгоградской области предоставлено законом области право рассматривать жалобы на нарушения или действия (бездействия) руководителей предприятий, учреждений, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности. Но это скорее исключение из общего правила, согласно которому жалобы рассматриваются на деяния государственных и муниципальных структур субъекта Федерации.

За Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации возможно закрепление обязанности защищать конституционные права и свободы человека и гражданина, нарушенные государственными структурами и органами местного самоуправления, а также частными организациями, выступающими от имени государства, например нотариат, или выполняющими функции по обслуживанию населения. За счет этого, как представляется, Уполномоченный сможет с наибольшей эффективностью выполнять свою главную генеральную функцию — восстановление нарушенных прав человека.

Литература

1. *Карташкин В.А.* Права человека в международном и внутригосударственном праве. — М., 1995.
2. *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть. — М., 2007.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16.
4. Международное публичное право. Общая часть. — М., 2004.
5. *Минин С.* С разных колоколен. Православные, католики и лютеране по-разному смотрят на проблему прав человека // Независимая газета. — 16 мая 2007 г.
6. Общая теория прав человека / Рук. авт. кол. и отв. ред. Е.А. Лукашева. — М., 1996.
7. *Папаян Р.* Христианские корни современного права: Библия и основные права человека. — Ереван, 2000.
8. Права и свободы личности. Деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронова. 1998–2003. — М., 2003.
9. *Рудинский Ф.М.* Наука прав человека: предмет, функции, современные методологические проблемы // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. — М., 2003. — № 56 (4).
10. Советское государственное право / Под ред. И.Е. Фарбера. — Саратов, 1979.
11. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — М., 1997.
12. *Фарбер И.Е.* Права человека, гражданина и лица в советском обществе // Правоведение. — 1967. — №1.
13. *Фарбер И.Е.* Свободы и права человека в Советском государстве. — Саратов, 1974.
14. *Черниченко С.В.* Международное право: современные теоретические проблемы. — М., 1993.

Л.А. Нудненко

Конституционное право на свободу мысли и слова

Свобода мысли и слова закреплена статьей 29 Конституции Российской Федерации в соответствии со статьей 18 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. и статьей 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.

С.И. Ожегов под мыслью понимает: «то, что явилось в результате размышления, идея; то, что заполняет сознание; дума; убеждения, взгляды» [6]. Свобода мысли лежит в основе индивидуальной, духовной свободы человека. В силу этого она не может быть предметом правового регулирования.

Право человека на свободу мысли и слова предполагает: право беспрепятственно придерживаться своих мнений и убеждений и право на свободный отказ от них; право на свободное выражение своих мнений и убеждений; право на общение в устной или письменной форме, включая право воздержаться от общения; право на свободный выбор языка общения; право на свободу литературного, художественного и иного творчества. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений.

Б.Н. Чичерин писал, что «свобода мысли и слова, без сомнения, составляет одно из драгоценнейших достояний человечества. Без нее нет настоящего умственного развития, и те правительства, которые ее подавляют, действуют во вред духовной жизни народа и подрывают собственную силу» [7]. По мнению В.О. Матвеева «свободное обсуждение есть лучшее средство для защиты современного общественного строя» [5].

Право на свободу мысли предполагает право на инакомыслие. Инакомыслие — это, прежде всего, свойство личности по-своему воспринимать действительность, не поддаваясь групповым настроениям, не принимая слепо, так называемые коллективные представления. Когда личность ставит их под сомнение, она проявляет свою естественную самостоятельность, свободу. А когда нет такой личностной оценки, тогда действует закон толпы, тогда человек превращается в частичку массы, которой так легко манипулировать.

Новые идеи всегда рождались как идеи меньшинства. Люди не мыслят коллективно, хотя мыслят все. Но мысли одного или нескольких человек могут впоследствии стать коллективными. Однако никто не сумеет заранее сказать, какая именно идея будет тем прогрессивным началом, которое объединит миллионы людей. Главная задача демократии состоит в том, чтобы обеспечить свободное выражение идей, чтобы никто не подвергался ограничениям, чтобы новые мысли и идеи могли свободно распространяться.

С.А. Муромцев, один из основателей и лидеров партии кадетов в марте 1880 г. писал: «В обществе есть запас самостоятельных суждений, стремящихся к свободному выражению. Чем сильнее будут отменять это законное стремление, тем скорее оно направится по пути незаконному; и чем резче обнаружится несоответствие между стремлениями общества и образом действий власти, тем распространеннее и ярче станут формы незаконного протеста. Помимо того никакие репрессалии не в состоянии убить свободного развития мысли».

Таким образом, свобода мысли и слова давно были признаны конституционно-правовой доктриной, без которой невозможно демократическое правовое государство. Однако прямое закрепление в нормах российского права свобода мысли и слова получили только в постсоветский период истории России.

Важной проблемой реализации свободы мысли и слова является ее соотношение с политкорректностью и толерантностью, свободой высказывать мнения, для кого-либо неприятные, но важные.

Ярким примером является известная ситуация с опубликованием сначала датскими, а затем французскими журналистами карикатуры с изображением пророка Мухаммеда, на голове которого вместо тюрбана была изображена бомба.

Представители Союза исламских организаций Франции и Большой мечети Парижа подали в суд иск на главного редактора сатирического еженедельника «Шарли Эбдо». Они считали, что подобные изображения пророка Мухаммеда оскорбляют чувства верующих и приравнивают всех мусульман к террористам. Публикация карикатур в нескольких европейских газетах вызвала многочисленные протесты среди мусульман по всему миру. Редактору грозило шесть месяцев тюремного заключения и штраф 22 500 евро.

Кандидат на пост Президента Франции, министр внутренних дел Николя Саркози, которого данный еженедельник беспощадно критиковал, написал главному редактору еженедельника Ф. Валь, что предпочитает избыток карикатур их отсутствию. По мнению Н. Саркози жанр карикатуры вписывается в давнюю французскую традицию сатиры. Многие политики называли состоявшийся судебный процесс над печатным изданием «возвращением в Средневековье».

По словам Ф. Валь, публикации карикатур не имели целью оскорбить верующих. Цель карикатур — борьба с террористами, которые извращают смысл ислама.

Суд постановил, что опубликованные рисунки защищены законом о свободе самовыражения и не наносят ущерб исламу [8].

Важной гарантией свободы мысли и слова каждого гражданина является Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года (в ред. от 02.03.2007 г.). Любой дееспособный гражданин Российской Федерации, достигший 18 лет, находящийся на свободе, может выступить учредителем (соучредителем) средства массовой информации.

Гражданин располагает правом требовать помещения в средствах массовой информации своей точки зрения, если в отношении него были распространены сведения, не соответствующие действительности либо ущемляющие его законные права и интересы (ст. 46). Таким образом, законодатель создал предпосылку для того, чтобы сопоставление точек зрения и подходов можно было наблюдать во всех средствах массовой информации.

На практике в большинстве случаев граждане оспаривают высказанную точку зрения и требуют помещения своего мнения или оценки ситуации в том же средстве массовой информации лишь в случаях, когда не соответствующие действительности сведения порочат их честь, достоинство и деловую репутацию. Согласно ст. 43 Закона «О средствах массовой информации», если средство массовой информации не располагает доказательствами того, что распространенные им сведения соответствуют действительности, оно обязано их опровергнуть. Например, в новосибирской газете «Молодость Сибири» была опубликована статья, в которой двое научных сотрудников Государственной геологической академии были сочтены недостаточно компетентными и профессионально подготовленными для создания методического пособия по физике для студентов вуза. По иску обиженных физиков суд обязал газету опубликовать опровержение и компенсировать моральный вред [3]. Следовательно, право гражданина на ответ и опровержение может служить инструментом реализации свободы мысли и слова.

Вместе с тем, из практики Европейского суда следует, что оценочные суждения, в частности, выражаемые в сфере политической жизни, пользуются особой защитой, что является необходимым условием плюрализма мнений, столь важного для существования демократического общества. Мнения, выраженные в резкой или несколько утрированной форме, тоже пользуются защитой. Степень защиты зависит от контекста, в котором они употреблены, и от той цели, которую преследует критика. В вопросах касающихся политической борьбы или представляющих общественный интерес, в ходе политических дебатов или предвыборных кампаний, резкие критические замечания не являются неожиданностью [2].

Так, Ленинским районным судом г. Владимира было рассмотрено дело о защите чести и достоинства по иску народных депутатов Совета города Владимира к В. и редакции газеты «Призыв». В опубликованном газетой открытом письме содержались предположения о том, что «депутаты действовали против своей воли, позволили кому-то манипулировать собой», а также такие оценки, как «наш новый городской Совет отнюдь не являет собой собрание свободно мыслящих людей, но собрание людей легко внушаемых, с весьма неразвитым чувством ответственности и собственного достоинства, но сильно выраженным стадным инстинктом». В возражениях на иск ответчики указывали на то, что в статье отсутствуют какие-то сведения, факты, а высказано лишь мнение, оценка профессиональных и деловых качеств депутатов и их деятельности. По мнению ответчиков, с которым согласился и суд, отказавший депутатам в иске, такое право предоставлено ст. 29 Конституции РФ, гарантирующей право каждого на свободу мнений и слова.

Гарантией свободы слова в Российской Федерации является запрет цензуры (п. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации). Под цензурой массовой информации понимается требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей.

Вместе с тем, свобода слова имеет определенные, установленные Конституцией Российской Федерации и Законом Российской Федерации от 27.12.1991 года ограничения. Ограничения этого права могут устанавливаться только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав и интересов других людей в демократическом обществе. (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1993 г. № 10-П).

В частности, не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости.

Запрещается использование в радио-, теле-, видео-, кинопрограммах, документальных и художественных фильмах, а также в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации, скрытых вставок и иных технических приемов и способов распространения информации, воздействующих на подсознание людей и (или) оказывающих вредное влияние на их здоровье.

Запрещаются распространение в средствах массовой информации, а также в компьютерных сетях сведений о способах, методах разработки, изготовления, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также распространение иной информации, запрещенной федеральными законами.

Перечисленные запреты очерчивают границы свободы слова, которые позволяют обеспечить соблюдение прав и законных интересов других граждан, общественные и государственные интересы. Наличие таких запретов отвечает практике европейских судов. Так, законом от 30 марта 1999 г. фламандский парламент в качестве меры по реализации статьи 22 Директивы «Телевидение без границ» создал орган, призванный гарантировать защиту несовершеннолетних от злоупотреблений свободой СМИ — Фламандский аудиовизуальный совет по радио и телевидению. В этот Совет вошли двое судей и 7 экспертов в сфере детской психологии и педагогики. Совет уполномочен принимать

решения по собственной инициативе или в связи с поступившей жалобой. Осуждение Советом может привести к предупреждению нарушителя и к требованию прекратить нарушение или к административному штрафу. При определенных условиях Совет вправе предложить фламандскому правительству приостановить распространение телепрограммы.

После внесения новых статей о Совете во фламандский Закон о телерадиовещании фламандская коммерческая вещательная организация VTM обратилась в Бельгийский Арбитражный суд с требованием отменить вышеуказанные положения. Согласно заявлению VTM, полномочия Совета должны быть расценены как дискриминационное ограничение свободы выражения мнений, гарантированное статьей 10 Европейской Конвенции по правам человека.

В решении от 29 ноября 2000 года Арбитражный суд дал следующее заключение: ограничение, введенное в связи с защитой прав несовершеннолетних, вместе с положениями о самом Совете, соответствует статье 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Арбитражный суд подчеркнул, что цель этих положений — особая защита несовершеннолетних от вредного воздействия определенной категории телевизионных программ. Состав Совета, равно как и последовательность характера санкций, которые могут быть применены — достаточные гарантии того, что новые положения не нарушат свободу выражения избирательным или несоразмерным образом. Согласно решению Бельгийского Арбитражного суда, цель новых положений — защита несовершеннолетних как уязвимой социальной группы, что может быть квалифицировано как законная и необходимая цель в демократическом обществе.

В.П. Лукин в докладе за 2006 год отмечал, что журналисты и издатели редко обращаются к Уполномоченному по правам человека с жалобами в связи с ограничением их права на поиск, получение, передачу, производство или распространение информации. Тем не менее, по его мнению, очевидно, что такие нарушения существуют. «Чаще всего они реализуются через механизм экономического давления со стороны властных органов и лояльного к ним бизнеса на средства массовой информации. Широко распространена и практика так называемой «самоцензуры», побуждающая журналистов воздерживаться от распространения информации, которая, по их мнению, может не обрадовать власть имущих. В результате в стране повсеместно воспроизводится сюрреалистическая ситуация, при которой право хвалить власть, одобрять ее действия обеспечено реально, а право ее критиковать — во многом лишь формально» [1].

Литература

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год // Российская газета. — 13 апреля 2007 г.
2. Европейский Суд по правам человека и защита свободы слова в России / Под ред. Г.В. Винокурова и др. Т. 1. — М., 2002.

3. Ежегодник защиты гласности. — М., 1999.
4. Записка С.А. Муромцева М.Т. Лорис-Меликову (1880 г.) // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: Сборник документов / Авт.-сост.: А.В. Гоголевский, Б.Н.Ковалев. — М., 2000.
5. *Матвеев О.В.* Право публичных собраний. — СПб., 1909.
6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1978.
7. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. Ч. 2. — М., 1883.
8. Юмор в законе // Российская газета. — 23 марта 2007 г.

А.А. Крикунова

Конституционно-правовое регулирование социальных прав человека в Российской Федерации

Конституционно-правовое регулирование социальных прав человека включает в себя: признание данной категории прав в конституции государства, а также условий для беспрепятственного осуществления и защиты этих прав (гарантии); практику реализации конституционных социальных прав, т.е. реализацию норм Основного закона.

Не все ученые рассматривают социальные права в качестве самостоятельной группы. В юридической литературе зачастую говорят о существовании отдельной группы социально-экономических прав, охватывающих экономические, социальные и культурные права [2, 6, 11].

На наш взгляд, термин «социальные права человека» можно рассматривать в узком и широком смысле. В широком смысле «понятие социальных прав охватывает любые общественные связи, которые призваны обеспечить многообразие запросов людей» [5]. Такое понимание термина «социальные права» связано с трактовкой социального «как относящегося к жизни людей и их отношениям в обществе» [9]. Представляется, что в таком случае объединение социальных, экономических и культурных прав в одну группу является достаточно обоснованным.

Однако, в узком смысле термин «социальное» приобретает совершенно иное значение. Так В.М. Кондратьев отмечает: «Общество — есть собрание людей, товарищески, братски связанных какими-либо общими условиями. Общество, следовательно, возможно как позитивное единство людей. Заметим, единство — родовое понятие для общества» [8: с. 235]. Далее, продолжая свои рассуждения, В.М. Кондратьев отмечает, что единство предполагает и различия. «Смысл «негативное единство» (Гегель) приходится связывать со словом «социальный», указывающим на *необходимые различия* (курсив. авт.) в единстве людей. ... Итак, «общественное» и «социальное» характеризуют единство людей по разным основаниям: первое — по «центростремительным» силам в обществе, а второе — по «центробежным»... Поиск меры взаимодействия противоположных стремлений в единении людей занят государством — и социальное и общественное по назначению своей деятельности. Благодаря уяснению смысла слова «социальное» становится понятным значение выражения «социальная ориентации, т.е. ориентация на осуществление интересов отдельных единств людей, традиционно называемых социальными группами, классами, слоями или стратами» [8: с. 235–236].

С.А. Шавель предлагает учитывать «давнюю традицию, идущую от философов-утопистов, связывать понятие социальное с неравенством людей и борьбой за его устранение (например, идея социальной республики во Франции XIX в., социальный вопрос в России в работах Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и других [3]).

Рассматривая термин «социальное» в узком смысле, нам представляется возможным говорить о социальных правах как о самостоятельной группе прав личности. Эти права обладают своими специфическими признаками, отличающими их от всех других групп прав человека:

1) Социальные права реализуются в сфере социальной жизни. Социальные права являются важным инструментом социализации личности. Они направлены на обеспечение социального развития каждой личности. Эти права должны обеспечить каждому человеку такое существование, которое характеризуется возможностью самовыражения, самоидентификации и исключает устранение из общественной жизни. Суть социальных прав человека и гражданина — создание оптимальных условий для социализации личности, для вхождения индивида в данное социальное сообщество, для оптимальной социальной жизни человека.

2) Социальные права заявили о себе в процессе борьбы с экономическим неравенством за материальное благосостояние населения. Социальные права человека — это группа прав, воплощающих его социальную свободу.

Как справедливо отмечает, Ф.М. Рудинский «свобода личности, являющаяся важнейшим институтом демократии, имеет сложную структуру. Она состоит из индивидуальной, политической, экономической, социальной и культурной свобод. Каждая из указанных граней свободы личности обладает определенной спецификой и реализуется в определенной сфере человеческого бытия» [4].

Социальная свобода реализуется в сфере общественного бытия личности, участия людей в общественной жизни. Основная цель социальной свободы состоит в том, чтобы человек ощутил себя свободным от таких явлений как голод, нужда, нищета, неравенство. Всеобщая Декларация прав человека ООН 1948 года гласит: «что пренебрежение и признание к правам человека привели к варварским атакам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей».

С другой стороны, социальная свобода — это условие и средство социализации личности, социальная свобода — это средство обеспечения социального равенства.

Таким образом, социальные права человека отражают статус различных социальных групп (классов, страт, половых, возрастных, национальных групп), воплощают социальную свободу личности. Одним из способов обеспечения единства общества в современном мире являются социальные права.

3) Для осуществления социальных прав требуется активная социальная поддержка со стороны государства, особенно отдельных категорий граждан путем перераспределения национального дохода на основе принципов социальной справедливости. Эти права в литературе иногда именуют «позитивными»; они обязывают государство участвовать в судьбе граждан, улучшая ее в пределах, оговоренных Конституцией.

4) Социальные права гарантируют достаточный уровень жизни, без которого не может быть речи о нормальном человеческом существовании. Социальные права — это способ удовлетворения потребностей различных социальных групп; это способ социальной поддержки и помощи. Социальные права, в отличие от экономических, связаны не с производством социальных благ, а с их справедливым распределением. Объектами этих прав выступают блага социальной свободы материального и нематериального характера. К материальным благам относятся пища, одежда, жилище, медицинские услуги, социальное обеспечение, к нематериальным благам относятся здоровье, благоприятная окружающая среда. Однако, суть социальных прав не исчерпывается обладанием теми или иными ценностями, суть социальных прав проявляется в самом состоянии свободы человека (например, свобода от голода, нищеты, болезни, от неблагоприятной окружающей среды) — и это уже составляет благо нематериальное.

5) Социальные права обеспечивают социальную безопасность личности, т.е. возможность пользоваться результатами человеческого развития. Безопасность личности включает в себя несколько уровней: личная, политическая, экономическая, социальная, культурная и международная.

Социальная безопасность личности — это безопасность личности от нищеты, голода, болезней, от социальной несправедливости, социального отторжения, от неблагоприятных воздействий окружающей среды. Социальная безопасность создает атмосферу защищенности, уверенности в будущем.

Таким образом, *конституционные социальные права человека — это такие права, закрепленные в нормах Конституции, которые реализуются в социальной сфере, гарантируют достаточный уровень жизни, отражают статус различных социальных групп, обеспечивают социальную свободу и социальную безопасность каждой личности, активную роль в осуществлении которых играет государство.*

В основе конституционно-правового регулирования социальных прав в конституциях различных государств мира лежит определенный концептуальный подход в отношении данной категории прав человека, который отражает позицию лиц, участвующих в правотворческом процессе.

Некоторые ученые отказывают в признании за социальными правами юридических характеристик, говорят об их второстепенности по сравнению с гражданскими и политическими правами, поскольку социальные права не подлежат безусловной судебной защите, в том числе и при помощи международно-правовых механизмов. При этом социальные права часто

именуют «моральными» правами, правами-привилегиями, правами-притязаниями, мнимыми правами, объективными обязанностями государства, выполнение которых зависит от экономической и социальной политики страны [1; 10; 12; 13].

Н.С. Бондарь, Л.Д. Воеводин, П.П. Глушко, Д. Донелли, Ф.М. Рудинский и многие другие ученые полагают, что социальные права наряду с гражданскими и политическими правами, обладают качеством субъективных прав. Эти ученые связывают понятие субъективного права не только с возможностями его судебной защиты. «Право-притязание» как элемент субъективного права предполагает и другие возможности его обеспечения. Есть немало иных юридических, экономических, политических гарантий прав личности, которые также играют значительную роль в реализации прав человека.

В зависимости от концептуального подхода в вопросе конституционно-правового регулирования социальных прав можно выделить следующие типы конституций: либеральные конституции, конституции социалистического типа, неолиберальные конституции.

Конституции либерального типа (Конституция США, первые конституции европейских государств) не признают социальные права в качестве прав человека; в тексте таких конституций вообще отсутствуют социальные права человека.

Конституции социалистического типа (СССР, Куба, Лаос, КНДР, Китай, Вьетнам и другие) закрепляют широкий перечень социальных прав, их гарантий (в том числе и материальных). Социальные права в конституциях социалистического типа признаются «в полном смысле правами человека», которые можно защитить в суде; не редко им отводится первостепенная роль в обеспечении подлинной свободы личности.

Неолиберальные конституции (Германия, Франция, Италия, Белиз и другие) можно подразделить на две группы. Первая группа таких конституций довольно близка к группе либеральных конституций: социальные права в таких конституциях обозначаются через формулу «директивные принципы социально-экономической политики государства» (например, Конституция Белиза); в тексте конституции (например, Швейцарии) может содержаться оговорка о невозможности прибегнуть к судебной защите ряда социальных прав. Во второй группе неолиберальных конституций (Германия, Италия и другие) закреплены социальные права, закреплены принципы социальной политики государства; в тексте таких конституций отсутствуют какого-либо рода оговорки о невозможности защиты социальных прав.

В ст. 38–42 Конституции РФ закреплены следующие социальные права: право на защиту семьи, материнства и детства; право на социальное обеспечение; право на жилище; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; право на благоприятную окружающую среду. Однако, Конституция РФ не в полной мере закрепляет важнейшее социальное право — право на достаточный уровень жизни. Представляется, что элементами права на доста-

точный уровень жизни являются право на жилище, право на благоприятную окружающую среду, право на одежду и пищу. Таким образом, в тексте Основного закона не закреплено два важнейших элемента этого права, что, является, на наш взгляд, существенным недостатком Конституции РФ.

Ст. 17, 18 Конституции РФ объявляет все права непосредственно действующими, неотчуждаемыми, принадлежащими каждому от рождения. Согласно ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения органов государственной власти и органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде. Ст. 33 Конституции РФ содержит возможность защиты гражданами своих прав в административном порядке путем обращения лично в государственные органы и органы местного самоуправления. Е.И. Колюшкин справедливо отмечает, что «положения ст. 18 Конституции России о непосредственном действии прав человека распространяется на все без исключения конституционные права. И если суды не принимают иски в их защиту, то это противоречит как Конституции, так и закону о порядке обжалования неправомерных действий. Значит, надо менять судебную практику» [7].

Конституция РФ в вопросе гарантий прав человека, в том числе и социальных прав в основном акцентируют внимание на юридических гарантиях. Материальные гарантии социальных прав не нашли должного закрепления в Конституции РФ.

Представляется, что по формально юридическим соображениям Конституцию РФ 1993 года можно отнести к типу неолиберальных конституции второй группы.

Однако, данные различных докладов ПРООН, докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, докладов НПО свидетельствуют о том, что в России существуют огромные проблемы с реализацией данной группы прав. Думается, что социальные права человека в России на практике в большей степени существуют не иначе как цели, директивные принципы социально-экономической политики нашего государства.

Литература

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. — М., 1998.
2. Безуглов А.А., Солдатов С.А. Конституционное право России. — М., 2003.
3. Бороноев А.О., Смирнов П.И. О понятиях «общество» и «социальное» // Социс. — 2003. — № 8.
4. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / Под ред. Ф.М. Рудинского. — Волгоград, 2004.
5. Кабалкин А.Ю. Критика и библиография // Советское государство и право. — 1989. — № 8.
6. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. — М., 2004.

7. *Колюшкин Е.И.* Конституционное (государственное) право России. — М., 1999.
8. *Кондратьев В.М.* О тенденциях реформирования российского образования // Человек – образование – общество: сб. статей / Сост. и науч. ред. И.А. Бирич. — М., 2005.
9. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М., 1982.
10. *Осятинский В.* Права человека в перспективе XXI века // Права человека и демократия. Сборник статей/ Сост. Н. Утяшева, отв. ред. М. Лисицина. — Бишкек, 2004.
11. *Утяшев М.М., Утяшева Л.М.* Права человека в России: состояние и перспективы. — Уфа, 1997.
12. *Харламова Н.* Конституционный статус социально-экономических прав // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. — 2000. — №1.
13. *Чечот Д.М.* Субъективное право и формы его защиты. — Л., 1968.

**Н.М. Чепурнова,
Т.С. Шипаева**

Право на доступ к суду и на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина: вопросы соотношения

Внимание законодателей, ученых практиков к проблеме судебной защиты прав и свобод человека и гражданина достаточно обосновано. Возможность беспрепятственно обращаться в суд за защитой от любого неправомерного решения, действия или бездействия тех или иных органов и должностных лиц является одним из условий обеспечения свободы личности. Отсюда — наличие тесной взаимосвязи имеющих самостоятельное значение прав: на судебную защиту и на доступ к суду. Анализируя сущность и содержание права на доступ к суду, следует отметить, что с одной стороны оно может быть отнесено к правомочиям лица, с другой — это принцип функционирования судебной власти.

На практике возникают ситуации, когда и суды общей юрисдикции, и арбитражные суды признают определенную категорию дел неподведомственной им. В результате заинтересованные лица не могут реализовать свое конституционное право на судебную защиту.

Взаимосвязь права на судебную защиту и права на доступ к правосудию находит свое выражение в реализации в судебном процессе принципа состязательности, который является, с одной стороны — структурным элементом доступности, с другой — принципом деятельности судебной власти в целом.

По справедливому замечанию В.М. Лебедева: «реальная жизнь не должна подгоняться под готовые теоретические схемы. И существующие в различных демократических странах судебные процедуры свидетельствуют о том, что в чистом виде состязательного процесса не существует. Формы процесса всегда содержат некоторую комбинацию элементов следственного (инквизиционного) и состязательного процесса» [8: с. 145].

Следует отметить, что способы и уровень сочетания состязательных и инквизиционных процедур в судопроизводстве остаются на усмотрении законодателя, даже если декларируется, что судебное разбирательство строится на состязательных началах. Международные нормы, относящиеся к справедливому судебному разбирательству, исходят лишь из предоставления сторонам равных возможностей, понимая под состязательностью «равенство оружия».

Одна из задач судебной реформы — ограничить публичность процессуальной роли суда, не совместимую с состязательной формой построения

процесса, приводящую к принятию судом на себя функции обвинения или обязанности сбора доказательств.

В уголовном судопроизводстве начала публичности были ограничены путем исключения права суда инициировать судебный процесс. Суд должен быть также освобожден от не свойственных ему функций сбора доказательств по делу.

Формой доступа к суду и критерием связи между принципами доступности суда и судебной защиты прав и законных интересов индивида является участие граждан в отправлении правосудия. Формы такого участия установлены Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» (статьи 1 и 8); ими являются: присяжные, народные и арбитражные заседатели.

Однако с введением в действие новых процессуальных Кодексов принятый и введенный в действие Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (с изм. и доп.) [14] признан утратившим силу. В судах общей юрисдикции участие граждан в отправлении правосудия ограничено только присяжными заседателями, а в рассмотрении гражданских дел граждане вообще не участвуют.

В результате институт народных заседателей, существовавший в нашей стране долгое время как форма участия граждан в отправлении правосудия и являющийся элементом демократичности правосудия, одним из политических прав граждан в осуществлении государственной — судебной власти (Статья 32 часть 5 Конституции РФ) был ликвидирован.

По справедливому утверждению В.М. Жуйкова, такое законодательное решение в процессуальных кодексах (ГПК РФ и УПК РФ) как минимум противоречит акту большей юридической силы — Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации», в котором прямо указано на участие народных заседателей в осуществлении правосудия (статьи 1 и 8) [7].

Более того, отсутствие института народных заседателей в процессуальных законах, лишает граждан России возможности реализовать свое конституционное политическое право участвовать в отправлении правосудия, и народ как суверен и носитель государственной власти не имеет механизма контроля в судебной системе и при осуществлении правосудия. Доступ к правосудию и судебной защите прав и свобод человека и гражданина должен быть контролируемым со стороны народа. Это одна из гарантий доступности, гласности и открытости судопроизводства и антикоррупционная мера.

Россия является членом Совета Европы и признает юрисдикцию Международного Европейского суда. В этой связи граждане получили возможность обращаться за защитой своих прав в соответствующие международные структуры. Это ставит перед законодателем задачу привести уровень защиты прав и свобод человека в соответствие с европейскими и мировыми стандартами,

что, безусловно, требует правового и организационного обеспечения доступности судебной защиты.

Соотношение права на судебную защиту и права на доступ к правосудию имеет исторические предпосылки. Как утверждает В.И. Радченко [12], идея реформирования судов, зародившаяся еще в годы перестройки во второй половине 80-х годов, первоначально ставила своей задачей модернизацию системы советского правосудия в соответствии с концепцией демократизации социализма в СССР. Однако совершенно новый импульс судебная реформа получила в связи с коренными общественно-политическими изменениями в стране в начале 90-х годов.

Стало ясно, что для защиты политических и экономических свобод граждан и их объединений общество нуждается в истинно независимом суде, не ангажированном и свободном от политического и социального давления. Обеспечить это было возможно при условии организации государственной власти на принципах ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную, и обеспечения полной ее самостоятельности.

Необходимо было снять ограничения на реализацию права граждан обращаться в суд для защиты своих интересов, то есть расширить компетенцию суда по рассмотрению споров граждан, в том числе и с государством, довести ее до общепринятых в мире стандартов. В советский период при однопартийной политической системе граждане не могли защищать в суде не только политические, но и многие другие права и свободы, вытекающие из трудовых, жилищных, налоговых, земельных и иных правоотношений. Жалобы на действия должностных лиц рассматривались, как правило, в административном порядке вышестоящими руководителями и не могли быть предметом судебного рассмотрения. Доступ к суду, к правосудию был существенно ограничен как по кругу лиц, так и по предмету спора.

Положение кардинально изменилось с принятием новой Конституции 1993 года и провозглашением в ней в статье 46 права на судебную защиту. Данное право в науке конституционного права обоснованно характеризуется как концептуальное теоретическое и политико-правовое понятие, характеризующее смысл, содержание и формы реализации судебной власти, представляющее собой сложное, многофункциональное и многовариантное явление. Это обуславливает наличие различных взглядов на понятие судебной защиты. В науке судебную защиту рассматривают как институт конституционного права, вид государственной защиты прав и свобод личности, как общественное отношение и государственную функцию [2: с. 225, 226].

В уголовно-процессуальной науке судебную защиту освещают как совокупность организационных и процессуальных правил, предоставленных подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему для защиты своих прав и законных интересов. В теории права судебная защита рассматривается как составная часть правоохранительной функции государства [4].

Закономерное в правовом государстве усиление влияния судебной власти, ее обособление от правоохранительных органов, выделение в самостоятельную ветвь государственной власти привели к перерастанию судебной защиты прав и свобод граждан в самостоятельную государственную функцию.

Судебная защита представляет юридический механизм, с помощью которого государство обязано обеспечить соблюдение прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ. Следует согласиться с оценками А.П. Гуськовой что, механизм защиты прав и свобод человека призван укреплять правовую защищенность граждан, отвечая международным стандартам, дабы обеспечивать законный доступ к правосудию [5].

В литературе отсутствуют единые подходы к соотношению понятий, и судебная защита отождествляется с правосудием или рассматривается как гарантия доступа к нему [9: с. 8, 9; 10: с. 135]. Более того, категория судебной защиты прав и свобод нередко отождествляется с доступностью судебной защиты. Представляется, что право на судебную защиту шире права на доступ к судебной защите и включает его.

Право на доступ к правосудию рассматривается рядом автором в широком смысле и отождествляется с правом на судебную защиту.

Так, Л.Л. Зайцева, например, утверждает: «Право на справедливое судебное разбирательство является общепризнанной международно-правовой нормой, непосредственно относящейся к правам человека. Поэтому все авторитетные международно-правовые акты закрепляют, прежде всего, само право на судебную защиту, или обеспечение доступа к правосудию» [13]. Тем самым данный автор отождествляет право на судебную защиту, право на доступ к правосудию и право на справедливое судебное разбирательство.

Г. Жилин, отмечая, что реализация права на обращение за судебной защитой возможна лишь при наличии предусмотренных законом предпосылок, которые выступают в качестве неперемных условий возбуждения гражданского дела в суде первой инстанции [6: с. 14], судя по всему, идентифицирует указанное право с правом доступа к правосудию. Аналогичную точку зрения разделяет и Ю.В. Самович, утверждая, что «право на судебную защиту следует рассматривать как синоним права на доступ к правосудию» [13]. В свою очередь В.М. Жуйков даже не анализирует соотношения этих прав, а при указании одного в скобках поясняет его другим — «право на судебную защиту (на доступ к правосудию)» [7].

Но в собственном смысле конструкция доступности — составная часть судебной защиты. Например, анализируя эффективность французского правосудия, Ф. Люшер пишет о том, что «право на судебную защиту складывается из следующих компонентов: а) свободный доступ к правосудию; б) возможность неоднократной проверки и пересмотра состоявшегося решения; в) право на обжалование состоявшихся решений и определений в высших судебных инстанциях» [13]. Данные положения применимы и к российскому правосудию.

Право на судебную защиту является гарантией прав и свобод личности. В тоже время оно само обеспечивается рядом конституционных гарантий, таких как: признание норм о правах и свободах человека и гражданина непосредственно действующими, их обеспеченность правосудием (части 1 и 4 статьи 15, статья 18 Конституции РФ), конституционное закрепление права на судебную защиту, доступ к правосудию и юридическую помощь, которые не должны ограничиваться ни при каких обстоятельствах (статьи 46, 48, 52; часть 3 статьи 56).

Непосредственное (прямое) действие конституционных норм не дает судам права отказывать в защите прав и свобод, ссылаясь на отсутствие специального закона, и это является одной из наиболее значимых конституционных гарантий доступности судебной защиты.

Доступность суда как принцип функционирования судебной власти и его значение следует рассматривать через содержание одного из основополагающих конституционных прав гражданина — права на судебную защиту прав и свобод (статья 46 Конституции РФ).

Реализуя свое исключительное правомочие по разрешению правового конфликта, суд в процессе рассмотрения и разрешения по существу конкретного дела восстанавливает нарушенное право одной из конфликтующих сторон и защищает от возможного необоснованного нарушения или ограничения права другой стороны. Суд обеспечивает реализацию гарантированного государством права на судебную защиту каждому независимо от его роли в правовом конфликте. Правовой формой защиты служат решение или приговор суда. Эти важнейшие акты судебной власти формально легитимируют признание прав пострадавшей стороны нарушенными и их восстановление либо констатацию отсутствия такого нарушения, ограждения одной стороны от необоснованного ущемления ее прав. Таким образом, судебная власть восстанавливает нарушенное право, обеспечивает возмещение причиненного вреда, ограждает права и свободы от их необоснованного ограничения или нарушения.

Для обеспечения со стороны государства принципа доступности судебной защиты, судам надлежит соблюдать выработанные мировой практикой основания ограничения этого права.

Соотношение между правом на доступ к правосудию и правом на судебную защиту можно раскрыть посредством проверки правильности принятого решения или приговора. Право на обжалование судебных решений, определений и постановлений присуще принципу доступности суда и является формой осуществления права на судебную защиту. Лицо обжалует судебные акты применения права, когда его нарушенное право или законный интерес не были восстановлены либо, наоборот, были нарушены судом (например, по мнению стороны, выступавшей в качестве ответчика). В данном случае вышестоящая судебная инстанция проверяет законность и обоснованность вынесенного судом первой инстанции судебного решения и в этой связи реализует право каждого на доступ к суду, т.е. на принятие судом правосудного

решения. С другой стороны, когда суд второй инстанции, отменяя решения суда первой инстанции, выносит новое судебное решение, он осуществляет судебную защиту прав и свобод лица. Для обеспечения доступа к суду важно законодательно определить структуру судебных органов, которая обеспечивала бы внутрисистемный контроль судов разных инстанций и возможность исправления судебных ошибок. Ю.В. Самович обоснованно отмечает, что перед судом по-прежнему стоит задача разрешения спора между сторонами одновременно с оценкой деятельности нижестоящего суда [13].

Право на доступ к суду имеет не только процессуальные, но и организационные аспекты. Следует согласиться с В.И. Анишиной, которая под обеспечением доступности правосудия понимает его приближение к населению [1]. О какой судебной защите можно говорить, если человек не будет иметь возможности обратиться в судебные органы, которые были бы размещены в пределах территории его проживания?! Приближение к населению должно рассматриваться как организационная составляющая доступности суда. Она предполагает не только наличие судов в районах и городах, но и установление удобного и доступного для населения режима приема документов и организации работы сотрудников суда и делопроизводства. К сожалению, в этом направлении на законодательном уровне не принято практически никаких мер.

До настоящего времени деятельность судов общей юрисдикции регулируется законом РСФСР от 08.07.1981 г. (ред. от 20.08.2004 г.) «О судостроительстве РСФСР» [3], нормы которого давно уже не отражают реальную роль и значение судебной власти в механизме разделения властей. Целый ряд его положений устарели и утратили свою силу, а закон фактически утратил регулятивное значение. Предусмотренный Конституцией РФ 1993 года Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции» не принят. В этом нормативном акте принцип доступности суда должен стать основным. Законом установлены правовые основы его реализации в системе судов общей юрисдикции, в их организации и функционировании.

Сегодня обращение к судам как к защитникам прав и свобод людей стало повседневным явлением, так как очевидны преимущества судебного порядка обжалования перед административным. Расширение доступа к правосудию повлекло за собой существенный рост обращений граждан в суды. От того, насколько оптимально, в соответствии с конституционно установленными задачами устроена судебная система, определена компетенция судов в ней, эффективны процедуры рассмотрения дел в судебных инстанциях, обеспечено исполнение судебных постановлений, можно делать выводы о реальности или декларативности права на судебную защиту и реализацию принципа доступности суда.

Согласно пункту 7 «Основных принципов независимости судебных органов» каждое государство — член ООН обязано предоставлять соответствующие средства, позволяющие судебным органам надлежащим образом выполнять свои функции» [11: с. 325–329]. К сожалению, наряду с правовыми и организационными проблемами, препятствующими обеспечению до-

ступности суда отмечаются и существенные кадровые и морально-этические проблемы в судебной системе. В первую очередь, это отсутствие у судей гражданской ответственности, репрессивно-инквизиционный и корпоративный характер правосознания, свойственный значительной части судей и приставов-исполнителей, правовой нигилизм и антигуманизм [4]. Причины этого кроются в целом ряде социальных, политических, этических, правовых, организационных и иных факторов. Это низкая правовая культура российского общества в целом и профессиональная культура судей в частности. Это отсутствие контроля со стороны граждан России и невозможность их участия в осуществлении правосудия, и в этой связи формирование профессиональной «закрытости» судебной системы. Это отказ от прямых выборов как способ формирования судебных кадров на низовом уровне судебной системы — мировых судей и бюрократизация процесса формирования судебных кадров, и отсутствие доверия к ним со стороны населения и т.д.

В шкале конституционно установленных ценностей для государства в качестве основы конституционного строя России человек, его права и свободы определены как высшая ценность. Государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (статья 2 Конституции РФ). В механизме разделения властей судебной власти отводится особая роль обеспечивать права и свободы человека и гражданина как непосредственно действующие (статья 18 Конституции РФ). Исходя из этих конституционных установок и реализации принципа доступности суда, должна строиться политика и правовое регулирование государства в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. *Анишина В.И.* Конституционно-правовая доктрина самостоятельности судебной власти: проблемы становления и развития в современной России. (Становление и развитие доктрины самостоятельности судебной власти в России: теоретико-исторический и конституционный аспекты): Дисс. ... докт. юрид. наук. — М., 2006. — § 2, глава 2.
2. *Баглай М.В., Габричидзе Б.Н.* Конституционное право Российской Федерации. — М., 1996.
3. Ведомости ВС РСФСР. — 1981. — № 28, ст. 976.
4. *Грудцына Л.Ю.* Судебная защита прав и свобод личности: теоретический аспект // Законодательство и экономика. — 2003. — № 8
5. *Гуськова А.П.* К вопросу о судебной защите прав и свобод человека, гражданина в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. — 2005. — № 6.
6. *Жилин Г.* Условия реализации права на обращение за судебной защитой // Российская юстиция. — 1999. — № 5.
7. *Жуйков В.М.* Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. — М., 2006.
8. *Лебедев В.М.* Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. — СПб., 2001.

9. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. — Саратов, 1987.
10. Международная жизнь. — 1990. — № 9.
11. Основные принципы независимости судебных органов (Приняты на седьмом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившем в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 года и одобрены Резолюцией 40/146 Генеральной ассамблеи ООН от 13 декабря 1985 года) // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. — М., 1990.
12. *Радченко В.И.* Защита прав граждан — основная цель судебной реформы // Юридический мир. — 2005. — № 12.
13. *Самович Ю.В.* К вопросу о содержании права индивида на судебную защиту (национальные и международные аспекты) // Юрист-международник. — 2006. — № 1.
14. Собрание законодательства РФ, 10.01.2000, № 2, ст. 158. В части, касающейся гражданского судопроизводства, признан утратившим силу с 1 февраля 2003 г. (Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ), в части, касающейся уголовного судопроизводства, признан утратившим силу с 1 января 2004 г. (Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ).

С.А. Бурьянов

О необходимости перехода к новой парадигме реализации свободы совести

Сегодня реализация свободы совести (свободы мировоззренческого выбора) является непременным условием правовой демократии, гражданского мира и стабильности в многонациональном и поликонфессиональном государстве.

В современной России реализация декларируемых конституционных прав в области свободы совести находится в глубоком, системном кризисе [1]. Кризису подвержены все уровни, на которых формируется реализация свободы совести — науки и образования, законодательства, правоприменения.

Недостаточная научная разработанность указанной проблематики фактически предопределила формирование противоречивого законодательства и, как следствие, «перекосы» в области правоприменения.

В результате не только нарушаются права верующих и религиозных меньшинств, но и подавляется свобода мировоззренческого выбора как таковая, размываются демократические принципы, составляющие основу конституционного строя.

Общетеоретическая разработанность проблематики свободы совести крайне слаба. Об этих проблемах в своих работах говорит профессор Ф.М. Рудинский [3]. Слабость научной разработанности проблемы реализации свободы совести касается, прежде всего, методологии и понятийного аппарата:

– в законодательстве и правоприменении свобода совести понимается ограниченно — как свобода вероисповедания и деятельности религиозных объединений, что изначально предопределяет отсутствие правовых гарантий для лиц, не являющихся членами религиозных организаций, и, прежде всего «неверующих»;

– ограничительная трактовка свободы совести усугубляется отсутствием и принципиальной невозможностью создания единого юридического определения религии. Возможность множественного толкования «религии» предопределяет коррупционность в сфере применения этого термина, а так же понятий, производных от него;

– вопрос о корректности правовых понятий производных от термина «религия» (например, «религиозное объединение») является дискуссионным;

– недостаточно разработанными являются вопросы соотношения свободы совести с такими сопряженными с ней понятиями, как антиклерикализм, свобода

вероисповедания, религиозная свобода, светскость государства, религиозная политика государства, государственно-религиозные отношения и др.;

– нерешённость проблемы соотношения этих понятий со свободой совести приводит к юридически некорректной трактовке принципов и понятийного аппарата: светскость порой отождествляется с секуляризмом и определяется как нерелигиозное, при неопределенности религиозного, а религиозная политика государства и государственно-религиозные отношения довлеют над свободой совести;

– неразработанность вопроса соотношения свободы совести и свободы вероисповедания, применение юридически некорректных разделительных принципов (например, верующий/неверующий) опосредованно предопределяют чрезмерное влияние религиоведения на право и экспорт соответствующего понятийного аппарата («традиционные/нетрадиционные» религии, религиозные организации, «культ», «деструктивный культ», «секта» и т.п.) в образовании, государственное управление, другие области науки;

– применение юридически некорректных принципов и понятийного аппарата предопределяет тенденции трансформации законодательства, направленные на юридическое закрепление клерикальной идеологизации органов власти и государственного управления, специальных привилегий для некоторых религиозных объединений;

– на фоне крайне слабой разработанности методологии для реализации свободы совести, выражающейся, прежде всего, в приоритете «религиозной политики» над «свободой совести», идеологически ангажированными учёными фактически разрабатываются некорректное обоснование и понятийный аппарат для преследований инаковерующих и инакомыслящих: «духовная безопасность», «экстремизм», «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм», «религиозный терроризм» и т.п.

Таким образом, правовое регулирование в области свободы совести базируется на некорректных с юридической точки зрения принципах, не имеющих четких правовых критериев и соответствующем понятийном аппарате, частично заимствованном из теологии.

Законодательство РФ в области свободы совести и тенденции его трансформации можно охарактеризовать как пробельное и противоречивое.

В целом в законотворчестве сложилась ситуация, в результате которой законодательство, по логике, направленное на реализацию прав и свобод человека в сфере свободы совести превратилось в «специальное» религиозное, регламентирующее не столько деятельность религиозных институтов как юридических лиц (этому посвящено гражданское законодательство) и не столько пресекающее злоупотребления в этой сфере (этому посвящено уголовное законодательство), а фактически позволяющее контролировать и ограничивать свободу мировоззренческого выбора, использовать религию в политических целях.

Таким образом, возможность произвольного толкования законодательства в сфере свободы совести, в соответствии с личными интересами и корпора-

тивными идеологическими предпочтениями государственных чиновников, во многом предопределяет коррупцию в области отношений государства с религиозными объединениями и многочисленные нарушения прав человека.

С целью формирования методологии и направлений преодоления кризиса в области свободы совести необходимо определить факторы, взаимосвязанные и взаимозависимые с указанной областью и оказывающие на нее значительное влияние.

Отношения между наукой и религией оказывают фундаментальное влияние на формирование нормативно-правовой базы международного и российского законодательства для реализации прав и свобод человека в сфере свободы совести.

Эта нормативно-правовая база основана на принципах противопоставления знания и веры, обусловленных противопоставлением науки и религии.

Необходимо создание максимально широкой правовой концепции свободы совести, основанной на корректных терминах, исключая двойственное, субъективное и корпоративное толкование.

Подавляющее большинство ученых, связывают содержание свободы совести с содержанием религиозной свободы, с реализацией прав верующих. Право остальных на свободу совести традиционно связывается только с атеизмом и отказом воспользоваться религиозной свободой. Таким образом, в правовом поле оказываются только права людей, считающих себя верующими.

Свобода совести для каждого (без разделения) призвана объединить в едином правовом поле науку и религию, секулярную культуру и религиозную, мировые религии и религиозные течения, верующих и неверующих. Достаточно одного взгляда на многочисленные «горячие» точки военных конфликтов и терроризма на современной карте мира, чтобы лишний раз убедиться в актуальности такого объединения.

Тема религии и политики (религии и выборов) оказывают решающее влияние на реализацию свободы совести.

Свобода совести, в качестве средства защиты человека, общества от идеологического господства любых доктрин и структур, выступает основой каждого правового демократического государства, поставившего в качестве цели построение открытого гражданского общества. В то же время властные группы всегда заинтересованы и прилагают все усилия, включая законодательные инициативы, для контроля и ограничения мировоззренческой сферы для удержания власти.

Современный принцип разделения властей неразрывно связан и даже невозможен без разделения светской и духовной власти, т.е. государственных институтов и религиозных объединений.

В целях защиты мировоззренческого плюрализма как важнейшей составляющей гражданского общества, наряду с идеологическим многообразием, необходимо оградить религиозную сферу от политических интересов и притязаний государства.

В данном контексте строительство правового демократического государства и формирование гражданского общества несовместимо с клерикализа-

цией государственных институтов, законодательным закреплением жесткого контроля и неравенство конфессий.

В указанном контексте «чистые» выборы это не только соблюдение закона, но и приведение государственной политики в области свободы совести в соответствии с Конституцией РФ.

Реализация декларируемых принципов свободы совести каждому, в очень значительной мере зависит от исторически сложившихся отношений государства с религиозными объединениями.

Государственно-конфессиональные отношения и государственная вероисповедная политика как самодостаточные существовали исторически. Но с момента принятия Всеобщей декларации прав и свобод человека в 1948 году, а для России, по крайней мере, с момента принятия в 1993 году всенародным голосованием Конституции РФ, и государственно-конфессиональные отношения и государственная вероисповедная политика должны рассматриваться как производные от вышеупомянутых конституционных принципов и строго им соответствовать.

В противном случае принцип светскости государства (мировоззренческого нейтралитета) размывается, а «специальные» государственно-конфессиональные отношения приобретают самодовлеющий характер, обрастая специальными льготами для «избранных» религиозных объединений.

Свобода совести в контексте глобализации — перспективное направление исследований, ставящее задачей поиск принципиально новых подходов с учетом глобальной перспективы мирового развития [2].

Взаимосвязанный, взаимозависимый характер современного мира выступает как противоречие между объективной необходимостью и субъективной неготовностью различных государств, народов и регионов сотрудничать друг с другом в силу имеющихся цивилизационных, этноконфессиональных, идеологических барьеров. Барьеры связаны в очень значительной мере с эксплуатацией этноконфессионального фактора для политических нужд. «Противоядием» призвана стать реализация свободы совести для каждого.

Реальное обеспечение свободы совести будет определять как саму возможность интеграции, так и принципы, на которых оно будет базироваться: равноправия и партнерства или доминирования «великих держав» основанного на силе и гегемонии, достойной жизни для каждого человека или только для некоего «золотого миллиарда».

Анализ факторов предопределяющих состояние (кризис) свободы совести (отношения между наукой и религией, религией и политикой, государством и религиозными объединениями, учет фактора глобализации) выявил, что старая парадигма, основанная на разделении «верующий – неверующий», не корректная при применении в системе права и подразумевает:

1. Противопоставление науки и религии в обществе, знания и веры каждого человека.
2. Противопоставление индивидуального и коллективного.
3. Использование религиозных объединений в политических целях.

4. Зависимость реализации конституционных прав от отношений государства с религиозными организациями и вероисповедной политики.

5. Противопоставление национальных интересов и глобальных тенденций, национальных государств и международного сообщества.

6. Применение некорректных с юридической точки зрения принципов и понятийного аппарата, не имеющих четких правовых критериев.

Позитивные изменения связаны с необходимостью научно-теоретической разработки концепции свободы совести на основе перехода к новой парадигме правового регулирования свободы совести, без применения некорректных разделительных принципов и подразумевающей:

1. Отказ от противопоставления знания и веры, переход к концепции признания многообразия и уважения к соотношению знания и веры у разных людей в обществе.

2. Отказ от противопоставления индивидуального и коллективного. Коллективные интересы следует рассматривать в качестве производных от индивидуальных.

3. Формирование правовой базы для разграничения религиозных объединений и политики в правовом поле.

4. Ограничение «специальной» (по сути неправовой) регламентации мировоззренческой сферы, независимость реализации конституционных прав от отношений государства с религиозными организациями и вероисповедной политики.

5. Отказ от противопоставления национальных интересов и глобальных тенденций мирового развития.

Литература

1. Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. — М., 2005.
2. Бурьянов С.А. Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы реализации права на свободу совести в контексте глобализации // Государство и право. — 2002. — №10 — С. 26–31.
3. Рудинский Ф.М. Наука прав человека и проблемы конституционного права. — М., 2006.

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

М.Н. Марченко

**Исторический аспект
в исследовании прав человека**

В одной из своих работ под названием «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», изданной более ста лет назад, В.И. Ленин в полемике, со ссылкой на своих предшественников, с иронией писал: «Какое глубокомыслие! Да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего?» [8: с. 181].

В настоящее время, в условиях глобализации мира, когда «коммунизм» на постсоветском пространстве уступил дорогу капитализму, стало не модно ссылаться на работы Ленина или других «классиков марксизма-ленинизма» даже тогда, когда в них содержатся подтвержденные самой жизнью положения. Очевидно, что это очередной перебор, который далеко не способствует ни развитию теории, ни совершенствованию общественной практики.

Приведенное выше положение имеет весьма важное как в теоретико-методологическом, так и в практическом плане значение, касающееся не только общественной и государственно-правовой материи, но и прав человека.

В отечественной научной литературе, особенно в последние годы, правам человека уделяется значительное внимание [4; 5; 14; 16; 17]. Права человека рассматриваются с самых разных сторон и в самых различных аспектах.

Тем не менее, для более глубокого их понимания в настоящем — в «эпоху глобализма», и для более точного определения тенденций и перспектив их развития в будущем, представляется необходимым уделять гораздо больше внимания рассмотрению не только и даже не столько их формально-юридическим, сколько содержательным, конкретно-историческим, сущностным аспектам.

Ибо в реальной жизни реальные права человека, как известно, не существуют и не могут существовать вообще, безотносительно того или иного социального, существующего на определенном историческом отрезке времени, сообщества или индивида. В полной мере это касается также свобод и юридических обязанностей отдельных человеческих сообществ и индивидов.

Они, также как и права человека, возникают на определенном историческом этапе, развиваются в конкретных исторических условиях и уходят в небытие или же трансформируются и наполняются новым юридическим и социально-экономическим содержанием со сменой очередной исторической эпохи или даже — государственного и общественного строя.

Раскрытие исторического характера прав человека — процесс сложный, довольно емкий и требующий отдельного монографического рассмотрения. В практическом плане это означает прежде всего изучение прав человека *не только на первоначальном этапе их зарождения и развития, но и на всех последующих этапах, вплоть до современного.* Это — рассмотрение прав человека применительно к *конкретным историческим, политическим, социально-экономическим и иным условиям жизни общества и государства.* Это, наконец, — *выявление тенденций и закономерностей развития прав человека на всем протяжении существования общества и государства, а, кроме того — установление элементов их общности и, соответственно, их преемственности, а также их особенностей на различных этапах эволюционного и революционного развития общества и государства.*

Помимо названных существует также ряд других вопросов, имеющих непосредственное отношение к рассмотрению прав человека в историческом аспекте. Их много и все они важны как с теоретико-методологической точки зрения, так и с практической [4: с. 117–169; 13: с. 107–112; 17: с. 35–91; 20: с. 16–22]. Не имея возможности уделить достаточное внимание каждому, сосредоточимся на рассмотрении лишь некоторых, имеющих отчасти спорный, проблемный характер не только в историческом плане, но и на современном этапе.

Один из таких вопросов касается *характера взаимоотношений прав человека с окружающей его социально-экономической, политической и иной средой, а точнее — характера обусловленности первых последней.*

При этом речь не идет о том, чтобы подвергать сомнению неоспоримое, подтвержденное жизненной практикой положение о соответствии того или иного поколения прав и свобод человека и гражданина определенной исторической среде.

Имеется в виду *степень такого соответствия, а также возможность установления строгих временных и пространственных пределов существования и функционирования тех или иных прав и свобод.* Это — с одной стороны. А с другой — имеется в виду вопрос, касающийся *допустимости или, наоборот, недопустимости жесткой «привязки» процесса возникновения и развития конкретных прав человека лишь к определенной экономической, социально-политической и иной среде, о допустимости или недопустимости абсолютизации и фетишизации принципа строгого соответствия тех или иных конкретных прав и свобод строго конкретным историческим условиям.*

Предваряя ответы, здесь вполне уместно задать риторические вопросы типа: А возможно ли, в принципе, несоответствие тех или иных рассматриваемых прав и свобод определенной, породившей их исторической среде?

[20: с. 18]. Возможно ли вообще существование прав и свобод, возникших, скажем, в условиях рабовладельческого или феодального строя, на капиталистическом или посткапиталистическом уровне развития общественных отношений, и наоборот? Не абсолютизируем ли мы принцип соответствия тех или иных прав и свобод строго определенному уровню развития общественных отношений, когда говорим, в частности, о том, что каждой общественно-экономической формации или каждому типу цивилизации соответствует свой строго определенный набор прав и свобод человека?

Ф.М. Рудинский несомненно прав, когда, в частности, утверждает, что «права человека возникли в рамках буржуазной социально-экономической формации и были порождены экономическими и политическими требованиями буржуазии, выступавшей за свободную конкуренцию и формальное равенство участников отношений производства и обмена. Эти права возникли как результат борьбы за свободу угнетенных классов и народов» [20: с. 18].

Данное суждение, в принципе верное, равно как и другие, аналогичные ему, традиционно высказываемые в отечественной литературе, акцентирует внимание на том, что в рамках каждой общественно-экономической формации и, в частности, в пределах буржуазной формации возникают только «свои», строго определенные права.

Однако, возникают ли эти права, а вместе с ними и свободы, рассматриваемые *не только в формально-юридическом, но и в фактическом плане* одновременно, а именно — лишь в пределах данной общественно-экономической формации? Вряд ли на этот вопрос может быть дан однозначный ответ по той простой причине, что такие сложные, социально значимые явления, как права, особенно, когда речь идет об их новом «наборе», соотносящемся с той или иной формацией, или об их новом поколении, которые не создаются в один момент или миг, даже если он по своей значимости и протяженности исторический.

Процесс возникновения того или иного «набора» прав и свобод человека, *включающий в себя процесс их осознания и последовательного формирования*, — это не одномоментный, а весьма длительный и к тому же весьма напряженный исторический процесс, зачастую начинающийся в пределах одной формации и завершающийся принятием формально-юридического акта, официально фиксирующего эти права и свободы, в рамках другой или других формаций.

Формально-юридическая фиксация тех или иных прав и свобод, соотносящихся с определенной общественно-экономической формацией или цивилизацией, именуемая в научной юридической литературе «принятием» или «возникновением» данных феноменов — это, как представляется, *всего лишь заключительная стадия, завершение процесса их формирования*, но отнюдь не весь процесс, который может начинаться в одной формации или цивилизации, а заканчиваться в другой, более поздней формации или цивилизации.

В качестве одного из многочисленных примеров можно сослаться на Гражданский кодекс Франции 1804 г. или, как он чаще именуется, — Кодекс Наполеона и на соответствующие, возникающие на его основе права.

Общепризнанно, что данный, весьма важный юридический акт в формально-юридическом смысле является порождением капиталистической общественно-экономической формации (ранний капитализм). Это факт. Но фактом является и то, что, возникнув *в формально-юридическом смысле* в рамках капиталистической общественно-экономической формации, Кодекс Наполеона *фактически* вообрал в себя многие принципы и положения, а, соответственно, и права, которые формировались еще в рамках рабовладельческой формации и были зафиксированы, в частности, в Законах XII таблиц.

При этом речь идет не только об обычных правах и юридически значимых положениях, касающихся, например, договорных, обязательственных, наследственных и других гражданско-правовых отношений, но и о таких правах, принципах и положениях, которые имеют основополагающее, фундаментальное значение. А именно — о равенстве перед законом (исономии), свободе слова (исегории), неприкосновенности личности и др.

Законодатель, говорил в связи с этим об афинском правотворце Демосфен, «исходит из положения, согласно которому всякое действие, сопряженное с насилием, должно считаться преступлением против общества, направленным и против тех, кто непосредственно в деле не замешан» [1: с. 204]. И далее с некоторым раздражением: «Законодатель дошел до такой крайности, что даже в том случае, когда оскорблениям подвергся раб, он предоставил право начать из-за него судебный процесс. Он полагал необходимым обращать внимание не на то, кто пострадал, а на то, в чем состоит существо самого дела». И в заключение: «Законодатель находил такой поступок недостойным вообще и не разрешил подобных действий ни в отношении раба, ни в отношении кого-либо» [1: с. 204].

Аналогичные высказывания, свидетельствующие о формировании и законодательном закреплении ряда фундаментальных прав, принципов и положений в исторических рамках рабовладельческой общественно-экономической формации, а затем воспринятых и официально вновь зафиксированных (в новом «издании» и обновленном, социально-экономическом и политическом содержании) в пределах последующих формаций, содержатся также в работах ряда других авторов.

Однако, не в них сейчас дело. В плане рассматриваемой проблемы на примере высказываемых и законодательно закреплённых положений важно подчеркнуть лишь что, несмотря на справедливость и обоснованность в целом тезиса о соответствии того или иного «набора» прав определенной формации и цивилизации, его *не следует абсолютизировать, а тем более фетишизировать*. Между правами и свободами, с одной стороны, и соответствующими формационными и цивилизационными рамками их возникновения и функционирования, с другой, *не существует жесткой связи. Она всегда относительна и, нередко, весьма условна. Степень и характер этой связи и зависимости тех или иных прав и свобод от конкретной формационной и цивилизационной среды в каждом отдельном случае определяется конкретными историческими условиями.*

Кроме того, говоря об относительном, а порою и весьма условном характере связей и зависимостей прав и свобод человека от той или иной формации, весьма важным представляется иметь в виду *не только межформационную историческую среду, но и внутрiformационные, зачастую весьма противоречивые условия*, при которых возникают и реализуются те или иные права.

В этом отношении нельзя не согласиться с мнением Е.А. Лукашевой о том, что «если исторически проследить путь становления идей прав человека и правового государства, то его нельзя связывать напрямую с какой-то определенной формацией» и что «в условиях одной и той же формации могут существовать различные отношения к правам человека и правовому государству» [17: с. 28].

Такого рода отношения к правам человека не являются случайными, не имеющими под собой соответствующей, внутренне противоречивой социально-экономической, политической и иной основы, на которой формируются и реализуются юридически значимые положения, принципы, а также соответствующие законы.

Одним из наиболее ярких примеров подобной ситуации, когда в рамках одной и той же общественно-экономической формации и больше того — в пределах одной страны могут сложиться различные отношения к правам человека, нашедшие свое соответствующее выражение в правовых актах, является ситуация в области прав человека, которая сложилась в конце XVIII — первой половине XIX века в США [2; 3; 21; 25].

Противоречивость официально выраженного отношения к правам человека в этой стране проявилась в частности, в том, что здесь почти в одно и то же время были приняты такие разноречивые по своей сути и характеру акты, послужившие основой для образования соответствующих субъективных прав, какими являются, с одной стороны, либерально-демократические акты в виде Декларации независимости (1776 г.) и Билля о правах (1789 г.), а, с другой — фактически отражавшая и юридически закреплявшая, существовавшие вплоть до 1865 года рабовладельческие отношения на юге страны, Конституция Соединенных Штатов (1787 г.).

В статье I, разделе 9 данного Основного закона страны, в частности, закреплялось положение, согласно которому «переселение или ввоз тех лиц, которые любой из соответствующих ныне штатов сочтет возможным допустить (разрядка моя — М.М.) не должны запрещаться Конгрессом до одна тысяча восемьсот восьмого года, однако могут быть установлены на такой ввоз налог или пошлина, не превышающие десяти долларов за каждое лицо» (разрядка моя — М.М.) [22: с. 34].

Исследователи конституционно-правового пути развития США вполне обоснованно замечают, что, отменив рабство лишь в 1865 году, Конституция США в течение всего предшествующего периода в законодательном порядке не только освящала «злой гений рабства» в южных штатах, но и фактически признавала его в северных» [27: р. 113].

Существование наряду с Конституцией США и других аналогичных ей актов, наподобие Конституции так называемой Конфедерации Штатов Америки, или Конституции Южной Конфедерации (1861), открыто признававшей, по словам К. Маркса, рабство «краеугольным камнем всего государственного здания» [9: с. 339], с одной стороны, а, с другой — Декларации независимости, развивавшей идеи свободы и неотчуждаемых прав человека, и Билля о правах, содержавшего в себе 10 поправок к Конституции, призванных гарантировать основные права и свободы граждан, свидетельствует о крайне разноречивом отношении к правам человека в рассматриваемый период в этой стране.

Разумеется, в настоящее время в отношении к правам человека с точки зрения их *внешнего, официального восприятия* в США произошли значительные изменения. Однако, исторически небольшой период — в 140 лет с момента официальной отмены рабства в этой стране, как показывает практика, — это не тот период времени, по истечении которого можно было бы всерьез говорить о радикальном изменении общественного сознания, культуры, прежних, весьма неоднозначных по отношению к равноправию всех слоев общества традиций, менталитета правящих кругов и всего того, что наполняет права человека настоящим содержанием и превращает их из формальных, официально декларируемых постулатов в реальные права [26: p. 153–186].

Широкое и весьма активное использование прав человека Соединенными Штатами во внешнеполитической деятельности — это еще не повод, а тем более не основание говорить об отсутствии реально существующей в самой стране дискриминации значительной части населения и других социально-политических недугов, сводящих «на нет» традиционный, официально декларируемый тезис о равноправии всех граждан этого государства и об отсутствии различного отношения правящих кругов страны к правам человека.

В свете сказанного весьма показательным являются рассуждения бывшего премьер-министра Англии М. Тэтчер о том, что «в наши дни лишь очень смелый политик способен открыто усомниться в правомерности использования вопросов соблюдения прав человека в качестве стержня внешней политики» и что в таком документе США, как Декларация независимости, в особенности в ее «вызывающе открытом заявлении» о том, что «мы считаем само собой разумеющимся, что все люди созданы равными и в равной мере наделены Создателем неотъемлемыми правами» наиболее отчетливо слышна «идеалистическая, даже утопическая тональность» [23: с. 279].

Среди комментаторов Декларации и политических деятелей, с элементами сарказма замечает автор, «попадают такие, кто, приняв эти заявления за чистую монету, пытаются применять их без учета контекста, упуская, например, тот факт, что на протяжении долгих лет они уживались с существованием рабства» [23: с. 284].

При рассмотрении прав человека в историческом плане весьма важным представляется иметь в виду не только относительный характер обусловленности их конкретными формационными и цивилизационными обстоятель-

ствами, но и другие не менее важные факторы, касающиеся, в частности, *исторического характера взаимосвязи и взаимообусловленности друг другом позитивных и естественных прав человека.*

При рассмотрении проблем взаимосвязи и взаимодействия позитивного и естественного права многие авторы традиционно исходят из *первозданности и незыблемости естественных прав человека* («происходящих от природы», «принадлежащих каждому от рождения») и *перманентной изменчивости*, обусловленной постоянными изменениями, происходящими в обществе и государстве, *позитивных прав.*

«Люди бесконечно увеличивают число своих законов для противодействия законам природы, — писал по этому поводу еще в первой половине XIX в. Р. Оуэн, — но всегда без успеха». Постоянные, «прекрасные и благодетельные законы природы, — отмечал исследователь, — приведут к постоянно возрастающему распространению знаний, доброты и счастья среди людского рода, если они будут последовательно применяться в условиях, полностью согласованных с ними» [7: с. 694].

Упование английского социалиста-утописта, а вместе с ним и ряда других авторов, на вечность и незыблемость законов природы, а вместе с ними и естественных прав, с одной стороны, а, с другой — указание на «бесконечное увеличение» и постоянную изменчивость принимаемых законодателями разных стран «позитивных» законов выстраивает **модель исторического характера отношений позитивных и естественных прав человека.**

Естественное право при этом рассматривается как *постоянная, раз и навсегда данная, «природная» основа, на которой создается и по мере развития общества и государства соответственно видоизменяется и позитивное право.*

Естественное право, подмечал в свое время американский просветитель Т. Пейн, лежит *в основе права гражданского (позитивного).* Оно существует в индивиде, «однако воспользоваться этим правом не всегда в его личных целях». Дело в том, пояснял автор, что существует два класса естественных прав, один из которых «человек сохраняет после вступления в общество», а второй — «которые он передает как член общества» [7: с. 541]. Сохраняемые им естественные права «суть те, способность осуществления которых столь же совершенна в отдельном человеке, как и само право». Несохранимые естественные права «суть все те, осуществление которых не вполне во власти человека, хотя само право присуще ему от природы» [7: с. 541].

Однако, независимо от классификации естественных прав и наделения их теми или иными признаками, природа их и характер, независимо от изменения внешних обстоятельств, остаются, по мнению Т. Пейна и многих других авторов, неизменными. По мере развития общества и государства изменениям в историческом плане подвергаются лишь позитивные права и отношения между ними и естественным правом, но не само это право.

В отличие от данной, исторически доминирующей модели отношений позитивного и естественного права, и, соответственно, позитивных и естественных прав, в научной литературе параллельно развивается и **другая, в значительной мере отличающаяся от первой, модель.**

Суть ее заключается, во-первых, в том, что во взаимоотношениях позитивного и естественного права *в качестве переменных величин рассматривается* не только характер отношений между ними и позитивное право, но и *само естественное право* как моральная основа позитивного права. А, во-вторых, — в том, что при рассмотрении процесса взаимосвязи и взаимодействия позитивного и естественного права авторы исходят из того, что между ними существует не односторонняя связь и, соответственно, влияние естественного права на позитивное, а *двухсторонняя связь и обоюдное их воздействие друг на друга.*

При таком подходе к рассмотрению в историческом плане характера отношений между позитивным и естественным правом, исследователям, занимающимся данными проблемами, не свойственно, как справедливо отмечает М. Тэтчер, «стремление порассуждать отвлеченно о естественных правах, или правах человека, которые возникли раньше конкретных законов и не зависят от них», что «было характерно для революционной Европы» [23: с. 284]. Парадоксально, резюмирует автор, но факт, что «чем более грандиозными и широкими оказывались замыслы в отношении естественных прав, тем более вероятной была потеря свобод в конце» [23: с. 284].

Характерным для второй модели отношений позитивного и естественного права является также то, что традиционные «отвлеченные» рассуждения о естественных правах вообще как неотчуждаемых от человека и неизменяемых феноменах, постепенно «вытесняются» иным, более гибким и более адекватно отражающим действительность, представлением о них.

Естественные права при этом рассматриваются «не вообще», абстрактно, как «раз и навсегда данные», природные и не зависящие от окружающего мира права, а как *наполняющиеся новым содержанием жизненных условий и обстоятельств морально-этические феномены.*

Совершенно прав российский ученый И.Л. Петрухин, который считает, что нельзя рассматривать естественные права «как вечные и неизменные» [15: с. 90]. То, что мы понимаем, например, под правом на жизнь, как справедливо замечает автор, «не было социальной ценностью в условиях, когда применялась кровная месть (убийство в порядке мести не преследовалось, а, наоборот, поощрялось). В условиях первобытного общества вряд ли существовали такие ценности, как честь и достоинство личности. Право собственности появилось после отчуждения и распределения материальных ценностей. Идеи равенства и братства не имели почвы при рабовладельческом строе и феодализме». Содержание естественных прав, заключает ученый, «менялось от эпохи к эпохе» [15: с. 90].

При этом вместе с содержанием, в значительной мере *менялось и представление об естественных правах.* Так, если на ранних стадиях развития

человеческого общества, как справедливо отмечал Е.Н. Трубецкой, считалось, что «в основе права лежит вечный, незыблемый общественный порядок, который господствует не только в человеческих отношениях, но и во всем строе мироздания: рядом с законами, изобретенными людьми, существуют вечные, неписанные законы» [24: с. 46–47], то на более поздних этапах общественного развития естественному праву придается несколько иной, менее категоричный в отношении его «вечности» и «незыблемости» характер.

Даже И.А. Ильин, который едва ли не идеализируя и не абсолютизируя естественное право по сравнению с позитивным (положительным) правом и допуская в будущем возможность «преодоления положительного права» естественным, не рассматривал последнее как некое неизменное природное явление, а постоянно связывал его эволюцию с развитием положительного права и правосознания.

В работе «О сущности правосознания» он, в частности, писал: «Добровольное и творческое признание положительного права совершается тем легче, чем более свободы, справедливости и автономии в его нормах. Самое усовершенствование права есть уже могучий фактор в развитии правосознания» [6: с. 210]. И вот, продолжал автор, «предвидя перспективу этого развития, можно сказать, что *положительное право будет становиться все менее нужным* по мере того, как оно само будет приближаться к духу и смыслу *естественного права*, а правосознание будет расти, углубляться и укрепляться» [6: с. 210].

Понятно, заключал автор, что «преодоление положительного права не совпадает ни с его противоправным нарушением, ни с его правомерной отменой, ни с принципиальным отрицанием его. Это есть сложный процесс *вживания души в право или усвоения права сознанием и волею*» [6: с. 210].

Связывая естественное право с правосознанием и, соответственно, — его развитие с развитием правосознания, автор далеко отошел от изначальных идей «вечных» и «незыблемых» естественных прав. В дальнейшем его примеру последовали и другие ученые, ассоциируя естественные права человека не столько с его природным характером и естеством, сколько с такими социальными феноменами, как мораль, честь, нравственность и др.

Возникновение прав с момента рождения и их неотъемлемость, справедливо подмечается в научной литературе, «еще не доказывают их естественности в духе архаичной школы естественного права. Эти их свойства вытекают из системы общественных отношений, породивших их, и, как следствие, международно-правовых и конституционных норм, признавших их» [20: с. 21]. Естественное право следует рассматривать «как социально-правовое явление» [19: с. 8].

В подобного рода постановке вопроса, несомненно, есть большой резон, имея в виду тот очевидный факт, что какими бы ни были те или иные основания — прирожденные и неотъемлемые права становятся правами не сами по себе, как некий «природный» факт, а лишь в обществе, в системе общественных отношений и связей одного человека с другим, при возникновении оценочного характера поведения одного человека по отношению к другому.

Несомненно, прав был французский религиозный философ Ж. Маритен, утверждая, что естественное право как неписаный закон, существующий «в силу самой человеческой природы» есть ничто иное, как «указание или положение, которое человеческий разум может открыть и в соответствии с которым человеческая воля должна действовать, чтобы быть в согласии с необходимыми целями человеческого существа» [10: с. 510].

При этом следует иметь в виду, что подобное «открытие разума» и возникновение положения («указания»), в соответствии с которым «человеческая воля должна действовать», особенно когда речь идет о таких «положениях» — естественных правах, как право на жизнь, на продолжение рода, на благоприятную окружающую среду, на личную неприкосновенность и другие, не является стихийным, «чисто» природным актом, который возникает сам по себе, с в изоляции от других ему подобных актов. *Взаимоотношение человека с окружающей его природной средой отнюдь не порождает каких бы то ни было прав или свобод* и не ведет само по себе к какому бы то ни было «открытию разума» и возникновению «положений», в соответствии с которыми «должна действовать человеческая воля».

Это происходит только тогда, когда человек как природное существо впервые сталкивается с себе подобными существами, то есть — с социальной средой. Только в социальной среде он начинает осознавать самого себя, а вместе с тем и свои, обусловленные его природой и «принадлежащие ему от рождения», неотчуждаемые права. Вне социальной природы и социальной среды самоузнавание и самопознание человека как носителя прав, свобод и обязанностей полностью исключается. В этом смысле естественное право как совокупность субъективных прав человека проявляется не только и даже не столько как прирожденное, «природное», вечное и неизменное, сколько как социально и исторически обусловленное право.

Обладая определенными социальными признаками и выступая, по словам Е.Н. Трубецкого, в качестве «синонима нравственно должного в праве» [24: с. 57], естественное право как изменяющийся по мере развития общества нравственный феномен, *с одной стороны, оказывает постоянное воздействие на позитивное право, а, с другой — подвергается непрерывному влиянию со стороны этого права.*

Разумеется, степень и формы влияния позитивного права на естественное право в виде прирожденных и неотчуждаемых прав человека не всегда одинаковы, а варьируются в зависимости от характера той или иной исторической эпохи, а, соответственно, — от особенностей существующего в ее пределах позитивного права. Однако такое влияние всегда существовало и существует и было бы упущением не замечать или сознательно игнорировать его.

Основным путем воздействия положительного права на естественное является законодательное закрепление естественных прав, их разностороннее обеспечение и создание, тем самым, необходимых условий не только для их осуществления в настоящем, но и для их развития и совершенствования в будущем.

Положительное право «по самому своему существу, — писал в связи с этим И.А. Ильин, — есть *организованная попытка формулировать естественное право*» [6: с. 214]. Оно «должно неискаженно и адекватно раскрыть и осуществить собою законы духовного бытия, следуя им не только в организации способов правоустановления, но и в содержании своих правил» [6: с. 209].

Несмотря на имевшее место в истории взаимосвязей и взаимодействия позитивного и естественного права весьма глубокие противоречия и острые конфликтные моменты, не сближающие, а, наоборот, отдаляющие их друг от друга, все же *общая тенденция*, которая все четче прослеживается в их взаимоотношениях, такова, что по мере развития общества и государства связь между ними не только не ослабляется, а все более расширяется и углубляется. Это находит свое конкретное выражение, с одной стороны, в более детальном закреплении общепризнанных естественных прав. А, с другой — в расширении перечня законодательно закрепленных естественных прав, в частности, права на личную неприкосновенность, права на безопасность, права на охрану здоровья, права на достоинство личности и др. [11: с. 255–306; 12; 19: с. 8–9].

Естественные права на протяжении всей истории своего развития и взаимодействия с позитивным правом выступают не только как отдельные, относительно обособленные друг от друга, но и как тесно связанные друг с другом и взаимодополняющие друг друга морально-этические феномены. Выступая изначально в виде отдельных субъективных прав, которые принадлежат *«каждому человеку, как бы ни был он мал, болен или плох»* [6: с. 209], естественные, субъективные по своей природе и характеру права, приобретают по мере общественного развития и опосредования их с помощью норм позитивного права, системный и вместе с тем объективный характер.

Тенденция постепенного системного упорядочения субъективных естественных прав и превращения их, по мере опосредования их нормами позитивного права, в объективные права наблюдается на протяжении всей истории взаимосвязи и взаимодействия позитивного и естественного права. Но наиболее четко она проявляется в настоящее время.

Литература

1. Античная демократия в свидетельствах современников. — М., 1996.
2. Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. — М., 1993.
3. Гамильтон А., Мэдисон Дж., Джей Дж. Федералист. — М., 1994.
4. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире. — М., 2003.
5. Глухарева Л.И. Современные проблемы прав человека. — М., 2004.
6. Ильин И.А. Теория права и государства / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. — М., 2003.
7. История политических и правовых учений: Хрестоматия. В 2-х тт. — Т. 1. — Воронеж, 2000.

8. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — В 55 тт. — Т. 1. — 5 изд.— М., 1967.
9. *Маркс К.* Гражданская война в Америке / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. — 2-е изд. — Т. 15. — М., 1961 — С. 337–347.
10. *Маритен Ж.* Права человека и естественный закон // История политических и правовых учений: хрестоматия / Под ред. О.Э. Лейста. — М., 2000.
11. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. — Саратов, 2003.
12. *Мухина Т.А.* Проблема соотношения естественного и позитивного права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2005.
13. *Нерсесянц В.С.* Философия права. — М., 1997.
14. *Общая теория права человека* / Рук. авт. колл. и отв. ред. Е.А. Лукашева. — М., 1996.
15. *Петрухин И.Л.* Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. — 1999. — № 10.
16. *Поленина С.В.* Гендерное равенство. Проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. — М., 2005.
17. *Права человека* / Отв. ред.: Е.А. Лукашева. — М., 1999.
18. *Права человека: итоги века, тенденции, перспективы* / Рук. авт. колл. и отв. ред. Е.А. Лукашева. — М., 2003.
19. *Рассказов Л.П., Упоров И.В.* Естественные права человека. — СПб., 2001.
20. *Рудинский Ф.М.* Методологические проблемы науки прав человека // Право и права человека. Кн. 6. — М., 2003.
21. *Сардар З., Дэвис М.* Почему люди ненавидят Америку? — М., 2003.
22. *Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты* / Под ред. О.А. Жидкова. — М., 1993.
23. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. — М., 2003.
24. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. (Изд. по запискам студентов. Киев. 1906). — СПб., 1998.
25. *Шлезингер А.* Циклы американской истории. — М., 1992.
26. *Antieau J.* Constitutional Construction. — N.Y., 1992.
27. *Sebok A.* Legal Positivism and American Slave Law: The Case of Chief Justice Shaw. — In: Dyzenhaus J. (ed.). Recrafting the Rule of Law: the Limits of Legal Order. — Oxford. 1999.

В.А. Северухин

Конституционная модель российской государственности и государственно-правовая действительность

Понятие конституционной модели государственности встречается в юридической и политологической литературе для обозначения его сущностных характеристик. Это понятие представляется более широким, емким, чем понятие «основы конституционного строя». Оно включает в себя также конституционные положения о правах человека и гражданина, характеристику избирательной системы, а также оценочные позиции о правовом статусе личности, о политической и об избирательной системах.

Конституция РФ в ст. 1 закрепляет, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления [3].

Ст. 2 Конституции РФ признает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Ст. 3 Конституции РФ фиксирует, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Пункт 2 статьи 3 гласит, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

В ст. 7 Конституции закреплено, что РФ социальное государство.

Для понимания характеристики российской конституционной модели государственности важно понимание характера взаимоотношений законодательной, исполнительной и судебной властей. Согласно ст. 10 Конституции РФ органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Ст. 118 закрепляет осуществление правосудия в Российской Федерации только за судом. Судьи несменяемы (ст. 121).

Сущностной характеристикой государственности являются также закрепленные в Конституции РФ: идеологическое многообразие и его светский характер (п. 1 ст. 13, ст. 14).

Изложенные конституционные нормы являются основополагающими для понимания того, что основной закон Российского государства воспринял и закрепил фактически западную либерально-демократическую модель государственности.

Разумеется, что реализация этих конституционных норм возможна путем прямого их действия, а также посредством федерального законодательства и иных нормативно-правовых актов органов государственного управления, устанавливающих юридические механизмы их реализации.

Прямое действие норм Конституции РФ — это возможность, а не сложившееся правило. Отдельные судебные решения, где есть ссылка на нормы Конституции — это скорее исключение.

Конституционное судопроизводство сформировалось в постсоветский период. Его цель — разрешение дел о соответствии действующего законодательства нормам Конституции РФ (ст. 125).

П. 3 ст. 3 Конституции РФ предусматривает возможность проведения референдума и свободных выборов. Референдум является высшим негосударственным выражением власти народа.

Местное самоуправление в РФ обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью (ст. 130).

Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью и решают вопросы местного значения (ст. 132).

Основными формами реализации конституционных положений, как отмечалось, являются федеральное и текущее законодательство, которое должно отражать «букву и дух» конституционных норм, а также соответствовать смыслу принципов, зафиксированных в Конституции РФ.

Таким образом, наша задача сводится преимущественно к оценке соответствия норм федерального и текущего законодательства нормам Конституции РФ. Кроме того, соотнесение результатов интерпретации конституционных норм в действующем законодательстве с положениями Конституции РФ.

Необходимо отметить, что большинство закрепленных в Конституции РФ положений, институтов, принципов взаимосвязаны и взаимокорреспондируют. Нарушение или отклонение в одном из них, как правило, влечет за собой нарушение и других конституционных норм и принципов. Например, нарушение принципа демократизма свидетельствует о неблагополучии и с правами человека, а также дает основание сомневаться в нерушимости признаков, свойственных правовому государству.

Попытаемся соотнести отдельные характеристики государственно-правовой действительности с положениями Конституции РФ. Сделаем это в той же последовательности, которая изложена в начале статьи.

Россия — демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (ст. 1).

В понятие демократии как в исторически первоначальном, так и в современном ее понятии — это «народовластие». В это понятие включается управление страной самими людьми, демократически избранным правительством, признание и реализация принципа равенства прав и свобод граждан, а также их возможностей. В отечественной литературе демократия рассматривается как особый политический режим, характеризующийся принадлежностью народу всей полноты власти, реальной возможностью трудящихся управлять обществом и государством [4: с. 27].

В реальной жизни демократия выступает «...как сложное и многогранное явление, материализующееся в самых различных сферах жизни и имеющее поистине бесчисленные пути и способы своего проявления. Она отнюдь

не сводится лишь к политической сфере жизни общества или государства, как это иногда практикуется в литературе, а распространяется также и на другие сферы — экономическую, социальную, культурную, научную, идеологическую...» [5: с. 730]. Демократия в современных государствах характеризуется многопартийностью, реальным разделением властей, сменяемостью и подотчетностью государственных органов народу. Современные политические технологии, контроль за средствами массовой информации, наличие материальных и властных возможностей административного ресурса создает иллюзию «...всеобщей доступности власти в демократическом обществе и государстве, ее «народности», всеобщей справедливости и универсальности» [5: с.773]. Анализируя ст. 3 Конституции РФ, где зафиксировано, что народ осуществляет власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления, С. Авакьян подчеркивает: «Неужели не очевидно, что как раз-то народ отужден, реально отодвинут от власти в нашей стране» [1].

Понятие демократии, в последние годы, в России, было подвергнуто попытке наполнить неким иным от общепринятого смыслом. В политический оборот был введен термин так называемой «суверенной демократии». Она трактуется, как возможность самостоятельного отбора демократических институтов, их конкретных форматов, сроков внедрения и реформирования [8]. «На современном этапе развития человеческого общества существует одна демократия — либеральная. И эта демократия универсальная, она включает права и свободы человека, правление большинства с учетом интересов меньшинства, разделение властей, политический плюрализм» [7: с. 163].

Федеральный аспект Российской государственности. Федерализм современных государств имеет свои особенности. Эти особенности обусловлены историческими традициями, географическими особенностями и иными факторами. Федеративное устройство предполагает, что государство состоит из образований, близких к статусу государств. В России это субъекты федерации — республики, края, области, города федерального значения, автономная область, а также автономные округа. Права и обязанности федеральных органов власти и субъектов оговорены в федеральном договоре. Федеральное устройство должно помочь сохранить основные интересы государства в целом и составляющих ее субъектов. Самостоятельность субъектов и их права конкретизированы в Конституции РФ (ст. 5).

За последнее десятилетие наблюдается определенная тенденция развития федерализма в России.

В 90-х годах прошлого века в законодательстве субъектов федерации четко просматривалась позиция на усиление самостоятельности, вплоть до законодательного закрепления в отдельных субъектах собственного суверенитета. Это был путь к развалу российской государственности. Постепенно центру удалось преодолеть эти негативные тенденции, добиться изменений в нормативно-правовых актах субъектов в плане обеспечения единого конституционного пространства. Это можно расценивать как несомненно позитивный результат. В последние годы федеральный центр смог усилить свое

воздействие на законодательство субъектов федерации. Так, был изменен порядок выбора губернаторов, порядок формирования Совета Федерации. Не вдаваясь в подробности можно констатировать, что предметы ведения субъектов федерации были несколько ограничены в пользу исполнительной власти федерации. В настоящее время губернаторы фактически назначаются Президентом РФ. Губернаторы же субъектов в свою очередь определяют своих двух представителей в Совет Федерации. По одному от представительного и исполнительного органа государственной власти (п. 2 ст. 95). Этот порядок был воспринят неоднозначно отдельными юристами и политологами. Суть в том, что исходя из смысла статьи 94 Федеральное Собрание это есть *представительный* орган, т.е. избираемый населением, а не назначаемый исполнительной властью. Просматриваются тенденции усиления исполнительной власти и ее преобладание над другими ветвями власти.

Как отмечалось, Россия наряду с другими характеристиками — **правовое государство**. Норму статьи 1 Конституции РФ закрепляющее это положение можно рассматривать как норму-цель. По-видимому, после принятия действующей Конституции РФ предполагалось обеспечение развития принципов правового государства: верховенство правового закона, признание и обеспечение прав и свобод человека, реальное осуществление народовластия, разделение властей и их эффективное взаимодействие через систему «сдержек и противовесов», режима правовой законности, развитие институтов гражданского общества, правовая защищенность всех субъектов социального общения и др. Сложившиеся реалии отнюдь не подтверждают тенденции к развитию правовой государственности. Коррупция государственного аппарата, которая приняла угрожающие размеры, незащищенность прав и свобод человека и гражданина, усиление исполнительной власти, ее фактическое преобладание над законодательной и судебной, явно недостаточное развитие институтов гражданского общества — все это в купе вызывает озабоченность и критику со стороны не только политологов, юристов, но и в обществе.

О правах и свободах человека. С учетом выше изложенного вряд ли можно оценить позитивно и эту позицию. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год констатирует неблагоприятное в России по этому вопросу. Наша страна лидирует по количеству заявлений в Европейский суд по правам человека, а также по количеству решений удовлетворенных судом в пользу заявителя. Анализ этого доклада свидетельствует о существенных нарушениях социально-экономических прав, прав инвалидов и пенсионеров, право на труд носит зачастую в России декларативный характер. В докладе отмечается, что практически по всему спектру прав человека имеются существенные нарушения, которые носят системный характер.

Теперь о характеристике Российской Федерации как **социального государства**. Социальное государство, как известно, представляет собой достижения западной цивилизации. Политика социального государства заклю-

чается в создании условий, обеспечивающих достойную жизнь человеку при наличии у него определенных жизненных проблем — безработицы, бедности, болезни. В.А. Четвертин определяет социальную государственность как способ перераспределения национального дохода в интересах общества в целом, в частности в пользу социально слабых [9: с. 1021].

Право человека и гражданина — предъявить требования к государству в оказании ему реальной помощи. Государство обязано располагать соответствующими социальными программами и обеспечивать их надлежащее выполнение, используя необходимые материальные ресурсы. Действительно в Российской Федерации принимаются различные социальные программы, однако, конституционная норма о социальном государстве реализуется явно недостаточно. Причин и объяснений здесь много. Заинтересованность исполнительной власти в реализации различных социальных проектов очевидна. Они обозначены как национальные проекты. Их цель очевидна: сгладить социальную напряженность, решить демографические проблемы, добиться определенных положительных показателей для оценки нашего государства со стороны Запада. Невысокая эффективность усилий государства в социальной сфере обусловлена такими явлениями как коррупция, слабость институтов гражданского общества и др.

В Конституции РФ 1993 года как отмечалось, закреплён принцип разделения властей и полномочия, относящиеся к их ведению. Следует подчеркнуть, что в системе высших властных структур особое место занимает институт президентства. Президент является главой государства и одновременно фактически выполняет функции главы Правительства. В его руках «сосредоточена» суперпрезидентская власть. Указы Президента согласно Конституции уступают по своей силе законам. В формально-юридическом плане законодательная, исполнительная и судебная власти самостоятельны по отношению друг к другу. Они призваны оказывать сдерживающее влияние и должны уравновешивать друг друга. Как подчеркивает М.Н. Марченко, для стран со сложившимися демократическими принципами и традициями ничего особенного в функциональном противостоянии этих властей нет [5: Т. 1, с. 316].

Опыт функционирования властей после принятия Конституции РФ 1993 года свидетельствует о том, что «...государственные власти далеко не всегда уравновешивают друг друга» [5: Т. 1, с. 332]. Доминирует президентская, а также исполнительная власть. Что касается судебной власти, то следует подчеркнуть, что Президент РФ наделен огромными конституционными полномочиями по формированию кадрового состава судебных органов. В юридической литературе в настоящее время отличают формально-юридическое и фактическое доминирование исполнительной власти над остальными ветвями государственной власти.

Для характеристики Конституционной модели российской государственности важным является **идеологическое многообразие и светский характер**. Сам факт закрепления этих позиций в Конституции постсоветского периода несомненно позитивное явление. В советский период была одна официальная идеология — марксистско-ленинская и она в определенной мере консолиди-

ривала население. В постсоветский период идут попытки определения так называемой национальной идеи.

Конституционная модель либерально-демократической государственности у нас скорее носит формально-юридический характер. При отсутствии реальной рыночной конкуренции, неразвитых институтов гражданского общества, коррумпированности государственного аппарата, отсутствия реального разделения властей, бедности значительной части населения и других негативных явлений весьма затруднительно сформировать воспринимаемую большинством населения идеологическую платформу. Поэтому не удивительно, что идеологическое многообразие проявляется в виде национал-социалистической идеологии молодежных групп, а также имевших место тенденциях вернуть Россию к монархической форме правления.

Светский характер российской государственности закрепленный Конституцией РФ так же весьма относителен. Государственная власть в России оказывает реальное предпочтение Русской Православной церкви. С одной стороны это объяснимо как попытка расширить электорат власти. В то же время это весьма опасно при наличии в стране других религиозных конфессий.

Подводя итоги изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Социально-правовая проекция российской государственности существенно отличается от ее конституционной модели. Известна теория по которой каждое поколение имеет право на свою трактовку норм Конституции. С этим нельзя не согласиться, но при условии, что эти трактовки не должны ухудшать социально-политические и демократические институты общества и права человека и гражданина.

2. Сложившаяся государственность вряд ли сможет в полной мере обеспечить формирование демократического, правового и социального государства.

3. При отсутствии реальной конкуренции и наличии системной коррупции вряд ли удастся добиться успешного развития экономической системы страны и ликвидации бедности.

4. Отсутствие реального разделения властей в государстве — основа для субъективизма при исполнении законодательной функции государства. Это и путь к ликвидации идеологического плюрализма.

Есть ли выход из этой ситуации? Необходимо вернуться к первоначальному смыслу конституционных положений и постепенно внести коррективы в действующее законодательство. Создание имитационных институтов демократии и гражданского общества могут лишь усугубить социальные и экономические проблемы российского государства.

Литература

1. Авакьян С. Точка отсчета — народ // Российская газета. — 28 октября 2008 г.
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2007 г. // Российская Газета. — Федеральный выпуск № 4612. — 14 марта 2008 г.

3. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.
4. *Корельский В.М.* Теоретические проблемы социалистической государственной власти и демократии. — Свердловск, 1972.
5. *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права. — М., 2007.
6. *Северухин В.А.* Право и права человека // Сборник научных трудов юридического факультета МГПУ. — М., 2007.
7. Суверенная демократия. От идеи к доктрине: Сборник статей. — М., 2007.
8. Юридическая энциклопедия / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина. — М., 2001.

Е.М. Крупеня

О социально-экономических гарантиях политико-правовой активности личности в России

Политико-правовая активность личности как научный конструкт, выполняющий инструментальную функцию, обобщает знания о многовариантных актах поведения субъектов политико-правовых отношений, которые в активной форме, инициативно реализуют общегражданский (конституционный), а в некоторых случаях и специальные юридические статусы.

Сущностным признаком политико-правовой активности является ее правомерность, ориентирующая граждан на позитивные модели поведения, т.е. правомерные по форме. В то же время они являются правомерными и по содержанию, ибо их отличает солидарное отношение к ценностям того типа политико-правовой культуры общества, который принято именовать «правовым», «гражданским», выступающим альтернативным подданническому [14: с. 132–133.] типу. Речь идет, прежде всего, о ценностях права и связанных с ним исторически, содержательно, структурно и онтологически правами человека.

Политико-правовая активность в рамках субъектоцентристкой (индивидуалистической) [10: с. 52; 11: с. 60; 25: с. 132–133; 29: с. 6–7] научной парадигмы объективируется в двух основных моделях: в форме активности личности в политике и активности политической личности [13: с. 85]. Активность **личности в политике** — это наиболее массовое по своему масштабу явление, обусловленное присутствием граждан в политическом процессе. Активность личности в политике не предполагает специальной подготовки и обладания гражданами профессиональными навыками, носит эпизодический характер.

Одновременно данный вариант политико-правовой активности выступает первым уровнем, базой для активности политической личности, реализующей свою деятельность в публичном пространстве национальной правовой системы на профессиональной основе.

Политико-правовая активность личности (гражданина) является необходимым средством легитимации конституционного и текущего (статусного) законодательства в формате политической системы общества, его публично-правовой сферы. Инициативная деятельность граждан, нацеленная на реализацию своего конституционного, а в некоторых случаях и специального статусов, выступает связующим звеном между прошлым (условия жизни со-

циального целого, предшествующие его принятию, — предпосылка закона), настоящим (юридическим источником, фиксирующим и нормативно выражающим правовые ценности), а также акты поведения, призванные переводить их в социальные связи и отношения с будущим (воплощение правовых ценностей в национальном правовом порядке).

Наиболее важной и сложной проблемой в обозначенной выше связи, отражающей разные моменты правового бытия человека в публично-правовой сфере социума, есть та, которая наиболее рельефно проявляется на завершающем ее этапе. Это объясняет исследовательский интерес к факторам, обуславливающим не декларативный, а *реальный* характер политико-правовой активности гражданина, т.е. к самой общественно-экономической ситуации, в которых возникают публично-правовые отношения [6: с. 50], к гарантиям политико-правовой активности личности.

Исходя из анализа существующих в отечественной теоретической юриспруденции подходов к выявлению смысла понятия «гарантии» [16: с. 735; 18: с. 534; 24: с. 235; 26: с. 250–252.] следует подчеркнуть, что существующее в научном сообществе понимание данного термина является достаточно универсальным. Оно не ограничивается теми аспектами проблемы, которые связаны преимущественно со способами обеспечения реализации нормативных правовых актов (законов). И наравне с важностью изучения принципов и механизмов претворения законодательства о политических правах и свободах граждан в реальный правовой порядок, т.е. собственно догматического подхода к исследованию данного явления, теория правовых гарантий признает значимость широкого спектра смежных проблем.

Спорные, неоднозначно интерпретируемые и ожидающие своего разрешения вопросы в этой сфере не исчерпываются социально-культурными предпосылками появления законодательства, оценкой его качества с точки зрения соответствия правовым ценностям и идеалам. Все большую значимость обретают *условия реализации* правовых предписаний о политических правах и свободах, содержащихся в массиве нормативных правовых актов различной юридической силы широким кругом индивидуальных субъектов, гражданами, «погруженными» в конкретную социальную среду.

С учетом всего вышеизложенного вполне обоснованно можно предложить определение гарантий политико-правовой активности личности.

Гарантиями политико-правовой активности граждан являются условия (общесоциальные) и средства (специально-юридические), создающие режим наибольшего благоприятствования для «перевода» содержания норм, закрепляющих принципы политического участия граждан, их права, свободы, обязанности, т.е. норм, «описывающих» статус граждан в реальные политико-правовые отношения.

Гарантии политико-правовой активности гражданина позволяют перенести центр тяжести в исследовании с формального провозглашения демократических прав и свобод на создание необходимых условий для их реализации. В конечном итоге именно они (гарантии) смогут способствовать становлению

действенных процедур и механизмов демократического контроля со стороны общества за сферой принятия управленческих решений и одновременно осуществления эффективного государственного менеджмента. В числе мотивационных факторов политико-правовой активности гражданина система общих гарантий приобретает значение условий первого порядка. Более конкретно, как представляется, необходимо вести речь о социально-экономических условиях политико-правовой активности личности, не умаляя при этом важность и других (культурных традиций и особенностей самого общества, развития правосознания личности, ее потребностей и целей, уровня ее образования, политической и правовой культуры, сформированных путем освоения политико-правовых ценностей, специфика национальной ментальности и др.).

В научной литературе уже неоднократно высказывалось мнение о том, что решающее воздействие на мотивационную сферу гражданина, выступающего в качестве субъекта политических отношений, на выбор им модели своего поведения (активной либо пассивной) оказывает воздействие состояние экономических и связанных с ними иных (социальных, культурных) реалий. Направленные на обеспечение благосостояния и качество жизни людей, они носят фундаментальный характер потому, что формируют исходные основания первичной среды обитания человека (культуры общества), в которой и происходит формирование и кристаллизация его личностных качеств и свойств. Именно социально-экономические факторы создают материальные предпосылки существования и условия для всестороннего развития личности.

Г.В. Мальцев, справедливо отмечал, что в рамках общества нет систем полностью автономных, способных к совершенному саморегулированию. Политико-правовая сфера социума, разумеется, не является исключением. Она испытывает активное влияние экономики — сегмента общества, притягивающего наибольший интерес со стороны всех его слоев, не потому, что для них «важны показатели экономического роста и показатели экономической эффективности сами по себе, а реальная возможность удовлетворять разумные материальные и высокие духовные потребности, свобода от нужды, доступная каждому человеку» [15: с. 36].

Достаточно устоявшимся в специальной литературе является мнение о том, что в условиях стабильной экономики активность граждан в сфере публичных отношений значительно падает, «...во многих развитых странах подъем, процветание экономики довольно часто ведет к спаду политической активности. В условиях же кризисного состояния экономики обычно наблюдается повышение политической активности, при этом в самых острых формах» [17: с. 61; 9: с. 25–262]. Однако на практике, при «наложении» данного тезиса на российскую действительность, приходится констатировать, что указанные зависимости не столь прямолинейны и очевидны. Об этом несколько подробнее.

Состояние российской экономики на современном этапе развития трудно назвать стабильным, несмотря на то, что в последнее время отмечаются положительная динамика в развитии некоторых макроэкономических показателей. Они, по мнению экспертов, «выводят» Россию лишь на уровень 1990 года [8] и

вовсе не являются экстраординарными, «из ряда вон выходящими». Для сравнения отметим: по всему евразийскому пространству, от Прибалтики до Китая, среднегодовые темпы роста уже в 2000 г. составили от 7% до 11%. Однако для России этот показатель был равен 6,7%. Сегодня значение данного показателя немного изменились, поднявшись до 8,1% [30]. В первом квартале текущего 2008 года ВВП увеличился на 8,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а спрос на продукты первой необходимости вырос на 15% [7].

Разрыв между этими показателями подстегивает рост инфляции. И если в прошлом году ее положительную динамику удалось затормозить благодаря, прежде всего, достигнутым договоренностям, то в условиях, когда срок действия этих соглашений истек, инфляционные процессы демонстрируют себя со всей очевидностью и практически не поддаются управлению.

Цифровые показатели инфляции уже сейчас превышают те, что планировались лишь к концу 2008 года — 10,5%. По прогнозам самых оптимистичных аналитиков уровень инфляции, ударивший по самым бедным слоям населения, можно удержать на уровне 14,5%. Однако их оппоненты, оценивающие ситуацию менее эмоционально, называют просто пугающие цифры. По мнению эксперта Центра развития Института экономики АН РФ В. Миронова, инфляция в июне 2008 перешагнула рубеж 20% [7].

Остается нестабильной, незавершенной с точки зрения ее стабилизации и оздоровления финансовая ситуация в государстве. Россия рассчиталась с многомилиардным долгом, но еще 353 млрд. долларов долга остается у компаний с государственным участием [12: с. 7], что, безусловно, тяжким бременем лежит на каждом гражданине государства.

Трудно отрицать очевидный факт, что процесс трансформации российской экономики, для которой не существует простых и однозначных решений с учетом ее культурной и цивилизационной неоднозначности, идет крайне медленно и противоречиво. Доходы с продажи сырьевых ресурсов до последнего времени позволяли избегать наиболее трудных аспектов процесса реформирования — развивать реальный сектор экономики на основе передовых технологий и промышленного производства. Государство не торопится также отказаться от неэффективных социальных программ и перейти к публичности при конструировании социальных и национальных стратегий, сократить госрасходы, бороться с коррупцией, корректировать налоговое и социальное законодательство и др.

Но самое печальное и вызывающее тревогу заключается в том, что за подобную политику приходится платить чрезвычайно высокую социальную цену. Одним из наиболее показательных примеров, подтверждающих правоту данного утверждения, является социальная реформа, начатая в 2005 году введением в действие печально известного Федерального закона № 122, вошедшего в повседневный обиход под названием «О монетизации льгот» [28].

Следствием состояния экономической сферы российского общества становится сохраняющийся низкий жизненный уровень большинства населения страны, усугубленный мировым финансовым кризисом. Это подтверждается статистическими показателями.

Приоритетная задача [21], стоящая перед Российским государством, позиционирующим себя в качестве социального [19: с. 146–165], является борьба с бедностью. Это явление особенно удручает на фоне принявшего угрожающие размеры демографического кризиса [2: с. 39]. Показательно, что около 1/3 (по другим данным — 1/5) [1: с. 182–191] населения России находятся за чертой бедности, непреодолевающей признанный ООН порог дохода менее, чем 4 доллара на человека в сутки. При этом социальные опросы, на которые ссылаются отечественные исследователи Института экономики АН РФ, стабильно показывают: бедными себя считают 30–35%. Эта цифра, в 2 раза превышает официальные показатели в 18,4% [4].

Данные, описывающие бедность количественно, наглядно демонстрируют следующее.

Наблюдается диспропорция между первичным и вторичным распределением национального дохода. Так на 70% государственный бюджет России состоит из налогов с труда, притом, что 2/3 налогов всех уровней обеспечивает преимущественно бедное население страны. В итоге функционирования такого алгоритма формирования государственного бюджета 15% населения становятся еще богаче, а остальные 85% бедных — еще беднее [20: с. 33].

Отмечается консервация бедности работающей части населения страны [22: с. 36], поскольку уровень реальных доходов населения остается низким. К тому же он усугубляется высокими показателями дифференциации доходов. В мировой практике децильный коэффициент (разница в доходах наиболее и наименее обеспеченного населения) считается нормальным, если его показатели равны 3,5–4,5. Тогда как в России этот показатель составляет 25–30 (по официальным данным 15,1%), а в отдельных ее регионах (Москва) 50 [23: с. 30; 5]. По данным социологов Института социологии РАН к среднему классу России сегодня можно отнести 20% россиян (28 млн. человек). Однако эти данные опровергаются данными Центра Социальной политики Института экономики РАН, которые настаивают на том, что «к этой прослойке можно отнести около 7% населения» [27].

«Точечный» рост отдельных сфер экономики страны и крупных мегаполисов, где преимущественно и происходит концентрация основных финансовых ресурсов, наглядно демонстрирует, что в России имеет место расслоение населения как внутри региона, так и между регионами.

С особой озабоченностью исследователи отмечают, что большинство трудоспособных «бедняков» представлены теми сферами хозяйственной жизни и ее отраслями, где наиболее высока доля работников с высшим образованием. Т.е. именно те сферы, в которых и должно обеспечиваться воспроизводство человеческого потенциала [22: с. 36]. Данный аспект вопроса при анализе гарантий политико-правовой активности личности трудно переоценить по той причине, что именно от него в определяющей степени зависит интеграция личности в систему не только социально-политических, но и иных общественных связей.

Приведенные выше и другие данные позволяют вполне обоснованно утверждать, что вызванная системными преобразованиями фактическая си-

туация в социально-экономической сфере современного Российского общества возводит многочисленные и часто труднопреодолимые преграды удовлетворению разнообразных потребностей, реализации человеком личных, экономических, социальных, культурных прав, развертыванию его нравственного и культурного потенциала. Характерной чертой современного российского общества становится примитивизация потребностей большинства людей, ухудшение физического, социального и нравственного здоровья населения. Поскольку качество будничного существования отражает степень комфортности жизни гражданина в любом государстве, то необходимо признать, что реальная социально-экономическая ситуация скорее блокирует, объективно препятствует формированию, всестороннему развитию личности гражданина, его активной гражданской позиции, политико-правовой деятельности. Доведенный порой до отчаяния собственным бедственным положением гражданин, воспринимающий сквозь призму этого положения и состояния, т.е. в искаженном виде гуманистические идеи, многие общечеловеческие ценности, общепринятые представления о социальной справедливости и свободе личности, своей гражданственности как правило оказывается не в состоянии решать общественные и государственные задачи как тактического, так и стратегического характера.

Современные условия жизни основной массы населения страны, граждан Российского государства, членов гражданского общества все в большей степени и все более настоятельно требуют от них проявления тех человеческих энергий, которые будут адекватным ответом вызовам «среды обитания», зачастую несущей угрозы физическому и нравственному существованию человека. Эти энергии, усилия направлены, прежде всего, на удовлетворение первичных потребностей, формализованных в системе базовых прав человека. Иными словами, большинство граждан РФ сегодня продуцируют активность, направленную, прежде всего, на сохранение физического существования, т.е. на выживание, не продуцируя личностного потенциала для достижения своими усилиями суммарных целей, объединяющих индивида, различные социальные общности и, наконец, само государство.

По мнению автора, для формирования гражданственности, воплощенной в актах политико-правовой активности личности, этого явно недостаточно. Ибо политико-правовая активность, участие личности в решении важных для социума дел предполагает не угнетенное, а активированное состояние творческого, созидательного потенциала гражданина.

Подводя итог изложенному выше, еще раз отметим, что в современной Российской действительности социально-экономические гарантии политико-правовой активности гражданина пребывают в скрытом, латентном состоянии, остаются фактически не сформированными. Основная причина такого положения, как представляется, состоит в том, что некоторую положительную динамику в области макроэкономических показателей развития Российской экономики не удается конвертировать в блага социально-экономического свойства для большинства граждан государства и тем самым создать необходимые стимулы для активной

правовой деятельности (активности) личности в области публично-правовой сферы общества.

Поскольку полноценный член современного общества имеет не только достойный уровень благосостояния, который обеспечивается, прежде всего, собственными усилиями, но и политически активен [3], то формирование социально-экономических гарантий, благоприятствующих формированию личности гражданина и проявлению активной гражданской позиции в актах политико-правовой активности, остается актуальной задачей, настоятельно требующей своего разрешения в самой ближайшей перспективе.

Литература

1. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы / Отв. ред. С.В. Степашин — 2-е изд., доп. — М., 2005.
2. *Архангельский В.Н., Иванова А.Е.* Практическая демография. — М., 2006.
3. *Гонтмахер Е.* Мало обеспечить людей хорошей зарплатой, надо еще создать условия, чтобы ее потратить // Российская газета. — 19 января 2007 г.
4. *Гонтмахер Е.* Бедный процент // Российская газета. — 30 марта 2007 г.
5. *Гонтмахер Е.* На бедных и богатых рассчитайся! // Российская газета. — 8 мая 2007 г.
6. *Дедов Д.И.* Юридический метод. — М., 2008.
7. *Зюзьев А.* Наша экономика на пределе? // Новые известия. — 19 июня 2008 г.
8. *Жак Сапир.* Мне Москва напоминает Париж // Российская газета. — 17 ноября 2007 г.
9. *Карминес Э.Г., Хакфельд Р.* Политическое поведение: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. — М., 1999.
10. *Комарова В.В.* Механизм непосредственной демократии современной России (Система и процедуры). — М., 2006.
11. *Комаров С.А.* Личность в политической системе российского общества. — Саранск, 1995.
12. *Кондауров А., Крыштановская О.* Триумф воли // Новое время. — № 42 (042).
13. *Крупеня Е.М.* Активность «политической личности»: теоретико-правовой аспект исследования // Правовая политика и правовая жизнь. — Саратов; М., 2006. — № 1 (22).
14. *Леонова О.Г.* Цивилизационные аспекты политической культуры современного Российского общества // Общество, государство, город: управление, политика, право: Сборник научных трудов. — МГУ им. М.В.Ломоносова. — М., 2007.
15. *Мальцев Г.М.* Социальные основания права. — М., 2007.
16. *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права: Учебник: В 2-х тт. — Т. 1. — М., 2007.
17. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: Учебник для вузов. — М., 1999.
18. *Нечаева Е.Г.* Социальное государство: правовое понимание и практика. Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.

19. Политический журнал. — 2005. — № 18.
20. Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 22 мая 2004 г. // Российская газета. — 26 мая 2004 г.
21. Римащевская Н. Социальные реформы и стратегические задачи // Свободная мысль. — 2004. — № 11.
22. Руткевич М.Н. Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России // Социс. — 2005. — № 7.
23. Ромашов. Р.А. Теория государства и права. — СПб., 2007.
24. Рябчун Н.П. Метаморфозы власти постиндустриального общества // Государство и право. — 2002. — № 11.
25. Сапельников Б.А., Честнов И.Л. Теория государства и права: Учебник для юридических высших учебных заведений. — СПб., 2006.
26. Социологи: средний класс в России составляют бюрократы и нефтяники // [www.newsgu.com/finance/25 apr/2008/middles.mtml](http://www.newsgu.com/finance/25_apr/2008/middles.mtml)
27. Федеральный закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» от 22 августа 2004 г. // Российская газета. — 31 августа 2004 г.
28. Четвернин В.А. О единстве суверенитета. Публичное, корпоративное, личное право: проблемы конфликтности и перспективы консенсуальности // Материалы V Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 2–3 декабря 2005 г. / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник: В 2-х ч. Ч. II. — СПб., 2005.
29. Экономисты РАН подготовили альтернативный прогноз развития Российской экономики // Российская газета. — 04 марта 2008 г.

М.В. Яровая

Право на судебную ошибку в средневековой Франции и в современной России

Одним из существенных прав гражданина является право на судебную защиту, в которое включается и вынесение правосудного судебного решения (т.е. одновременно по закону и по справедливости), а также право судьи на непреднамеренную судебную ошибку, и механизм публичного покаяния в случае ее совершения перед осужденным (казненным) и его родственниками. В статье рассматривается данная проблема в аспекте прав человека на примере ритуала снятия с виселицы по нормам королевского права и кутюмов домена (Париж) [8].

В «Хрониках XIII–XVI веков» Энгера Монстреле [1] описан один из таких казусов. В 1406 году прево Парижа Гийом де Тиньонвиль приговорил к смертной казни по обвинению в кражах двух клириков университета Роже де Монтайе и Оливье Буржуа. Приговор был приведен в исполнение по обычаю через повешение. По иску университета данные лица были оправданы (посмертно). Этому событию уделили внимание многие хроникеры, поскольку речь шла о признании судебной ошибки королевским судебным чиновником — представителем власти, ошибки, которую необходимо было *признать* и *исправить*.

В случаях судебных ошибок практиковалось *публичное покаяние* (светское и церковное), целью которого было: 1) получить прощение от жертвы и ее близких (отвода агрессии и мести) 2) реабилитировать власть в глазах населения и 3) восстановить социальный мир и справедливость. Признавая за судьей право на ошибку и на ее исправление, общество тем самым предоставляло ему возможность вновь стать достойным членом (а в половине случаев и вернуться к занимаемой должности). Ту же возможность (хотя и посмертно) обретал и несправедливо казненный человек. Таким образом осуществлялся принцип справедливости в праве, и в частности, французского правосудия.

В случае судебной ошибки ритуал начинался на месте казни, а потом продолжался в церкви (покаяние перед обществом и перед Богом). Прево де Тиньонвиль был обязан сделать огромный каменный крест с изображениями казненных и поставить его возле виселицы. В праздничный день, при огромном стечении народа, осужденного вывели из здания тюрьмы под охраной (дабы избежать реакции толпы), на его шею была навешена табличка с указанием совершенного преступления, и в таком виде он был препровожден к виселице.

Судья собственноручно должен был снять останки казненных (с совершением ритуального поцелуя в губы, поцелуя примирения!), положить их на тележку, покрытую черной тканью, и самолично отвезти к церкви Сан-Матурен, при этом окружающие несли зажженные свечи. Там тела казнённых были переданы ректору университета, который обязал судью похоронить их за свой счет и «с достоинством» [1]. Кроме того, на здании церкви нужно было установить таблички с именами казненных и их изображениями на вечную память. Такова вкратце специфическая юридическая процедура эпохи позднего средневековья — публичное покаяние судьи через ритуал снятия с виселицы.

Если тело казненного истлевало, изготавливался муляж-имитатор (еще один символический обряд, подобный объятию и поцелую). Иногда покаяние повторялось несколько раз (на рождество, Пасху, Пятидесятницу и в День всех Святых), по дням важнейших религиозных праздников, в разных местах (месте совершения преступления и месте вынесения приговора) [3].

Повторная «встреча» судьи и его жертвы имела огромное психологическое и юридическое значение. Здесь происходил физический контакт двух сторон (объятия в буквальном смысле слова), ритуальный поцелуй в губы, которым судья был обязан наградить казненного, что символизировало просьбу о прощении и о восстановлении союза живого и умершего, покаяние перед родственниками. Если обвиняемый оставался жив, просьба о прощении сопровождалась поклоном или даже преклонением колен, что означало подчинение воле осужденного.

Королевские чиновники в ритуале не участвовали, выступали в роли наблюдателей: контролировали его исполнение и гарантировали «мир», заключенный сторонами. Такой ритуал публичного покаяния был связан отчасти с характером преступлений, за которые оно полагалось. По нормам рецептированного римского права к таким относились: вооруженные нападения (на физических лиц, частные дома, замки, церкви); убийства, публичные оскорбления, ложные доносы, а также похищение несовершеннолетних девиц с целью заключения брака [8].

В регистрах парламента XIV–XV вв. в качестве превышения должностных полномочий (*abus de justice*) упоминаются: несправедливое обвинение или вынесение смертного приговора, незаконное тюремное заключение, несанкционированное применение пыток, нарушение юрисдикции. Так, в 1411 году прево Шато Тьерри был приговорен к публичному покаянию за то, что собирался повесить клирика, чье преступление не входило в юрисдикцию королевского суда [2]. Особенностью данного преступления является его ярко выраженный антиобщественный характер: судья скомпрометировал королевскую власть в глазах населения, допустил в своей профессиональной деятельности ошибку, которую нужно признать и исправить.

Данный вопрос (право гражданина на судебную защиту и право на защиту от судебной ошибки) является актуальным и для современной России. В России нет статистики вынесения ошибочных приговоров, нет статистики искалеченных судеб из-за судебной ошибки, нет норм ответственности лиц,

виновных в совершении судебной ошибки, что делает невинно осуждённых лиц беззащитными перед представителями власти. Многие правоведы именно поэтому поддерживают отмену смертной казни в современном обществе, поскольку человеческий суд не может быть абсолютно беспристрастным и стопроцентно объективным, людям свойственно ошибаться и быть корыстными [5: с. 41].

По статистике в России только 0,4% выносимых приговоров (за 2006 год по уголовным делам — 10 процентов) являются оправдательными, вследствие чего немалая часть заключённых отбывает свой срок по ошибке, по ошибке следствия, судьи или присяжных. Процент судебных ошибок по оценкам экспертов по вынесению смертной казни достаточно высок (5–15 процентов) [5: с. 41]. Если взять имеющуюся статистику за 1990–1997 гг., в среднем приговоренных к смертной казни было по 150–160 человек в год, следовательно, вероятность судебной ошибки могла достигнуть 21–22 человека в год. Дело даже не в том, сколько приговорено к смертной казни, а в том, что приговор невинного человека вследствие судебной ошибки неисправим.

Законодательство Российской Федерации не содержит понятия уголовной ответственности судьи. Как известно, только Генеральный прокурор Российской Федерации имеет право требовать привлечь к уголовной ответственности судью. Однако в связи с созданием Следственного комитета при Генеральной прокуратуре РФ ситуация может измениться. За прокурором остаются лишь функции надзора за соблюдением законности. А возбуждать и расследовать уголовные дела будут иметь право только сотрудники Следственного комитета. Кто же тогда будет привлекать к уголовной ответственности коррумпированного судью?

Недостатком норм УК РФ 1996 г. о преступлениях против правосудия, совершаемых судьями и должностными лицами правоохранительных органов, является неконкретность их субъектного состава, что позволяет либо расширительно толковать круг лиц, подлежащих уголовной ответственности по ст.ст. 299, 300, 301, 302, 303, 305 УК либо, наоборот, ограничительно. Сложности с применением указанных норм, возникают также в связи с расплывчатостью понятий, используемых, как в наименованиях, так и в диспозициях отдельных статей УК.

Специфика объекта и субъекта состава вынесения заведомо неправосудного судебного акта обосновывает целесообразность отнесения его к должностным преступлениям против государственной власти, а не против правосудия (как это было в УК РСФСР 1922, 1926 годов и в ряде действующих УК зарубежных стран). В связи с этим Н.Н. Вопленко предлагает дополнить УК РФ статьей 286-1, которая будет содержать следующие положения: а) вынесение *иных неправосудных судебных актов* по своим негативным последствиям существенно не отличается от вынесения заведомо неправосудного приговора или решения; б) уголовная ответственность судьи за вынесение заведомо неправосудного акта должна наступать только при наличии конкретной цели или иной личной заинтересованности; в) предусмотреть в санкции наказание

в виде лишения права занимать должность судьи; а также различные штрафы (до 300 тыс. рублей) либо лишение свободы на срок до четырех лет с утратой права занимать должность судьи. Уголовно-процессуальный иммунитет судьи может быть ограничен федеральным законом лишь при условии соблюдения принципов равенства всех граждан перед законом и независимости судьи во время исполнения им своих должностных обязанностей [5: с. 43].

Преступление нарушает регулируемое и охраняемое уголовным правом общественное отношение, а следовательно, и рассматривать восстановительную функцию необходимо не с позиций возмещения ущерба, а исходя из способности уголовной ответственности восстанавливать общественные отношения, социальные связи, правоотношения, правопорядок, **социальную справедливость**. Это положение закреплено в Уголовном кодексе РФ в качестве одной из целей наказания как формы реализации уголовной ответственности. Восстановление социальной справедливости с учетом интересов потерпевшего, осужденного, общества и государства является исключительно важной целью уголовного наказания, как и правосудия в целом. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый в 1996 году, фактически сохранил редакцию ст. 177 УК РСФСР, согласно которой вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта является преступлением против правосудия.

Исследование истории института уголовной ответственности судьи за вынесение заведомо неправосудного судебного акта позволяет признать обоснованной квалификацию его российским законодательством до 1960 года и зарубежным законодательством в настоящее время как должностного преступления. Можно определить ошибку судебного правоприменения как преднамеренную объективно-противоправную деятельность суда, которая не соответствует установленным законом требованиям, в результате чего не достигаются цели судопроизводства.

Одни считают судебную ошибку «издержками производства», утверждая, что правосудия без судебных ошибок быть не может. Другие, наоборот, придерживаются мнения, что судебная ошибка — это преступление. И та, и другая точки зрения являются крайностями. Легализация права на судебную ошибку, как в англо-американском процессе, уменьшит пределы судебной ответственности, хотя и увеличит количество оправдательных приговоров. Отрицательное влияние на практику судебных ошибок оказывает обвинительный уклон правосудия. Суд видит преступника в каждом обвиняемом и, не вникнув в материалы дела, приходит к выводу о его виновности до начала судебного процесса. Отметим, что обвинительным уклоном «страдают» не только судьи, но и другие участники процесса.

Особые требования предъявляются к приговору суда, так как он является единственным актом, которым гражданин может быть признан виновным и подвергнут уголовному наказанию. Приговор должен быть законным, обоснованным, справедливым, мотивированным. Если он не соответствует хотя бы одному из этих требований — совершается судебная ошибка. Суть судебной

ошибки состоит в том, что она несет в себе негативные последствия, является нарушением закона и влечет за собой вынесение несправедливого, незаконного и необоснованного приговора. Все возможные судебные ошибки перечислить невозможно. Они являются, прежде всего, следствием нарушения норм материального и процессуального права, делятся на преднамеренные и непреднамеренные, фактические и логические [7].

Полная ошибка означает неправильность судебного правоприменительного акта в целом и юридическую необходимость его отмены. Содержание полной ошибки составляет чаще всего существенное нарушение норм материального или процессуального права. Частичная ошибка характеризуется менее вредными последствиями, возможностью частичного исправления правоприменительного акта и соответствующим закреплением в праве мер государственного реагирования на подобные нарушения законности [6].

Обращаясь к теме абсолютной необратимости смертной казни, необходимо отметить, что в случае судебной ошибки при исполнении приговора смертной казни в отношении невиновного человека представляется невозможным компенсировать потерю родственникам и близким казненного, не говоря уже о самом казненном. Максимум, что может сделать государство, — это осуществить *посмертную реабилитацию*, в других случаях — осуществлять компенсацию морального вреда [4]. Должен существовать определенный реестр учета судебных ошибок, и это необходимо регламентировать законодательно.

Таким образом, судья как человек и гражданин имеет право на судебную ошибку (и это право регламентировалось правовыми системами зарубежных государств в прошлом и в настоящее время), однако судебная система обязана свести такие ошибки к минимуму и обеспечивать своим гражданам защиту от них, процедуры реабилитации и компенсации.

Литература

1. Chroniques d'Enguerrand de Monstrelet, J.A. Buchon ed. // Collection des chroniques nationales francaises du 13me au 16me siècle. P., 15 vols., 1826-27, t.1, p. 128.
2. Архивы Парижского парламента, регистры гражданских дел. — Archives Nationales (A.N.), X 2a 16, f. 136 (mai 1411).
3. Архивы Парижского парламента, регистры гражданских дел. — Archives Nationales (A.N.), X 2a 8, f.69B-70vA.
4. *Боровский М.В.* Некоторые вопросы статуса судей и проблема коррупции // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Сб. материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 9–10 сентября 1999 г.) / Под ред. В.В. Лунеева. — М., 2001.
5. *Вопленко Н.Н.* Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. — 1981. — № 4.
6. *Китаев Н.Н.* Неправосудные приговоры к смертной казни. Системный анализ допущенных ошибок. — М., 2001.

7. *Леонтьев Е.В.* Судебная ошибка в гражданском процессе: понятие и характерные черты // *Современные проблемы гражданского права и процесса: Сб. ст. — Новосибирск, 2002.*
8. *Тогоева О.И.* Право на ошибку // *Право в средневековом мире: Сб. ст. — СПб., 2001.*

Г.В. Матвиенко

Право лиц на перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу: проблемы теории и практики¹

Права человека формируют гуманистический тип права и правовой системы в целом. В правовом государстве приоритеты охранительных функций права смещаются к позитивному воздействию и лидируют над запретами [1]. Таможенное право основано на международных принципах, его положения, как никакие другие ориентированы на реализацию основных прав и свобод человека, закрепленных в международных актах. Право любого лица на перемещение товаров и транспортных средств через границы государств рассматривается в международном сообществе теоретиками права в качестве неотъемлемого права личности, поскольку корреспондирует праву каждого покинуть любую страну, в том числе свою собственную, и возвращаться².

Правовой статус человека в качестве участника таможенных правоотношений конкретизируется иными источниками международного и национального права.

Так, Конвенция о таможенных льготах для туристов, причисляет к туристам любых лиц, независимо от расы, пола, языка и религии, которые вступают на территорию какого-либо договаривающегося государства, кроме того государства, в котором такие лица обычно проживают, и остаются там не менее двадцати четырех часов и не более шести месяцев в течение любого двенадцатимесячного периода с дозволенной целью, кроме цели иммигрировать, как-то: с целью туризма, развлечения, спорта или лечения, по семейным обстоятельствам или для учения, религиозного паломничества, а также с деловыми целями (ст. 1) [2].

¹ Работа выполнена при поддержке справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: часть 2 т. 13 Всеобщей декларации прав человека. Принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета. — 5 апреля 1995 г.; часть 2 ст. 27 Конституции Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп., включая от 27 июля 2007 г.). — М., 2007.

Нормы национального таможенного права присоединившихся к названной Конвенции стран (в том числе и России), устанавливают презумпцию: если лицо не подтверждает свой статус индивидуального предпринимателя, считается, что товар или транспортное средство перемещается им в личных целях. Следовательно, такое лицо вправе рассчитывать на льготный порядок таможенного обложения в случае соблюдения установленных ограничений, упрощенный характер таможенного оформления и контроля¹.

Примечательно, что рассматриваемое право на перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу не названо в Конституции РФ, однако вполне может быть причислено к основным правам личности. В науке укрепилось мнение о том, что к числу последних относятся не только установленные в Основном Законе, но и признаваемые в качестве таковых международными договорами и соглашениями².

Таким образом, положения рассматриваемой Конвенции, а также нормы национального таможенного права формируют международно-правовой статус личности, а именно — туриста. Специальный (родовой) правовой статус, по мнению Д.И. Луковской, «фиксирует особенности положения определенной группы субъектов — студентов, военнослужащих, ... характеризует «групповые» возможности людей как субъектов права. Специальный правовой статус состоит из особых (дополнительных) прав и обязанностей индивидов, образующих ту или иную группу» [3]. В области таможенного дела специальным статусом обладают физические лица, индивидуальные предприниматели, юридические лица. Права и обязанности субъекта конкретного правоотношения формируют его индивидуальный статус, который базируется на нормах международного права и национального законодательства. Так, особые категории субъектов таможенного права формируют следующие виды физических лиц: граждане Российской Федерации и иностранные граждане, лица без гражданства, беженцы и вынужденные переселенцы и т.д. Таможенные льготы и ограничения для таких лиц установлены законодательными и иными нормативными актами³.

Специфика таможенного регулирования, в том числе и международного, заключается в том, что права и обязанности индивидуальных участников таможенных правоотношений все-таки предполагают наличие устойчивой правовой связи человека с государством, т.е. гражданства, несмотря на то, что лица без гражданства также обладают личными правами, в том числе на передвижение через границу. Особым статусом в таможенном деле обладают беженцы и вынужден-

¹ См.: глава 23 Таможенного кодекса РФ от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ (с изм. и доп., включая от 6 декабря 2007 г.) // СЗ РФ. — 2003. — № 22. — Ст. 2066 (Здесь и далее указывается источник первого официального опубликования нормативного акта).

² См., например: *Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева.* — М., 2003; *Эбзеев Б.С.* Конституция. Демократия. Права человека. — М., 1992; и др.

³ См., например: Постановление Правительства РФ от 29 ноября 2003 г. № 718 г. «Об утверждении положения о применении единых ставок таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации физическими лицами для личного пользования» (с изм. и доп., включая от 3 марта 2007 г.) // СЗ РФ. — 2003. — № 49. — Ст. 4772.

ные переселенцы. Указанные лица пользуются всеми личными правами, несут традиционные обязанности участников таможенных правоотношений (например, по декларированию определенных категорий товаров), пользуются особыми преимуществами при условии подтверждения своего правового статуса. На них не распространяются стоимостные и количественные ограничения по перемещению товаров, установленные для иных категорий физических лиц.

Право на перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу корреспондирует свободе передвижения, а также некоторым правам человека и гражданина «второго» и «третьего» поколения: на занятие предпринимательской деятельностью (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ), на свободное получение информации (ст. 29 Конституции РФ). Этому праву корреспондирует обязанность органов государственной власти (в том числе таможенных) обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ). В области таможенного дела конституционные права конкретизированы: так, на информирование и консультирование по вопросам таможенного дела имеют право любые заинтересованные лица (глава 24 Таможенного кодекса РФ).

Следует отметить, что физические лица, которые перемещают товар в коммерческих целях, не пользуются льготами туриста. Это правило также носит международный характер. Заметим, что индивидуальный предприниматель должен быть зарегистрирован в таком качестве, для чего изначально требуется наличие устойчивой правовой связи с государством (своим или иностранным), т.е. гражданства. Таким образом, специальный статус индивидуальных предпринимателей базируется также на правах и свободах гражданина. На таких лиц распространяются обязанности по уплате таможенных платежей в полном объеме, таможенное оформление и контроль производятся в обычном порядке. Тем важнее для них знать не только права, но и обязанности, ограничения, установленные законодательством.

Механизм гарантий прав человека и гражданина является неотъемлемым условием их реализации [1: с.17]. В области таможенного дела закреплены следующие элементы такого механизма: права лиц; границы и способы их пересечения; правила установления запретов и ограничений на перемещение отдельных категорий товаров и транспортных средств; принцип свободы выбора таможенного режима и дифференцированного подхода к порядку осуществления таможенного оформления, контроля и обложения товаров в зависимости от их предназначения; установлены меры принудительного характера для обеспечения соблюдения норм таможенного законодательства; государством определены формы и размеры восстановления нарушенных прав.

Несмотря на то, что нормы современного таможенного права пронизаны духом «прозрачности», транспарентности в целях обеспечения гарантий соблюдения прав человека и гражданина в области таможенного дела в ближайшее время следует решить ряд вопросов.

Так, отсутствие в нормах Постановления Правительства РФ от 29 ноября 2003 г. № 718 [4] порядка расчета совокупного таможенного платежа, взимаемого с физических лиц в случае пересечения таможенной границы более 1 раза в месяц, нарушает право лиц на получение информации. Примечательно, что порядок расчета такого платежа установлен ведомственным актом Федеральной таможенной службы, который находится под грифом «ДСП». Итак, в данном случае доступ к информации по вопросам таможенного дела неправомерно ограничен.

На практике часто возникает проблема: если физическое лицо въезжает из-за границы на таможенную территорию Российской Федерации чаще 1 раза в месяц, причем во время первой поездки не воспользовавшись правом ввоза иностранных товаров, рассчитывается совокупный, а не единый таможенный платеж. Порядок расчета последнего закреплен нормативно, он исчисляется исходя из превышения установленных стоимостных и/или количественных ограничений ввозимых товаров. Право уплаты единого платежа возникает только при соблюдении ряда условий, в числе которых — частота пересечения таможенной границы. В случае перемещения через границу более 1 раза в месяц при условии некоммерческого предназначения ввозимого товара, лицо обязано уплатить совокупный таможенный платеж, размер которого исчисляется не от превышения установленных ограничений, а от полной стоимости / веса перемещаемого товара. Представляется, что критерий частоты пересечения границы позволяет усомниться в справедливости существующей системы льготного таможенного обложения физических лиц. Не случайно в последние годы участились случаи обращения граждан с просьбой обязать пограничные таможенные органы выдавать документы, подтверждающие, что после первой поездки за границу в течение месяца не перемещались товары, подлежащие таможенному обложению, следовательно, единый таможенный платеж не уплачивался (например, гражданин приехал из заграничной командировки с личным багажом). Однако таможенное законодательство не предусматривает такой возможности: отметка в паспорте о пересечении Государственной границы становится единственным основанием для разрешения или отказа в разрешении на расчет единого таможенного платежа. Представляется, что решить эту проблему возможно. Во-первых, закрепив нормативно порядок расчета совокупного таможенного платежа, поскольку он отнесен законодателем к льготной системе таможенного обложения товаров, перемещаемых физическими лицами для личных нужд. Во-вторых, предоставив таможенным органам право выдавать документ установленной формы. Подобная практика позволит дифференцировать порядок таможенного обложения отдельных категорий физических лиц. Примечательно, что похожая схема действует в случае подтверждения права на законный реэкспорт ранее ввезенной (переведенной) наличной валюты. Такое право подтверждает пассажирская декларация, заполняемая при ввозе валюты, либо иные документы, подтверждающие законность

реэкспорта (например, выписка со счета в банке о переводе валюты в адрес резидента)¹.

В названном Постановлении Правительства РФ от 29 ноября 2003 г. № 718 не указано, распространяется ли льготный порядок таможенного обложения на все ввозимые товары, или только на новые иностранные товары, приобретенные за границей? Казалось бы, ответ очевиден: только новые товары подлежат таможенному обложению. Однако практика здесь не отличается однообразием: льготная система таможенного обложения при однократном перемещении товара через таможенную границу в течение 1 месяца распространяется на товары, стоимость которых превышает 65 тыс. рублей и/или вес которых превышает 35 кг. Такая «вилка» позволяет облагать единым таможенным платежом весь багаж. Конечно, с одной стороны, недобросовестные лица могут ввезти под видом личных вещей любые иностранные товары в коммерческих целях, с другой, сотрудник таможенного органа может рассчитать единый таможенный платеж, исходя из веса всего багажа, что и происходит на практике. Думается, что в интересах физических лиц следует установить обязанность сохранять чеки и бирки до конца поездки, а таможенным органа вменить в обязанность рассчитывать таможенные платежи исходя из стоимости и веса новых товаров.

Примечательно, что нарушения прав личности в таможенной сфере в результате неопределенности положений указанного Постановления Правительства РФ и субъективного их толкования правоприменителями, носят массовый характер. Думается, что количество в скором времени перерастет в качество, и положения названного нормативного акта будут оспорены.

В целом, проблема права физического лица на перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу требует более детального, глубокого анализа и непременно станет предметом дальнейшего изучения.

Литература

1. *Глухарева Л.И.* Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2004.
2. Конвенция о таможенных льготах для туристов. Заключена в г. Нью-Йорке 4 июня 1954 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXI. — М., 1967.
3. *Луковская Д.И.* Права человека и права гражданина. Правовой статус человека и гражданина // История государства и права. — 2007. — № 13.
4. Постановление правительства РФ от 29 ноября 2003 г. № 718 «Об утверждении положения о применении единых ставок таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации физическими лицами для личного пользования» (с изм. и доп., включая от 3 марта 2007 г.) // СЗ РФ. 2003. № 49. Ст. 4772

¹ См. подробнее ст. 15 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (действует с изм. и доп., включая от 30 октября 2007 г.) // СЗ РФ. — 2003. — № 50. — Ст. 4859.

**В.И. Притула,
А.М. Абрамов**

Ведомственное нормативное регулирование кадрового обеспечения подразделений предварительного следствия в органах внутренних дел

Деятельность органов внутренних дел осуществляется на основе норм права, благодаря чему является юридически значимой и обоснованной. Это объясняется тем, что её правовое регулирование вносит соответствующий порядок в отношения между субъектами и объектами правоотношений, определяет границы их поведения, способствует укреплению законности.

Расследование преступления, как составляющая часть борьбы с преступностью, осуществляется на основе и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента, Постановлений и распоряжений Правительства, ведомственных нормативных актов МВД России, определяющих в совокупности его правовую основу.

Составляющей частью организации расследования преступлений является ее кадровое обеспечение. Для оптимизации процесса необходимо постоянное совершенствование правовых основ, которые представляют собой **систему** многообразных правовых норм. По нашему мнению, целесообразно, учитывая требования системного подхода к анализу сложных социальных явлений и процессов, провести определенную дифференциацию ее элементов. Как представляется, наиболее удачна (и наиболее практична для восприятия) классификация элементов правовой основы в зависимости от уровней правового регулирования. В системе правовых институтов и норм, составляющих единую правовую основу, можно выделить четыре уровня:

- *конституционный уровень*, охватывающий институты и нормы, составляющие общую основу всех видов государственной деятельности, применяемых во всех сферах социального управления;
- *законодательный уровень*, включающий все институты и нормы, определяющие основные задачи, направления и формы борьбы с преступностью, как специальной сферы государственной деятельности;
- *подзаконный уровень*, включающей Указы Президента, Постановления Федерального собрания и Правительства Российской Федерации;
- *ведомственный уровень*, на котором непосредственно регулируется функционирование органов внутренних дел в целом и конкретных служб в частности, определяется их система и структура, организация деятельности.

В системе общеюридических норм, составляющих правовую основу кадрового обеспечения подразделений предварительного следствия в органах внутренних дел, особое место занимают ведомственные нормативные акты МВД России. Такие акты носят либо *комплексный*, либо *узконаправленный* характер.

Комплексными актами являются приказы МВД России по основным направлениям деятельности подразделений органов внутренних дел, где прямо или косвенно рассматриваются вопросы, касающиеся организации кадрового обеспечения подразделений предварительного следствия. В частности, к ним можно отнести: «*Инструкцию о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации*», утверждённую приказом МВД РФ от 14.12.1999 года № 1038.

Анализ данной Инструкции и последующих нормативных актов позволяет заключить, что в правовом регулировании ряда вопросов кадрового обеспечения подразделений предварительного следствия в органах внутренних дел происходят положительные сдвиги: определены служебные обязанности и права сотрудников следствия, определена правовая основа. Заложены принципы организации профессиональной подготовки следователей. Четче прописаны условия приёма на службу, заключения контракта и прохождения испытательного срока. Нормативно закреплён порядок принятия Присяги сотрудником органов внутренних дел. Определены нормы, регламентирующие вопросы: перемещения сотрудников по службе и на службу в другую местность; порядок проведения аттестации сотрудников; прикомандирование сотрудников органов внутренних дел к представительным органам государственной власти и органам государственного управления; снятия с воинского учёта сотрудников органов внутренних дел; присвоение специальных званий рядового и начальствующего состава органов внутренних дел; регламентированы требования к служебной дисциплине; порядок применения поощрений и дисциплинарных взысканий, внутренний распорядок и продолжительность рабочего времени, предоставления отпусков; денежное довольствие, социальное страхование, льготы, гарантии и компенсации сотрудников органов внутренних дел; основания для прекращения службы и увольнения из органов внутренних дел; восстановление в должности, специальном звании и на службе в органах внутренних дел и др.

Правовое регулирование кадровых вопросов предварительного следствия в органах внутренних дел осложняется множеством дублирующих и уточняющих норм, закреплённых в нормативных правовых актах различных уровней юридической силы, регулирующих организацию деятельности органов внутренних дел. Решение сложившегося положения видится в кодификации норм права. К такому же выводу приходят и 77,3% опрошенных нами сотрудников следственных подразделений. Респонденты отмечают, что данные нормы должны закрепляться в самостоятельном законодательном акте например, в принятии Федерального закона «О службе в органах внутренних дел», регулирующем вопросы, связанные с организацией кадрового обеспечения, что позволило бы трактовать их однозначно и не создавало бы известных сложностей в понимании и реализации.

Предлагаемые дополнения в законодательстве, по мнению авторов, объективно необходимы, поскольку организация кадрового обеспечения подразделений предварительного следствия, как и других служб органов внутренних дел, организация деятельности органов внутренних дел в целом, социально обусловлены и ориентированы на выполнение социально полезных задач и функций.

Узконаправленный характер носит, например, приказ МВД РФ № 1 от 04 января 1999 года «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 года № 1422 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации». Настоящим нормативным актом следственные управления (отделы, отделения, группы) выведены из структуры аппаратов управления МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, УВДТ и органов внутренних дел на территории субъектов Российской Федерации, на объектах транспорта и режимных объектах и образованы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в качестве *органов предварительного следствия*. Приказом утверждены типовые положения и организационно-штатная структура следственных подразделений различного уровня управления.

Нормами Приказа определено, что правовую основу деятельности Следственного комитета и подчиненных ему низовых подразделений составляют: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, приказы и указания Генерального прокурора Российской Федерации по вопросам предварительного следствия, межгосударственные договоры, заключённые Российской Федерацией с иными государствами, нормативные правовые акты Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Деятельность Следственного комитета осуществляется в соответствии с принципами уважения прав и свобод человека и гражданина, законности, гуманизма, презумпции невиновности, на основе взаимодействия с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и общественными объединениями.

Деятельность Следственного комитета организуется на основе планирования, сочетания единоначалия в решении вопросов служебной деятельности и коллегиальности при их обсуждении, персональной ответственности каждого сотрудника за состояние дел на порученном участке. Одной из основных его функций является проведение кадровой политики, подбор, расстановка и воспитание кадров сотрудников предварительного следствия, повышение их квалификации и профессионального мастерства, соблюдение сотрудниками служебной дисциплины, создание нормальных социально — бытовых условий для работы.

Проведенный анализ нормативных правовых актов, так или иначе регулирующих кадровое обеспечение предварительного следствия в органах внутренних дел, позволяет сделать следующие выводы:

1. Организация кадрового обеспечения подразделений предварительного следствия в органах внутренних дел имеет под собой правовую основу, которую составляет совокупность законодательных и подзаконных актов, регламентирующих различные аспекты организации и осуществления данного направления деятельности органов внутренних дел. Вместе с тем, некоторые проблемы, существующие на настоящий момент, в правовом регулировании организации кадрового обеспечения решенными назвать нельзя.

2. Для совершенствования организации кадрового обеспечения подразделений предварительного следствия в органах внутренних дел правовой фактор может использоваться в двух основных направлениях. *Во-первых*, право позволяет закрепить в нормативном порядке наиболее рациональные, основанные на научных знаниях, и проверенные практикой методы и способы осуществления данного вида деятельности, вследствие чего последние приобретают силу предписаний и становятся обязательными для исполнения. *Во-вторых*, повышение эффективности такой деятельности может достигаться за счёт совершенствования самого процесса нормативного регулирования на основе изучения и использования, присущих праву таких свойств, как системность, стабильность, формальная определённость.

3. Вопросы непосредственного правового регулирования кадрового обеспечения подразделений предварительного следствия в органах внутренних дел нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Оно, на наш взгляд, может происходить по следующим направлениям:

– принятие нормативных актов, прямо или опосредованно регламентирующих кадровое обеспечение подразделений предварительного следствия в органах внутренних дел;

– строжайшее соблюдение требований законов и других нормативных актов при принятии юридических решений в отношении кандидатов и сотрудников следственных подразделений.

В завершение отметим, что мы не ставили своей целью дать исчерпывающий обзор и анализ всех применяемых в организации кадрового обеспечения подразделений предварительного следствия нормативных правовых актов. Их применение на практике исключительно внутриведомственная прерогатива, а поэтому процедура их использования в органах внутренних дел должна определяться конкретными условиями и задачами борьбы с преступностью.

Литература

1. Приказ МВД РФ № 1038 от 14. 12. 1999 г. «Об объявлении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации».
2. Приказ МВД РФ № 1 от 04 января 1999 года «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 года № 1422 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации».

С.И. Фёклин

Уголовно-правовые гарантии прав граждан на законное использование наркотических средств и психотропных веществ

Провозглашение и закрепление права человека, имеющего заболевание, на использование наркосодержащих лекарственных средств закреплено в международных и национальных законодательных актах. Российская Федерация устанавливает юридические гарантии¹ легального использования наркотических средств и психотропных веществ лицами, больными наркоманией. Среди юридических гарантий особое место отведено уголовно-правовым, которые позволяют в полной мере реализовать право на легальное использование наркосодержащих лекарственных средств физическими лицами. Уголовно-правовыми гарантиями использования подобных средств являются:

1) закрепление соответствующих прав в законодательстве (Федеральный закон от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» предусматривает права физических лиц на легальное использование наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации);

2) установление границ (правил) дозволенного потребления наркотических средств и психотропных веществ;

3) привлечение к правовой ответственности в случае нарушения правил законного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Право на легальное использование наркотических средств и психотропных веществ лицами, имеющими заболевание, включает следующие правомочия:

- право на законное приобретение;
- право на законную перевозку;
- право на бесплатную медицинскую помощь;
- право на законное потребление по назначению врача;
- право на неприкосновенность личности.

Право на приобретение наркотических средств и психотропных веществ

Наркотические средства и психотропные вещества отпускаются физическим лицам только в аптечных организациях и учреждениях здравоохранения

¹ Под юридическими гарантиями следует понимать условия и средства, обеспечивающие реализацию прав человека.

при наличии лицензии на указанный вид деятельности фармацевтическими работниками, имеющими специальный допуск (статья 25 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»). Если лицо, следующее транзитом через Россию, задерживается на территории Российской Федерации и для продолжения лечения нуждается в дополнительном приобретении наркотических средств или психотропных веществ, их отпуск осуществляется по рецепту, выданному в Российской Федерации. Рецепты, содержащие назначение наркотических средств или психотропных веществ, выписываются на специальных рецептурных бланках. Форма «Специального рецептурного бланка на наркотическое средство и психотропное вещество» и инструкция по его заполнению утверждены Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 февраля 2007 года № 110 «О порядке назначения и выписывания лекарственных средств, изделий медицинского назначения и специализированных продуктов лечебного питания». Гражданин вправе воспользоваться рецептурным бланком на наркотическое средство и психотропное вещество только в течение 5 дней со дня выписки (на рецепты, выписанные на бланке формы № 148-1/у-88, — в течение 10 дней).

Выдача рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, без соответствующих медицинских показаний или с нарушением установленных правил оформления влечет уголовную ответственность лиц, выдавших рецепт, по статье 233 УК РФ.

Законодательством РФ специально не регламентируются правила легального приобретения наркотических средств и психотропных веществ лицами, больными наркоманией. Следовательно, обязанность по соблюдению правил легального оборота наркотических средств и психотропных веществ на граждан, больных наркоманией, официальными документами не возложена. В этой связи уголовная ответственность больных наркоманией за нарушение легальных правил приобретения наркотических средств и психотропных веществ по статье 228-2 УК РФ исключена.

Право на перевозку наркотических средств и психотропных веществ

Физическим лицам разрешается перевозить наркотические средства и психотропные вещества, полученные в медицинских целях, при наличии документа, выданного аптечной организацией и подтверждающего законность получения наркотических средств и психотропных веществ (часть 4 статьи 21 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»). При этом порядок перевозки наркотических средств и психотропных веществ на территории Российской Федерации физическими лицами до сих пор законодательно не установлен. Это значит, что и уголовная ответственность больных наркоманией лиц по статье 228-2 УК РФ не наступает, поскольку отсутствует нормативно-правовой акт, обязывающий граждан соблюдать правила перевозки наркосодержащих лекарственных средств.

Больной наркоманией, следующий транзитом через территорию Российской Федерации, может провозить в целях лечения наркотические средства или психотропные вещества, внесенные в списки II и III (статья 32 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»). При перевозке в лечебных целях через территорию Российской Федерации при следовании транзитом (трансфером) наркотических средств или психотропных веществ граждане обязаны их задекларировать, предъявить таможенным органам медицинский документ о наличии заболевания, вывозной и ввозной сертификат [2]. Нарушение данных правил не приводит к утрате наркотических средств и психотропных веществ, поскольку исключает уголовную ответственность больных наркоманией лиц по статье 228-2 УК РФ.

Право больных наркоманией на бесплатную медицинскую помощь

Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, которая в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений (статья 41 Конституции РФ). Государство оказывает наркологическую помощь больным наркоманией (обследование, консультирование, диагностику, лечение и медико-социальную реабилитацию) в учреждениях государственной, муниципальной или частной систем здравоохранения, получивших лицензию на указанный вид деятельности (статья 55 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»).

Больные наркоманией прикрепляются к конкретному лечебно-профилактическому и аптечному учреждению (организации) по месту жительства в порядке, определяемом органом управления здравоохранением субъекта Российской Федерации. Назначение лекарственных средств гражданам в рамках оказания государственной социальной помощи и гражданам, имеющим право на получение лекарственных средств бесплатно и со скидкой, производится по решению врачебной комиссии в случаях назначения наркотических средств, психотропных веществ, иных лекарственных средств, подлежащих предметно-количественному учету [3].

В Российской Федерации запрещается лечение наркомании наркотическими средствами и психотропными веществами, внесенными в Список II Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681. Больные наркоманией при оказании наркологической помощи пользуются правами пациентов в соответствии со статьей 30 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан [4], которая предусматривает:

- уважительное и гуманное отношение со стороны медицинского и обслуживающего персонала;
- обследование, лечение и содержание в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям;

- облегчение боли, связанной с заболеванием и (или) медицинским вмешательством, доступными способами и средствами;
- сохранение в тайне информации о факте обращения за медицинской помощью, о состоянии здоровья, диагнозе и иных сведений, полученных при его обследовании и лечении;
- отказ от медицинского вмешательства;
- получение информации о своих правах и обязанностях и состоянии своего здоровья;
- получение медицинских и иных услуг в рамках программ добровольного медицинского страхования;
- допуск к нему священнослужителя, а в больничном учреждении — на предоставление условий для отправления религиозных обрядов.

Наркологическая помощь больным наркоманией оказывается по их просьбе или с их согласия, а несовершеннолетним в возрасте до 16 лет — по просьбе или с согласия их родителей (законных представителей), за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации (часть 2 статьи 54 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»).

Уголовно-правовой гарантией больных наркоманией лиц в Российской Федерации является отсутствие статьи УК РФ, предусматривающей их ответственность за уклонение от медицинского лечения.

Право на потребление наркотических средств и психотропных веществ по назначению врача

В Российской Федерации запрещается потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача (статья 40 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»). Назначение наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в списки II и III Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [1], при стационарном лечении производится единолично лечащим врачом, за исключением случаев, предусмотренных законодательством [4].

В настоящее время за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача установлена не уголовная, а административная ответственность по статье 6.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Право на неприкосновенность личности больного наркоманией

Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность (часть 1 статьи 22 Конституции РФ). Никто не должен подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам (часть 2 статьи 21 Конституции РФ). Указанные права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц (часть 3 статьи 55 Конституции РФ). Таким законом

является Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», в статье 44 которого установлено, что лицо, больное наркоманией, находящееся в состоянии наркотического опьянения либо потребившее наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача, может быть направлено на принудительное медицинское освидетельствование в специально уполномоченные на то органы здравоохранения по постановлению органов прокуратуры, органов дознания, следователя, судьи или органа, осуществляющего оперативно- розыскную деятельность. В настоящее время обязательное медицинское освидетельствование физического лица на установление состояния наркотического опьянения предусмотрено:

- в рамках уголовного дела по постановлению следователя (статья 179 Уголовно-процессуального кодекса РФ);
- в рамках административного дела на основании протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (статья 27.1 и статья 27.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Законодательством в настоящее время не регламентирован порядок направления на принудительное медицинское обследование лиц, имеющих заболевание наркоманией и не привлекаемых к уголовной или административной ответственности.

Больным наркоманией, находящимся под медицинским наблюдением и продолжающим потреблять наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо уклоняющимся от лечения, а также лицам, осужденным за совершение преступлений и нуждающимся в лечении от наркомании, по решению суда назначаются принудительные меры медицинского характера, предусмотренные законодательством Российской Федерации (статья 54 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»). В настоящее время принудительные меры медицинского характера могут быть назначены в рамках уголовного дела по решению суда лицам:

- совершившим преступление в состоянии невменяемости;
- у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания;
- совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (статья 97 Уголовного кодекса РФ; статья 18 Уголовно-исполнительного кодекса РФ).

Ни уголовным законом, ни иным нормативно-правовым актом не устанавливается ответственность в отношении лиц, находящихся под медицинским наблюдением и продолжающим потреблять наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо уклоняющимся от лечения.

На основании вышесказанного автор полагает, что уголовным законодательством установлены правовые гарантии неприкосновенности человека, больного наркоманией. Использование наркосодержащих лекарственных средств в соответствии с установленными государством правилами оборота наркотических средств и психотропных веществ исключает уголовную ответственность граждан по статье 228-2 УК РФ.

Литература

1. Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержден Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681.
2. Правила провоза наркотических средств или психотропных веществ в лечебных целях больными, следующими транзитом через территорию РФ, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 15 июня 1998 г. № 591.
3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 февраля 2007 года № 110 «О порядке назначения и выписывания лекарственных средств, изделий медицинского назначения и специализированных продуктов лечебного питания».
4. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан утверждены Верховным Советом РФ 22 июля 1993 года за № 5487-1.

ЧАСТНОЕ ПРАВО

В.Д. Мазаев

Динамика развития конституционного права собственности в РФ

Правильно выбранная модель экономической системы и адекватное ее конституционно-правовое закрепление являются залогом перспективного и устойчивого развития. Центральным звеном этой системы является право собственности.

Для характеристики хода развития конституционного права собственности необходимо предварительно определиться с тем понятийным рядом, на основании и в границах которого проводится предлагаемая оценка.

1. Понятие собственности в конституционном праве.

Категория собственности имеет междисциплинарный научный характер. В правовой науке собственность также относится к межотраслевым категориям. Отношения собственности занимают центральное место в конституционно-правовом регулировании экономических отношений. На наш взгляд, методологическая посылка о том, что собственность в известной мере предопределяет природу экономических отношений, характер экономической и политической власти остается востребованной и в наше «немарксистское время». Характер, способы присвоения и распределения материальных благ дают ключ к пониманию природы общественного строя, реальных ценностей современной демократии, основанной на сочетании баланса свободы и социальной справедливости. Отношения собственности, увязанные в соотношении с категориями свободы и социальной справедливости, дают представление о социально-политической природе собственности.

В экономическом смысле собственность представляет собой отношение по поводу присвоения (отчуждения) материальных благ. Как правовая категория собственность выступает в двух качествах: как объективное и субъективное право. Право собственности в объективном смысле слова представляет собой совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих общественные отношения по поводу присвоения материальных благ. Право собственности в субъективном смысле слова представляет собой совокупность правомочий

собственника и исключительной возможностью полного хозяйственного господства над имуществом.

В Конституции РФ термин «собственность» используется в трех смыслах: а) как любое принадлежащее лицу имущество; б) как совокупность экономических отношений, связанных с определенным способом ведения хозяйственной деятельности (форма собственности) (ст. 8); в) как абсолютное вещное право лица на определенную вещь, включающее правомочия владеть, пользоваться и распоряжаться этой вещью (ст. 35).

Категория формы собственности выполняет в конституционном регулировании самостоятельную роль. В экономическом смысле форма собственности характеризует способ организации отношений собственности, способ хозяйствования. В форме права собственности отражается специфика субъектов отношений собственности, характер объектов присвоения, правовой режим осуществления этого права.

Анализ динамики конституционного права собственности включает в себя оценку и иных элементов механизма реализации данного права: конституционных принципов (например, защиты равным образом различных форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ), гарантий, прежде всего конституционных (например, лишение имущества не иначе как по решению суда (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ), правоприменительной и политической практики, состояния правосознания граждан и должностных лиц и др.

Таким образом, характеристика конституционного права собственности предполагает комплексный анализ всего многопланового ряда, который раскрывает его содержание, начиная с социально-политической природы и заканчивая субъективным правом и правовыми аспектами его защиты.

2. Исходная модель права собственности в Конституции РФ.

В Конституции РФ закрепляется принцип признания и защиты равным образом разных форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ). Вместе с тем содержательный анализ статей 8, 9, 34, 35, 36, ч. 1 ст. 44 Конституции РФ показывает приоритетность института частной собственности в конституционном перечне форм собственности: а) в конституционном перечне форм собственности частная собственность стоит на первом месте; б) в пункте 1 статьи 8 закрепляются важнейшие принципы рыночной экономики (свобода экономической деятельности, свобода передвижения товаров и услуг, единство экономического пространства, поддержка конкуренции), которые являются необходимой базой для существования и развития частной собственности; в) в ч. 2 статьи 9 допускается частная собственность на землю и другие природные ресурсы — объекты, которые относятся к национальному достоянию всего общества; г) во второй главе Конституции РФ право частной собственности представлено как естественное право человека, раскрыто его экономическое и правовое содержание. «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» (ч. 1 ст. 34), «каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и

распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами» (ч. 2 ст. 35); д) закрепляется широкий перечень гарантий обеспечения права частной собственности и важнейших условий ее реализации: право частной собственности охраняется законом (ч. 1 ст. 35); не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 43); никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ч. 3 ст. 35); право наследования гарантируется (ч. 4 ст. 35).

Конституции РФ закрепила развернутое представление о частной собственности, тем самым обеспечив развитие политико-правовой разновидности модели рыночной экономики. Данная разновидность имеет характерные черты либеральной модели, например: а) частная собственность не имеет явных элементов социального обременения; б) не отражены существенные инструменты социальной политики в рыночной экономике (планирование, правовой режим «национально-го достояния»), способы распределения национальных богатств и др.).

Итак, в Конституции РФ утвердилась либеральная модель экономической системы с абстрактно обозначенной социальной ролью государства и приоритетом права частной собственности. Эта модель легла в основу грандиозного переустройства (переворота) экономики. Она наполнилась конкретным содержанием и значительно дополнилась в отраслевом рыночном законодательстве, указах Президента РФ и актах Правительства РФ, а также правоприменительной практики. Значительную роль в этом процессе занимают решения Конституционного Суда РФ, в которых нашли конкретное выражение конституционные принципы рыночной экономики, были сформулированы дополнительные принципы регулирования экономических отношений в рамках данной конституционной модели. Конституционный Суд РФ представил целую систему правовых принципов регулирования экономической жизни: общеправовые и специальные и раскрыл их содержание по конкретным делам [2; 5; 7].

3. С 1999–2000 гг. начинается этап серьезной корректировки существующей либеральной модели, которая осуществляется по нескольким направлениям: 1) увеличение роли и объема регулятивного воздействия государства в экономике, расширение позиций государства как собственника, неравноправного участника хозяйственного оборота; 2) модификации социально-правового содержания и роли права частной собственности; 3) изменение соотношения частной и публичной форм собственности.

Эти общие направления отразились в отдельных характеристиках развития конституционного права собственности, которые проявилось в экономической политике, законодательстве и в правоприменительной практике. К числу указанных моментов следует отнести:

А) усиление роли публичной собственности. В данной статье это понятие включает в себя государственную и муниципальную формы собственности. Эти формы собственности имеют ряд общих черт и являются особым видом обобществленной собственности, которую в экономической и правовой литературе называют публичной [3: с. 40; 6: с. 92; 4: с. 50]. Отмеченная тенденция проявляется в различных аспектах:

1) расширение реального объема государственной собственности в экономике. По официальным статистическим данным соотношение государственной и негосударственной собственности (по основным фондам) 45% к 55%. Но реально это соотношение сдвинулось в пользу государства. Публичная власть фактически берет под свой контроль наиболее крупные и значимые для экономики акционерные общества посредством контрольных или блокирующих пакетов акций [8: с. 30–31; 1: с. 211–216];

2) распространение государственной собственности практически на весь объем природных ресурсов страны (леса, воды, недра, земли и т.д.). Водный, Лесной кодексы, законодательство о недрах являются яркими примерами сужения сферы конституционного права частной собственности и чрезмерного расширения права федеральной собственности на подавляющий объем важнейших объектов;

3) установление дополнительных правовых режимов использования объектов собственности с элементами коллизий между режимом использования и режимом права собственности (государство старается, как правило, совместить режим использования с режимом права собственности с фактическим расширением прав публичного собственника (объекты общенационального достояния, национальные парки, природные парки, государственные природные заказники, памятники природы и т.д. (например, ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»));

4) выделение субъектов и объектов с особым правовым статусом в экономике (ФЗ «Об особенностях управления и распоряжения имуществом железнодорожного транспорта» ОАО «РЖД», серия федеральных законов о госкорпорациях, ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ФЗ «О государственном регулировании развития авиации» и др.). Формально законодатель образует негосударственные организации путем перевода в уставные или учредительные капиталы государственные средства. Фактически государство усиливает государственное присутствие в национальной и мировой хозяйственной деятельности, ставит под свой контроль ключевые направления развития экономики и бизнеса;

5) укрепление статуса различных уровней и объектов публичной собственности (например, ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», «О приватизации государственного и муниципального имущества», Бюджетный кодекс РФ, ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и др.);

6) централизация основных природных ресурсов, а также энергетики, связи, транспорта, бюджетных поступлений в федеральную собственность;

7) возвращение под государственный контроль основных субъектов хозяйственной деятельности в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК);

Б) Модификация социально-правовой природы частной собственности. От либеральных принципов свободы и неприкосновенности частной собственности

происходит движение в сторону принципов социальной ответственности частной собственности в обществе и социальной справедливости в сфере распределения объектов имущества. Эта тенденция связана с рядом факторов, например:

1) использование государством прямого административного ресурса или «спорных» способов возврата объектов собственности под свой контроль (доведение до банкротства, неадекватное использование гражданско-правовых институтов, недобросовестная конкуренция, осуществляемая государственными хозяйствующими субъектами, административные барьеры, направленные на вытеснение или поглощение, захват бизнеса), неиспользование учрежденных Конституцией РФ должных правовых форм, например, закона о национализации и т.д.);

2) политико-правовая практика смещения ценностей к доминированию государственного интереса в экономических спорах (по данным ВЦИОМ — более 50% предпринимателей в суды при спорах с государственными органами не обращаются)¹;

3) формирование квазифеодальных отношений между госорганами и субъектами хозяйственной деятельности (внеэкономическая зависимость от групп бюрократов, ведомственного или группового политического интереса).

Приведенные положения позволяют ряду специалистов говорить о том, что с 2003 года произошел отказ от либеральной экономической модели (Е. Ясин) и сделана ставка на модель госкапиталистического хозяйствования.

В то же время, если посмотреть на проект Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, подготовленной Минэкономразвития России², то в ней определяется необходимость развития эффективного политико-правового механизма взаимодействия государства, частного бизнеса и общества при выработке и проведении социально-экономической политики. В этом механизме подтверждается приоритет *предпринимательской инициативы*, и пределы активности государства: может создавать необходимые условия и стимулы для развития бизнеса, но не должно подменять бизнес собственной активностью.

В Концепции представлены принципы деятельности государства в отношениях с субъектами предпринимательской деятельности, в том числе: создание условий для свободы предпринимательства и конкуренции, снижение административных барьеров в экономике, превращение России в страну с низким уровнем коррупции; повышению общественного статуса и значимости предпринимательства и собственности; прекращение избыточного государственного регулирования экономики и переход преимущественно к косвенным методам регулирования экономических процессов; поэтапное сокращение участия государства в управлении собственностью в конкурентных отраслях экономики; концентрация государственного предпринимательства, главным образом, в отраслях, связанных с обеспечением обороноспособности и национальной безопасности, обеспечение равных условий конкуренции

¹ Судиться с властями бесполезно, считают российские предприниматели. — 09.04.2008 11:25 / Regions.ru

² E-mail: macro@economy.gov.ru

в тех секторах, где наряду с государственными функционируют частные компании; развитие государственно-частного партнерства и т.д.

Названным параметрам отвечает эффективно работающая демократическая система. «Особенность нынешнего исторического момента заключается в становлении работоспособной компетентной демократии, которая создает предпосылки для массового, а не избирательного инновационного процесса, ориентированного на глобальную конкуренцию. Только реализовав формулу развития *«демократия – человек – технологии»* Россия сможет реализовать свои потенциальные возможности и занять достойное место среди ведущих мировых держав».

Таким образом, конституционное право собственности и конституционные рыночные принципы остаются, постулируется незыблемость демократической формы и демократических институтов, в том числе свободы предпринимательства как основной гарантии конкурентоспособности государства и общества в глобальном мире. Вместе с тем увеличивается социальное наполнение отношений собственности и регулирующая роль государства. Таким образом, основы экономической системы сдвинулись к усилению государственного воздействия на экономику с созданием механизма кооперации государства, общества и бизнеса в деле качественного прорыва в инновационную модель. В этой связи конституционное право собственности продолжает наполняться новыми содержательными элементами (усиление публичности и социализации на фоне расширения коллизий между частыми и публичными интересами).

Можно сделать предположение, что российская государственная власть постулирует поддержку модели социально-ориентированной рыночной экономики с дирижерской ролью государства. Вместе с тем практика государственного регулирования отношений собственности зачастую не соответствует тому высокому уровню, который обозначен в действующей Конституции РФ, решениях Конституционного суда РФ и в упомянутой Концепции¹. На наш взгляд, динамика современного развития конституционного права собственности в России противоречива и эклектична. В этой связи требуется более последовательная законодательная и правоприменительная политика по осуществлению конституционных ценностей современной социально-ориентированной экономики и права собственности.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Право собственности. Проблемы теории. – М., 2007.
2. *Бондарь Н.С.* Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). – М., 2006.
3. *Бухвальд Е.* Новая стратегия реформ и перспектива Российской государственности // *Федерализм.* – 1999. – № 2.

¹ О низком уровне политического и правового обеспечения права собственности в России см.: например «Доклад о состоянии делового климата в Российской Федерации». РСПП. – М., 2008.

4. *Власова М.В.* Право собственности в России. – М., 2002.
5. *Гаджиев Г.А.* Конституционные принципы рыночной экономики. – М., 2002.
6. Государственное регулирование рыночной экономики / Под общ. ред. В.И. Кушлина, Н.А. Волгина. – М., 2000.
7. *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. (4.1. Имущественные права. Право собственности). – М., 2006.
8. *Ясин Е.Г.* Структура российской экономики и структурная политика: вызовы глобализации и модернизация. — М., 2008.

И.В. Гетьман-Павлова

Коллизионное регулирование в праве интеллектуальной собственности

В отношении объектов интеллектуальной собственности (бестелесных, нематериальных вещей) применение традиционных коллизионных начал вызывает серьезные проблемы. «Классические» коллизионные привязки прежде всего основаны на физических концепциях — месте жительства, совершения акта, нахождения вещи. С другой стороны, территориальный характер прав интеллектуальной собственности в сочетании с принципом национального режима закономерно приводит к выводу о необходимости применения права страны суда.

Коллизионные нормы в сфере права интеллектуальной собственности впервые были сформулированы не в национальном законодательстве, а в международных договорах (Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г.). В статье 5.2 «Выбор права» установлено своеобразное правило о выборе компетентного правопорядка: «Пользование этими правами и осуществление их не связаны с выполнением каких бы то ни было формальностей; такое пользование и осуществление не зависят от существования охраны в стране происхождения произведения. Следовательно, помимо установленных настоящей Конвенцией положений, объем охраны, равно как и средства защиты, обеспечиваемые автору для ограждения его прав, регулируется исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана». Аналогичная норма закреплена в статье 5.2 Договора ВОИС об авторском праве 1996 г.

Бернская конвенция предусматривает, что к спору применяется право того государства, на территории которого авторские права подлежат охране (*lex loci protectionis*). Предложенная формулировка порождает проблему толкования понятия «страна, в которой истребуется охрана». Данный термин может относиться и к государству, суд которого рассматривает дело; к государству, в котором правообладатель желает получить защиту; к государству, на территории которого были нарушены авторские права. Статья 5.2 Конвенции не определяет юрисдикцию, не указывает, что страна, предоставляющая охрану, — это страна, на территории которой «испрашивается» защита. Например, нарушение прав «французского» произведения имело место в Италии, а защита искивается в английском суде.

Во французской доктрине высказывается мнение, что «страна, в которой истребуется охрана» — это государство, в котором правообладатель желает получить защиту. Если иск предъявлен в суд другого государства, примени-

мым является иностранное право — право страны, в которой автор «желает получить защиту» [6].

Господствующее мнение доктрины — статья 5.2 Бернской конвенции предусматривает применение именно *lex fori*. Такое толкование совпадает с буквальным текстом Конвенции: «Сочетание принципов территориальности и национального режима логически ведет к применению в отношении объектов права интеллектуальной собственности права страны, в которой испрашивается защита (т.е. страны, суд которой рассматривает дело) — *lex fori*» [2].

Действительно, принцип выбора права в статье 5.2 Бернской конвенции является производным от принципа территориальности права интеллектуальной собственности. Этот принцип выбора права не обязательно требует применения *lex fori*. Независимо от того, суд какой страны рассматривает дело, отсылка к праву страны, «где испрашивается защита», может привести к применению права иностранного государства (в том числе и того, где произведение было впервые обнародовано). Это наглядно демонстрирует судебная практика США и Великобритании.

Норма статьи 5.2 Бернской конвенции имеет общий характер. В Конвенции содержатся специальные положения, предусматривающие применение права страны, в которой испрашивается охрана, к отдельным ситуациям (например, п. 2а ст. 14 bis — право страны, в которой истребуется охрана, применяется при определении лиц — владельцев авторских прав на кинематографическое произведение). Право страны, в которой испрашивается охрана — это основная коллизионная привязка в спорах из авторского права, но только по вопросам, не урегулированным нормами Бернской конвенции и других международных договоров.

Коллизионное регулирование отношений в сфере промышленной собственности в принципе идентично коллизионному регулированию в авторском праве. Исходное начало — применение права государства, где испрашивается охрана. Возможно также применение решения суда. В судебной практике распространено применение отсылок первой и второй степеней.

Современные национальные кодификации международного частного права демонстрируют тенденцию установить коллизионное регулирование вопросов права интеллектуальной собственности. В основном законодательно регламентируются отдельные аспекты права интеллектуальной собственности; коллизионное регулирование этого института в целом осуществлено всего в нескольких юрисдикциях.

В соответствии с положениями главы III «Права на произведения умственного труда» Указа Венгрии о международном частном праве авторские права регулируются правом государства, на территории которого заявлено требование об охране произведения [5]. Изобретателю и его правопреемнику обеспечивается охрана изобретения по праву того государства и в том государстве, в котором был выдан патент или где была подана заявка на него.

Законодатель Португалии устанавливает, что права автора регулируются законом места первого опубликования произведения. Если произведение

не опубликовано, применяется личный закон автора. Промышленная собственность регулируется законом страны ее создания (ст. 48 «Интеллектуальная собственность» ГК Португалии).

Закон о международном частном праве Украины предусматривает, что к правоотношениям в сфере защиты прав интеллектуальной собственности применяется право государства, в котором истребуется защита этих прав (ст. 37). В статье 36 Закона установлено: «К сделкам, предметом которых является право интеллектуальной собственности, применяется право, определяемое согласно соответствующим правилам настоящего Закона» [4].

Наиболее подробным образом коллизионное регулирование права интеллектуальной собственности осуществлено в румынском и швейцарском законодательстве. В Румынии нормы права интеллектуальной собственности помещены в раздел 5 «Бестелесное имущество» Закона, регулирующего отношения международного частного права. Возникновение, содержание и прекращение авторских прав подчиняются законодательству того государства, в котором произведение было впервые публично обнародовано. Произведения интеллектуальной деятельности, которые не были обнародованы, регулируются личным решением автора (ст. 60). Возникновение, содержание и прекращение права на промышленную собственность регулируются законом страны, где ее объект был передан на хранение, или была произведена ее регистрация, или было подано заявление о передаче на хранение или о регистрации (ст. 61). Получение материального и морального возмещения регулируется законом государства, в котором авторское право или право на промышленную собственность было нарушено (ст. 62).

Закон Швейцарии о международном частном праве в главе 8 «Интеллектуальная собственность» регламентирует не только вопросы применимого права, но и вопросы юрисдикции. Иски о правах интеллектуальной собственности рассматриваются швейцарским судом по месту жительства ответчика или по месту истребования охраны. Исключение составляют иски о действительности и регистрации прав интеллектуальной собственности за границей. Если ответчик не имеет места жительства в Швейцарии, иски о действительности или регистрации на территории Швейцарии прав интеллектуальной собственности подаются в швейцарский суд по зарегистрированному месту нахождения торгового промысла представителя, а при его отсутствии — в суд по месту нахождения регистрирующего органа (ст. 109).

К правам интеллектуальной собственности применяется право государства, на территории которого испрашивается охрана. По требованиям из причинения вреда стороны могут в любое время после наступления вредоносного события договориться о применении права страны суда. К договорам в сфере интеллектуальной собственности применяются положения Закона о международном частном праве, регулирующие договорные отношения (ст. 110).

Иностранные решения по делам о нарушении прав интеллектуальной собственности признаются в Швейцарии, если они вынесены:

- а) в государстве места жительства ответчика, или

б) в государстве, на территории которого испрашивается охрана, если при этом ответчик не имел места жительства в Швейцарии.

Иностранные решения по поводу наличия, действительности и регистрации прав интеллектуальной собственности признаются в Швейцарии только в том случае, если они вынесены или признаются в государстве, на территории которого испрашивается охрана» (ст. 111).

Швейцарский законодатель в качестве исходного коллизионного начала определил право государства, где испрашивается охрана прав интеллектуальной собственности. Субсидиарно применяются коллизионные «привязки» обязательственного права и решения суда (в соответствии с общей концепцией деликатных обязательств). Толкование статьи 111 позволяет утверждать, что «государство, на территории которого испрашивается охрана» и «страна суда» — это отнюдь не тождественные понятия.

В большинстве государств коллизионное регулирование вопросов права интеллектуальной собственности включено в раздел «Права на нематериальное имущество»: «Права на нематериальные блага регулируются правом государства использования данных прав» (ст. 54 Закона «Реформа итальянской системы международного частного права»). Возникновение, содержание и погашение прав на нематериальное имущество определяются согласно праву государства, в котором имеет место действие по их использованию или нарушению (ст. 38.1 Закона Лихтенштейна о международном частном праве).

В рамках международного частного права прежде всего регулируются договорные отношения в сфере интеллектуальной собственности. К договорам относительно прав на нематериальное имущество применяется право того государства, на территории которого право на нематериальное имущество передается или предоставляется. Если договорные отношения затрагивают несколько государств, то определяющим является право той страны, в которой приобретатель (обладатель лицензии) имеет свое обычное местопребывание (свое обзаведение). «Договоры об авторских правах регулируются согласно применимому к обязательственным отношениям праву..., выбор права всегда следует принимать во внимание. Договоры о коллективном соблюдении авторского права в Лихтенштейне подпадают всегда под лихтенштейнское право» (ст. 47, 38a Закона Лихтенштейна о международном частном праве).

К обязательствам из договора об уступке авторских прав применяется право государства, в котором в момент заключения договора имел место нахождения или место жительства приобретатель этих прав (ст. 27.1.4 Закона Польши о международном частном праве). В отсутствие права, избранного сторонами, «договоры, касающиеся интеллектуальной собственности, регулируются правом государства обычного места пребывания того, кто передает или уступает право на интеллектуальную собственность» (ст. 69 Кодекса международного частного права Туниса).

В доктрине высказывается точка зрения, что любые правоотношения (в том числе и интеллектуальной собственности) должны регулироваться

правом, наиболее тесно с ними связанным [2]. При установлении такого права необходимо учитывать характер отношения с территорией определенного государства и с определенным правовым порядком, то есть осуществить как территориальную, так и правовую локализацию отношения. С этой точки зрения коллизионными «привязками» для права интеллектуальной собственности, можно считать:

1. Право места первого обнаружения произведения или регистрации объекта промышленной собственности.
2. Личный закон правообладателя.
3. Личный закон нарушителя.
4. Право места причинения ущерба.
5. Закон страны суда, если охрана нарушенного права должна иметь место в этом государстве.
6. Автономия воли сторон — для договорных отношений в сфере прав интеллектуальной собственности.

Правоотношения по использованию объектов интеллектуальной собственности зачастую связаны с территориями многих государств. В связи с этим бывает сложно установить, какая из этих связей является «наиболее тесной». В частности, в 1998 г. один из окружных судов США отклонил исковое заявление, так как в деле было необходимо применить нормы авторского права 18 государств (дело *Boosey & Hawkes против Disney*). Суд второй инстанции пересмотрел данное решение, специально подчеркнув, что недопустимо отказывать в иске по причине нежелания суда применять иностранное право [2].

В Российской Федерации произведена кодификация права интеллектуальной собственности — нормы об авторском праве, смежных правах, о патентном праве, праве на товарные знаки, другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации составляют часть четвертую «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» Гражданского кодекса [1]. На территории России действуют исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, установленные международными договорами РФ и российским законодательством (ст. 1231).

Если исключительные интеллектуальные права признаны на основании международного договора, содержание таких прав, их действие, ограничения, порядок осуществления и защиты определяются российским законом независимо от положений законодательства страны возникновения исключительных прав (п. 2 ст. 1231). Если произведение должно охраняться на территории России в соответствии с международным договором, такая охрана распространяется на произведение, которое отвечает одновременно двум условиям:

- произведение либо охраняется в стране своего происхождения, либо отсутствие такой охраны не является следствием истечения срока действия исключительного права на произведение;
- если бы это произведение охранялось в РФ в соответствии с ее законодательством, то срок действия исключительного права в отношении его должен сохранять свою силу.

Страной происхождения для обнародованных произведений признаётся та, где произведение было впервые обнародовано, для необнародованных произведений — страна гражданства автора или страна, где произведение находится в объективной форме (по выбору автора). Автор произведения или иной первоначальный правообладатель определяется по закону государства, на территории которого имел место юридический факт, послуживший основанием для приобретения авторских прав (п. 3 ст. 1256).

В соответствии с п. 1 ст. 1256 действие исключительного права на произведения науки, литературы и искусства на территории Российской Федерации распространяется:

– на произведения, обнародованные на территории РФ или необнародованные, но находящиеся в какой-либо объективной форме на территории РФ, и признаются за авторами независимо от их гражданства;

– на произведения, обнародованные за пределами территории РФ или необнародованные, но находящиеся в какой-либо объективной форме за пределами территории РФ, и признаются за авторами — гражданами России;

– на произведения, обнародованные за пределами территории РФ или необнародованные, но находящиеся в какой-либо объективной форме за пределами территории РФ, и признаются на территории РФ за авторами — гражданами других государств и лицами без гражданства в соответствии с международными договорами РФ.

Таким образом, исключительное право на территории РФ предоставляется тому произведению, которое отвечает хотя бы одному критерию охраны — критерию гражданства или критерию места первого обнародования. Под гражданством автора имеется в виду гражданство, которое автор имеет на момент создания произведения, а если произведение было обнародовано — на момент обнародования произведения. Последующее изменение гражданства не меняет правового статуса произведения [3].

Пока трудно сказать, как будет работать новое отечественное регулирование, но можно с прискорбием констатировать — правила выбора применимого правопорядка в части четвертой ГК РФ отсутствуют. По неизвестной причине сохранился прежний серьёзный пробел: российский законодатель не разработал коллизионных норм, регламентирующих отношения сферы интеллектуальной собственности, связанные с иностранным правопорядком.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая (в ред. Федерального закона от 01.12.2007 г. № 318-ФЗ).
2. *Барановский П.Д.* Международно-правовые проблемы охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
3. *Гаврилов Э.П., Городов О.А., Гришаев С.П.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Ч. 4. — М., 2007.

4. Закон о международном частном праве Украины // Журнал международного частного права. – 2006. – № 1 (51).
5. Международное частное право: Иностранное законодательство / Сост. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. – М., 2001.
6. <http://www.lawinaction.org.ru/?mod=articles&article=1693>

А.В. Глухов

Защита трудовых прав граждан Конституционным Судом Российской Федерации

Развитие законодательства о правах и свободах человека и гражданина привело к существенному возрастанию роли Конституционного Суда РФ в защите трудовых прав граждан. Решения Конституционного Суда РФ призваны гарантировать трудовые права и свободы и их функционирование в соответствии с Конституцией РФ [1]. Они не только развивают содержание того или иного правового института, но и формируют правовое пространство в сфере труда, в котором должны действовать все участники трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношений. Таким образом, роль Конституционного Суда РФ в защите и развитии прав и свобод граждан в сфере труда значительна и их недооценка недопустима.

Представляется, что на практике перед Конституционным Судом РФ стоят две главные задачи: во-первых, защита трудовых прав граждан, во-вторых, содействие воплощению подлинного баланса интересов участников трудовых правоотношений. Роль Конституционного Суда в этой сфере заключается прежде всего в следующем:

– в выявлении конституционной природы трудовых прав граждан, придании им качеств неотчуждаемых, индивидуальных, основных и недопущении их необоснованного ограничения;

– в конституционном толковании норм отдельных институтов трудового права (трудового договора, гарантий и компенсаций, оплаты труда, трудовых споров и т.д.). С помощью конституционного истолкования уточняется нормативное содержание положений Конституции РФ и нормативно-правового акта, регулирующего сферу трудовых отношений, преодолеваются противоречия между несколькими нормами путем поиска равновесия между воплощенными в них конституционными ценностями, выявляются системные связи и зависимости между отдельными нормами трудового права;

– в конституционной корректировке сложившейся законодательной и правоприменительной практики, которая придала неконституционный смысл некоторым нормам трудового права;

– в толковании норм Конституции РФ, с помощью которых обеспечивается конституционная оценка трудового законодательства и одновременно развивается содержание самих конституционных норм, посвященных защите трудовых прав и свобод.

Рассмотренные Конституционным Судом дела о нарушении трудовых прав граждан во многом способствовали решению проблемы приведения трудового законодательства в соответствие с Конституцией РФ, общепризнанными нормами международного права.

В то же время значительное число обращений в Конституционный Суд в связи с нарушением трудовых прав и свобод свидетельствует не только о недостатках в работе органов по разрешению трудовых споров и инспектирующих органов, но и о росте правовой активности российских граждан.

Конституционный Суд формирует правовые позиции по принципиальным направлениям трудовых правоотношений, развития трудового законодательства. В.М. Жуйков справедливо отмечает, что трудно переоценить роль конституционного правосудия в определении нормативного содержания трудовых прав, отдельных институтов трудового права. В связи с этим не вполне понятно умаление роли Суда и сведение ее лишь к косвенной защите прав граждан [11: с. 302].

Действительно, Конституционный Суд не имеет прямых полномочий по проверке на соответствие Конституции РФ практики применения трудового законодательства при разрешении споров о нарушении прав и свобод в сфере труда. Но, все же интерпретация Суда имеет важное практическое, правоприменительное значение.

При рассмотрении дел, связанных с трудовыми правами, Конституционный Суд РФ часто опирается на институты конституционного строя. Речь идет, прежде всего, о принципах демократического правового государства, о принципах справедливости, юридического равенства, гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина. Эти положения, закрепленные в Конституции РФ, обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права [10: с. 72].

Трудовая проблематика весьма заметна в деятельности Конституционного Суда. Конституционный Суд защищает трудовые права российских граждан практически с самого начала своей деятельности. Так Постановлением от 4 февраля 1992 года № 2-П [9] признана неконституционной норма о расторжении трудового договора по инициативе администрации в связи с достижением работником пенсионного возраста, в том числе как противоречащая и ряду международно-правовых актов о правах человека, согласно которым возрастной критерий при прекращении трудовых отношений, не обусловленный родом и особенностями выполняемой работы, носит дискриминационный характер и признается недопустимым [12: с. 246].

Так, среди 3832 вопросов защиты конституционных прав и свобод граждан, поставленных гражданами, их объединениями и государственными орга-

нами в своих обращениях в Конституционный Суд РФ в 2007 году, вопросы охраны трудовых прав составили 249 (около 7%), а в совокупности со смежными вопросами социальной защиты — 2 846 (более 70%) [13].

В настоящее время накопился уникальный и богатый опыт разрешения Конституционным Судом РФ спорных ситуаций при применении норм трудового законодательства. Одно из последних постановлений по вопросам защиты трудовых прав и свобод вынесено 24 мая 2007 года по делу о проверке конституционности абзаца четвертой части двенадцатой статьи 230 Трудового кодекса Российской Федерации по запросу Ухтинского городского суда республики Коми [7].

В Постановлении от 24 мая 2007 года № 7-П изложена важная правовая позиция, согласно которой одно лишь заключение правоохранительных органов о наличии в действиях пострадавшего признаков уголовно наказуемого деяния не предполагает безусловное признание несчастного случая не связанным с производством.

Согласно части 12 ст. 230 Трудового кодекса РФ (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ) [2], несчастный случай, происшедший при совершении пострадавшим проступка, содержащего, по заключению правоохранительных органов, признаки уголовно наказуемого деяния (абзац 4), расследовался и квалифицировался как несчастный случай, не связанный с производством, с оформлением акта произвольной формы.

К началу рассмотрения дела часть двенадцатая статьи 230 Трудового кодекса РФ в редакции, действовавшей до принятия Федерального закона от 30 июня 2006 года № 90-ФЗ [3], утратила силу, а нормативные положения, содержащиеся в части двенадцатой данной статьи, частично воспроизведены в части шестой статьи 229.2 Трудового кодекса РФ. Однако, содержащиеся в ней нормативные положения, подлежали проверке на соответствие Конституции РФ, поскольку ими были нарушены конституционные права и свободы граждан. Региональное отделение Фонда социального страхования РФ по Республике Коми отказало семьям погибших работников в назначении обеспечения по страхованию, предусмотренного Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [4]. Комиссиями по расследованию несчастных случаев смерть работников была квалифицирована как наступившая в результате несчастных случаев, не связанных с производством, что не позволило отнести их к категории страховых.

Регулируя отношения по расследованию, учету и квалификации несчастных случаев, законодатель предусмотрел в абзаце 4 части 12 статьи 230 Трудового кодекса РФ норму, допускающую отказ в предоставлении обеспечения по страхованию лишившимся кормильца членам семьи застрахованного, смерть которого наступила в результате несчастного случая, происшедшего при совершении им проступка, содержащего по заключению правоохранительных органов признаки уголовно наказуемого деяния, признается не связанным с производством.

По смыслу, придаваемому данной норме правоприменительной практикой, такого рода заключение в большинстве случаев означало признание того, что работник, действия которого содержат, по мнению правоохранительных органов, признаки уголовно наказуемого деяния, в момент причинения ущерба своему здоровью или жизни не исполнял свои трудовые обязанности, в силу чего происшедший с ним несчастный случай не признавался связанным с производством комиссиями по расследованию несчастных случаев, государственными инспекторами труда, региональными отделениями Фонда социального страхования РФ и судебными органами.

Конституционный Суд РФ разъяснил, что необходимо учитывать, что, поскольку пострадавшими оказались работники, которые выполняли задание работодателя (управление автомобилем), фактически они исполняли свои трудовые обязанности, даже если управление автомобилем было сопряжено с совершением действий, содержащих, по мнению правоохранительных органов, признаки уголовно наказуемого деяния.

Таким образом, по общему правилу, несчастный случай, приведший к гибели работника — водителя автотранспортного средства, действовавшего по заданию работодателя и тем самым исполнявшего свои трудовые обязанности, не может быть признан не связанным с производством, вследствие чего членам семьи этого работника, подлежавшего обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве, должно быть предоставлено обеспечение по страхованию, выполняющее в данной ситуации функцию социального обеспечения по случаю потери кормильца (статья 39, часть 1, Конституции РФ), если к тому нет иных препятствий.

Как подчеркнул Конституционный Суд в своем Постановлении, осуществляя правовое регулирование отношений по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, законодатель вправе предусматривать определенные отрицательные последствия для лиц, претендующих на обеспечение по страхованию, при наличии умысла на причинение вреда собственному здоровью или жизни. Такая норма содержится в пункте 2 статьи 14 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», которая устанавливает, что не подлежит возмещению вред, возникший вследствие умысла застрахованного. В силу этого Конституционный Суд разъяснил, что, исходя из природы и целей данного вида страхования, законодатель вправе вводить ограничения права на обеспечение по страхованию как для самого застрахованного, так и для иных указанных в законе лиц в том случае, когда причиненный здоровью или жизни застрахованного лица вред стал следствием его умысла, что само по себе не означает нарушение конституционного принципа равенства граждан перед законом и несоразмерное ограничение их прав и свобод.

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что положения части 12 статьи 230 Трудового кодекса РФ направлены на отграничение преступного поведения работника от исполнения им трудовых обязанностей и тем самым на ис-

ключение из содержания трудовой функции его неправомерных действий, выразившихся в совершении уголовно наказуемого деяния. Исходя из этого несчастный случай, происшедший при отсутствии умысла пострадавшего, который исполнял свои трудовые обязанности, должен, по общему правилу, признаваться юридическим фактом, достаточным для предоставления в случае смерти этого лица обеспечения по страхованию лишившимся кормильца членам его семьи.

Абзац 4 части 12 статьи 230 Трудового кодекса РФ, по своему буквальному смыслу, связывает приобретение и реализацию членами семьи застрахованного лица права на социальное обеспечение по случаю потери кормильца с оценкой правоохрнительными органами его поведения как уголовно наказуемого, а не с фактом исполнения им своих трудовых обязанностей и не с наличием или отсутствием у него умысла на причинение вреда своей жизни или здоровью.

Несчастный случай, о котором идет речь в абзаце 4 части 12 статьи 230 Трудового кодекса РФ, признается не связанным с производством вне зависимости от наличия или отсутствия у потерпевшего умысла на причинение вреда своему здоровью или жизни. Поэтому даже при отсутствии такого умысла у работника, совершившего проступок, содержащий по заключению правоохрнительных органов признаки уголовно наказуемого деяния, в случае его смерти право на обеспечение по страхованию членам его семьи, лишившимся кормильца, не предоставляется.

Что касается случаев смерти работника — водителя автотранспортного средства, то правоохрнительные органы, формулируя в соответствующих актах заключение о характере действий пострадавшего, фактически оценивают лишь внешние признаки его поведения (действий или бездействия), поскольку в силу пункта 4 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации установление в предусмотренном законом порядке наличия в этих действиях (бездействии) вины, в том числе в форме умысла, невозможно [5]. Такое заключение, по сути, представляет собой лишь предположение об уголовной наказуемости действий (бездействия) пострадавшего, опирающееся на данные о наличии признаков, относящихся только к объективной стороне данного деяния, которых в соответствии со ст. 8 Уголовного кодекса РФ [6] в любом случае недостаточно для принятия решения о наличии в действиях водителя автотранспортного средства состава преступления в целом как единственно надлежащего основания для вывода об уголовной наказуемости его действий.

В силу этого заключение правоохрнительных органов всегда оставляет неустранимые сомнения в виновности работника в случае его гибели и, следовательно, не может предопределять решение вопросов о признании несчастного случая связанным или не связанным с производством и об отказе в предоставлении обеспечения по страхованию лишившимся кормильца членам его семьи. Такие сомнения могут быть устранены только судом. При отсутствии же судебного акта, которым устанавливались бы все признаки состава преступления в действиях погибшего в результате несчастного случая

водителя автотранспортного средства или его умысел на причинение вреда своей жизни, не устранимые заключением правоохранительных органов сомнения в уголовной наказуемости его действий или в наличии умысла на их совершение, руководствуясь частью 3 ст. 49 Конституции РФ, необходимо толковать в пользу пострадавшего.

Следовательно, одно лишь заключение правоохранительных органов о наличии в действиях пострадавшего признаков уголовно наказуемого деяния не предполагает безусловного признания несчастного случая не связанным с производством. По смыслу же положений ст. 227, части 12 ст. 230 Трудового кодекса РФ, комиссия, наделенная полномочием расследовать несчастный случай и соответствующим образом квалифицировать его, обязана основывать свое решение на полном и всестороннем выяснении всех фактических обстоятельств и исследовании всех необходимых материалов.

Исходя из вышеназванных позиций, Конституционный Суд РФ сделал вывод о том, что абзац 4 части 12 ст. 230 Трудового кодекса РФ не препятствует признанию связанным с производством несчастного случая, происшедшего при совершении застрахованным работником — водителем автотранспортного средства в ходе выполнения трудовых обязанностей проступка, содержащего по заключению правоохранительных органов признаки уголовно наказуемого деяния, и, следовательно, не предполагает отказ — без принятия о том судебного решения с учетом всех обстоятельств дела — в предоставлении обеспечения по страхованию лишившимся кормильца членам семьи этого работника.

После вступления в силу Федерального закона от 30 июня 2006 года [3] похожая норма содержится в новой 229.3 статье Трудового кодекса РФ. В соответствии с ней, в ряду указанных в статье 229.3 несчастных случаев, расследуются в установленном порядке и по решению комиссии в зависимости от конкретных обстоятельств могут квалифицироваться как несчастные случаи, не связанные с производством, в том числе несчастный случай, происшедший при совершении пострадавшим действий (бездействия), квалифицированных правоохранительными органами как уголовно наказуемое деяние. При этом законодатель не указал, в зависимости от каких обстоятельств комиссия по расследованию несчастного случая или государственный инспектор труда могут квалифицировать такой случай как не связанный с производством, вследствие чего работник и члены его семьи лишаются права на обеспечение по социальному страхованию.

Представляется, что в практике применения данной нормы необходимо руководствоваться разъяснением Конституционного Суда РФ, сформулированным в Постановлении от 24 мая 2007 года, согласно которому одно лишь заключение правоохранительных органов о наличии в действиях пострадавшего уголовно наказуемого деяния не предполагает безусловное признание несчастного случая не связанным с производством, а для признания его таковым необходимо еще и установить, путем принятия судебного решения, наличие умысла работника на причинение вреда собственному здоровью или жизни.

Исходя из приведенных выше правовых аргументов и позиций Конституционного Суда, считаю необходимым абзац 4 части 6 ст. 229.2 Трудового кодекса РФ сформулировать более определенно, что исключало бы возможности его неоднозначного толкования и применения: «несчастный случай, происшедший при совершении пострадавшим умышленных действий (бездействий), установленных приговором суда», так как только суд может признать работника виновным в совершении уголовно наказуемого деяния.

Конституционный Суд в Постановлении от 29 января 2004 года № 2-П указывал, что правовые нормы, которые будут положены в основу правоприменительных решений, включая судебные, должны быть точными и конкретными с тем, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты [8]. Это, вне всякого сомнения, относится и к нормам трудового права.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 25 декабря 1993 г.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 3.
3. Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 27. – Ст. 2878.
4. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (в ред. от 22 апреля 2003 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3803.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
6. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2007 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца четвертого части двенадцатой статьи 230 Трудового кодекса Российской Федерации по запросу Ухтинского городского суда Республики Коми» // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 23. – Ст. 2829.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2004 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в свя-

зи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан» // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 6. – Ст. 450.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1992 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1992. – № 13. – Ст. 669.
10. *Долматова М.Б.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в решениях по вопросам избирательного права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2005.
11. *Жуйков В.М.* Судебная защита прав граждан и юридических лиц. – М., 1997.
12. *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. – М., 2003.
13. <http://www.ksrf.ru/contact/review.htm>

С.А. Афанасьева

Классификация политических прав и свобод человека и гражданина

Все политические права делятся на права и свободы. К политическим правам следует отнести право на информацию, право граждан на участие в управлении делами государства, избирательные права, право вносить в государственные органы предложения, заявления, жалобы и обращения, право на равный доступ граждан к государственной службе, право на объединение. К политическим свободам — свободу мысли и слова, свободу собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования.

В зависимости от форм, способов реализации политические права и свободы можно разделить на две группы. Права, реализуемые непосредственно (путем прямого волеизъявления гражданина) — право избирать на выборах и на референдуме; право быть избранным в органы государственной власти; право на обращения; право на информацию; свобода мысли и слова; право на объединение; свобода собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования. Права, реализуемые через представителей (действующих от имени гражданина и принимающих решения, выражающие его волю) — право на участие в управлении делами государства через выборных должностных лиц.

В зависимости от количества субъектов, реализующих политические права и свободы, они подразделяются на три группы: права, которые могут быть реализованы только коллективно; права, реализующиеся индивидуально; права, которые могут быть реализованы как коллективно, так и индивидуально. К первой группе, коллективным политическим правам и свободам, следует отнести право на объединение; свободу собраний, митингов, демонстраций; активное избирательное право. Ко второй группе, индивидуальным политическим правам, относятся пассивное избирательное право; право вносить в государственные органы предложения, заявления, жалобы и обращения; право на равный доступ граждан к государственной службе. Третью группу составляют те политические права, которые могут быть реализованы как коллективно, так и индивидуально, это свобода мысли и слова; право на информацию.

Среди политических прав и свобод человека и гражданина, на наш взгляд, особое место занимают свобода мысли и слова. Свобода мысли и слова способствуют свободному выражению человеком своих политических взглядов и убеждений. Свобода слова как одна из фундаментальных политических свобод предполагает выражение своих мнений публично по проблемам общественного характера в любой форме, в печати, по телевидению и т.д., может выражаться в пропаганде и агитации, давая возможность человеку целенаправленно проповедовать свои взгляды, в том числе и политические.

Свобода мысли и слова неотделима от права искать, получать, производить, передавать, распространять информацию любым законным способом. Так, следствием и развитием свободы слова является право на информацию.

Право на информацию позволяет гражданам быть информированными о событиях жизни общества, законодательно обеспечивает получение ими информации о деятельности органов власти, о принятых ими решениях. Демократическое общество невозможно, если не гарантированы свобода доступа граждан к политической, правовой и иным видам информации. Средства массовой информации нередко называют «четвертой ветвью власти», они формируют общественное мнение и осуществляют политическое просвещение населения.

В системе политических прав и свобод граждан одним из основополагающих является право граждан на участие в управлении делами государства. По мнению многих исследователей, данное право выступает как основное стержневое политическое право. Оно юридически обеспечивает реализацию народовластия, включение граждан в сферу принятия и осуществления государственных решений [3]. Невозможно представить современное демократическое государство, где бы граждане не принимали участия в управлении государственными делами.

Однозначного подхода к содержанию права граждан на участие в управлении делами государства не существует. На наш взгляд, анализируя данное право, представляется более правильным исходить из того, что участие в управлении делами государства подразумевает, прежде всего, возможность граждан участвовать в формировании государственной власти.

Можно полагать, что право граждан на участие в управлении делами государства реализуется посредством следующих видов прав: во-первых, это избирательные права граждан; во-вторых, это право на равный доступ к государственной службе, в-третьих, право на обращения.

Политические права и свободы граждан тесно связаны с их правом на свободное создание союзов и ассоциаций. Для осуществления своей власти в государстве, выражения и представления коллективных интересов, граждане могут использовать предусмотренное законодательством право на объединение и совместные действия для реализации и защиты своих политических интересов.

Общественные начала заложены в самой сущности человека, и потому совместная деятельность не ограничивает свободу человека, а в определен-

ных случаях именно через совместную деятельность человек реализует свою личную свободу, свои отдельные права и законные интересы.

Предложенная система политических прав и свобод является относительной, так как входит в другую систему, более высокого порядка, которая в свою очередь, включает элементы систем более низкого уровня [2]. Следовательно, политические права и свободы нужно рассматривать как элемент системы основных прав и обязанностей, а эту последнюю — как часть более широкой системы субъективных прав и юридических обязанностей человека. Вместе с тем, политические права и свободы граждан имеют свойства относительно самостоятельной системы, которая состоит из отдельных прав, каждое из которых является ядром комплексного правового института [1].

Классификация политических прав и свобод человека и гражданина должна производиться в зависимости от специфики взаимоотношений между гражданином, обществом и государством, в зависимости от способов их реализации. Необходимо также учитывать роль человека и гражданина как непосредственного участника всех политических процессов, происходящих в обществе.

Литература

1. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / Под ред. Ф.М. Рудинского. – Волгоград, 2004.
2. *Садовский В.Н.* Системы и структуры как специфические предметы современного научного знания // Проблемы исследования систем и структур. – М., 1965.
3. *Старостина И.А.* Всенародные обсуждения: правовые возможности и практика // Вестник Московского университета. – Сер. 11. Право. – 1998. – № 1. – С. 47.

В.В. Вышкварцев

«Право человека» в оценках правовых школ дореволюционной России

Права и свободы человека остаются предметом дискуссий учёных и юристов многих поколений в силу существования различных правовых школ и невозможности консолидации их воззрений в единую универсальную концепцию.

Естественное право рассматривается как неотъемлемое, существующее в силу самой природы и вписываемое ею же в людской разум. Н.А. Бердяев отмечал, что оно отражало божественность нашей природы [1: с. 180, 185]. Этимологически слово «природа» свидетельствует о том, что сущее находится при Роде, иными словами, под Богом. Следовательно, «природное» и «божественное» — суть тождественные термины в понятии естественного права. По словам Л.А. Тихомирова, на личность Богом возложена своего рода «миссия, направленная на реализацию потенциально данных ей нравственно-разумных свойств, и если личность покидает поле этики и разума, то права её упраздняются» [16: с. 610]. Как нам думается, речь шла о противоправном поведении человека, вследствие чего нарушитель должен нести наказание, что в свою очередь, влечёт за собой лишение некоторых прав. Так же могло говориться о правосознании, в отсутствие чего человек относится безразлично к своим правам, не использует, не осознаёт их суть, предназначение. В первом случае, лицо может быть ограничено в одном комплексе прав, сохраняя при этом другой. Во втором случае вероятно выражается сомнение в целесообразности наделения человека правами в отсутствие правовой культуры, правового воспитания и правосознания. Естественными правами, как писал Ж.Ж. Руссо, должен пользоваться каждый без каких бы то ни было исключений [13: с. 137]. Естественное право предполагает и частичный или полный добровольный отказ от пользования правами. Например, лицо ограничивает себя в питании. В данном случае нельзя сказать, что оно выходит из неких «разумных рамок», отмеченных Л.А. Тихомировым, поскольку, во-первых, делает это сознательно и добровольно, а не под воздействием внешних факторов, а во-вторых, ограничивает себя в использовании одного естественного права, сохраняя при этом спектр других.

Если понимать естественные права под иным углом зрения, можно сделать вывод о том, что человек имеет в некоторой степени право вторгаться в границы прав другого лица, ограничивать, лишать его правомочий. Например, естественное право на питание может реализовываться путём захвата нуждающимся у имущего каких-либо продуктов питания.

Как мы отметили, природа вкладывает в человеческий разум комплекс принадлежащих ему прав. Но то, какими методами и способами естественные права будут осуществляться, какими средствами будут достигнуты полученные результаты, остаётся на усмотрение их носителя — человека. Совершенно неслучайно в Своде основных государственных законов Российской Империи 1906 года мы не найдём юридического закрепления естественных прав. Однако косвенно Свод гарантировал естественное «право на жизнь» в следующей формулировке: «Никто не может быть ... наказан иначе, как за преступные деяния...» [14: с. 5]. Поскольку высшей мерой наказания за преступления в уголовном законодательстве Российской Империи являлась смертная казнь, (то есть, по сути дела, лишение жизни), естественно-правовая формулировка звучала бы следующими образом: «Никто не может быть лишён жизни иначе, как за преступные деяния..., определённые в соответствии с законом».

Безусловно, естественные права человека неотчуждаемы, однако их реализация требует юридического закрепления в нормативно-правовых актах. Например, чтобы реализовать своё право на жизнь, человеку необходимы место и территория для проживания. Из этого следует юридическое закрепление права человека на жилище и свободу передвижения, дающую возможность поиска и выбора своего места пребывания или места жительства. Для реализации естественного права на здоровье, необходимы и благоприятная окружающая среда, и возможность обеспечения человека лекарствами и медикаментами. Право на социальное и экономическое развитие имело возможность получить своё последующее нормативное закрепление в виде права на труд, на образование, свободу объединений в товарищества, в кооперативы и т.д.

Естественное право не столько зависимо от позитивного права, сколько находит в нём своё логическое продолжение. Позитивистская школа дореволюционного периода, напротив, признавала доминирование закона в правовой системе. Г.Ф. Шершеневич называл право функцией государства [18: с. 214]. Несомненно, в глубокой древности государство рассматривалось, как крепость, убежище от вражеских племён, люди видели в нём защиту. Дореволюционные авторы (В.М. Гессен, Б.Н. Чичерин и Н.А. Бердяев) [2: с. 5; 17: с. 10; 1: с. 180] в качестве одного из элементов государства называли народ. Вместе с тем учёные в этот период под государством понимали «союз» людей, объединённых общей идеей и целями. Таким образом, видение государства сводилось к форме самоорганизации общества. Приверженцы позитивистской теории справедливо считали, что государство, создавая нормы права, обязано их соблюдать, и эта обязанность диктуется элементарным благоразумием и осознанным интересом власти. Но стоит представить себе обратную ситуацию, когда, действуя вопреки законным правам и интересам общества, государство издаёт нормативные акты, направленные на беспрекословное их исполнение людьми. На ум приходит *Gesetz zur Erhebung der Not von Volk und Reich* (Закон о защите народа и рейха) 24 марта 1933 года, а также иные Чрезвычайные законы, принятые в последние дни существования Веймарской Республики и фактически отменившие действие Конституции 1919 года.

В дореволюционной России, например, Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 года был установлен запрет общественных и даже частных собраний. Распоряжения «о закрытии торговых и промышленных заведений, и воспрещение отдельным личностям пребывание в местностях, объявленных в положении усиленной охраны» [11: с. 264–265], вообще ставили под сомнение право человека на самоопределение, свободу передвижения и выбор места пребывания или жительства, на собрания, шествия, митинги, объединения и союзы. В зарубежной научной литературе данное Положение условно даже называлось «настоящей конституцией» и наиболее важным законодательным актом в истории императорской России в период между отменой крепостного права в 1861 году и Манифестом 17 октября 1905 года. В качестве одного из обоснований такого вывода американский ученый Р. Пайпс сделал ссылку на мемуары главы Департамента полиции в 1902–1905 гг. А.А. Лопухина, который полагал, что указанное Положение «поставило всё население России в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции» [10: с. 410], то есть, вне связи с какими-либо объективными критериями и интересами государственной безопасности. Поэтому отмеченная выше мысль Г.Ф. Шершеневича об обязанности государства соблюдать нормы права казалась идеалистической, а позиция Н.М. Коркунова о принуждении государства, которое дисциплинируется правом, с помощью этических принципов служащих не грубому насилию, «а высшим нравственным ценностям» [5: с. 89] — этатистской. Вполне верно суждение, что в государстве право находит все условия для действительного осуществления. Это подтверждает роль государства как правореализующего инструмента, в противовес образу гоббсовского «Левиафана». Эту мысль продолжил В.С. Соловьёв, подчеркнув, что государство есть воплощённое право [15: с. 14]. В известной степени указанная позиция правильна. Однако, в силу того, что государство воплощается в праве и санкционируется им, оно в свою очередь утверждается собственным, «государственным», «статутным» правом. И если государство выходит за рамки правового поля и нарушает права и свободы человека или общества, оно должно нести установленную в законодательном порядке ответственность.

На наш взгляд, недостаток позитивистской теории заключается в том, что, разрушение государства означает исчезновение закона; положительное право впадёт в «летаргический сон» и останется аморфным до тех пор, пока общество не самоорганизуется в государство, или в иную форму. Естественное же право не исчезает. Оно будет существовать в человеческом разуме и активно использоваться людьми. Но перед ними рано или поздно возникнет проблема: как реализовать свои естественные права. Например, достаточно ли реализовать своё право на сон, просто уснув? Вполне возможно, но при условии соблюдения режима тишины, необходимого человеку для отдыха, поэтому время, в течение которого обеспечиваются тишина и покой граждан, может определяться и устанавливаться законом. Отсюда следует диалектическое взаимодействие естественного и позитивного права.

Позитивистская школа характеризовала право через две его составляющие: объективное, выражающееся в нормах права, и субъективное (правоотношение между индивидом и государством, государством и обществом, обществом и индивидом). Именно последнее, по мнению С.А. Муромцева, «должно быть положено в основу понятия права» [9: с. 5]. Таким образом, субъективное право послужило фундаментом для развития так называемой социологической школы права. Она была уникальна тем, что впервые предприняла попытку объединить концептуальные идеи обеих школ — естественно-правовой и позитивистской. Однако в процессе становления социологической теории права представлялось, что она будет отличной от других правовых школ, станет «идеей свободного права» [8: с. 80]. Нужно смотреть на то право, которое живёт в народе и выражается в его поведении, в его поступках, в его сделках, а не на то право, которое установлено в параграфах кодексов. В продолжение этой мысли Б.А. Кистяковский заметил, что «писаное право состоит из общих, абстрактных, безличных и схематических постановлений; напротив, в жизни всё единично, конкретно, индивидуально. При том, что жизнь так богата, многостороння, разнообразна, и не может целиком подчиниться контролю закона и органов, наблюдающих за его исполнением» [4: с. 10]. Учёный пытался указать на существование «народного, общественного права», то есть права, которое образуется в процессе правоотношений индивида с государством и членами общества. С одной стороны, прослеживается попытка обособления «народного права» «от гипноза положительного права» [8: с. 87]. С другой — не говорилось ни слова о естественном праве. В.Н. Лешков, отмечал, что «свободное самоопределение» народа порождает «общественное право», предшествующее «праву правительства» и «праву государства» [7: № 5–6, с. 83–84]. А что может предшествовать «праву правительства и государства», как не естественное право? На этот вопрос очень точно ответил П.И. Новгородцев, подчеркнув, в частности, априорный характер права, в соответствии с которым государственный «юридический закон является лишь частным следствием... нравственного закона разума [12: с. 136]. И вновь стоит подчеркнуть, что право личности на свободное развитие — классический пример естественного права, которое находит конкретизацию и закрепление в виде правовых (позитивных) норм. Представляется, что народное право — это комплекс «естественных прав», которыми наделяется индивид не с момента его рождения (зачатия), а в процессе его правоотношений, «зафиксированное» как естественное право, в его разуме, или/и закреплённое в «народных законах». Государство сводится к «регистратору народных убеждений о праве, вырастающих из самой жизни» [6: с. 52]. Роль государства при этом нельзя недооценивать вследствие того, что оно выполняет главенствующую функцию защиты прав индивида, а также имеет статус субъекта правоотношений. За защитой своего нарушенного права мы обращаемся в суд; за пресечением противоправного деяния — в органы обеспечения правопорядка; подавление внутренних вооружённых конфликтов (мятежей, террористических актов, локальных войн), проявлений внешней агрессии, угрожающих, либо создающих угрозу нарушения государственного суверенитета, осуществляет армия. При отсутствии вышеуказанных элементов государства народ не сможет защи-

титель от внутреннего либо внешнего посягательства своё право. И в этом заключается существенная ошибка В.Н. Лешкова, который недооценивал роль государства, в том числе, как субъекта правоотношений. Справедливо, по нашему мнению, утверждение Р. Иеринга о том, что «если бы государство было подвержено резкому влиянию большинства, то оно было бы обречено на постоянное колебание и шатание, следовательно, не было стабильным и крепким, а это негативный фактор для общества» [3: с. 283].

Таким образом, право человека в теориях русских учёных — представителях различных правовых школ представлялось, как социальное явление, естественная возможность в рамках закона совершать определённые действия, соразмерно своим внутренним убеждениям, способности осознавать существо своих действий и руководствоваться ими в правоотношениях.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. — М., 1993.
2. *Гессен В.М.* Теория правового государства. — М., 1913.
3. *Иеринг Р.* Цель в праве. Т. I. — СПб., 1881.
4. *Кистяковский Б.А.* Право как социальное явление. — М., 1911.
5. *Коркунов Н.М.* История философии права. — М., 1915.
6. *Лешков В.Н.* История общественного права. — М., 1858.
7. *Лешков В.Н.* О Законах благоустройства и благочиния, или что такое полиция // Москвитянин. Ч. III. — № 5–6. — М., 1843. — С. 83–84.
8. *Липень С.В.* Идеи «свободного права» в юридической науке дореволюционной России: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1994.
9. *Муромцев С.А.* Из лекций по русскому гражданскому праву. — СПб., 1899.
10. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. — М., 1993.
11. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14.08.1881 года // Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. — М., 2000. — С. 264–265.
12. *Поляков А.В.* Возрождённое естественное право в России. Критический анализ основных концепций: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Л., 1987. — С. 136.
13. *Руссо Ж.Ж.* Трактаты. — М., 1969.
14. Свод основных государственных законов Российской империи. Т. I. Ч. I. — СПб., 1906.
15. *Соловьёв В.С.* Значение государства // Вестник Европы. — 1895. — № 12. — С. 20–25.
16. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. — СПб., 1992.
17. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. — М., 1866.
18. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. — М., 1911.

Ю.В. Куракина

Понятия «права человека» и «права гражданина»: исторические аспекты соотношения

Соотношение понятий «права человека» и «права гражданина» всегда вызывало в научной среде полемику. С возникновением государства личность стала обладать набором прав, которые включают в себя не только естественные и неотчуждаемые блага, но и блага дарованные государством. С исторической точки зрения представляет интерес развитие понятий «права человека» и «права гражданина», так как современное понимание этих категорий расходится с их значением на разных исторических этапах. Более того, исторический анализ терминов даёт возможность предположить, что понятие «права гражданина» было осознано человечеством гораздо раньше, чем понятие «права человека».

Одно из первых ярких упоминаний о правах гражданина мы находим в античности.

В древней Греции и Риме сложилось общество, не похожее на общества других стран древности. Древние греки называли его словом полис и тех, кто не имел такого полиса, они считали варварами.

Важнейшую, определяющую все стороны общественной жизни черту античной государственности составлял ее общинный характер. Сравнительно небольшие размеры первоначальных античных городов, возникших для охраны от соседей собственных земельных угодий, определяли ценность для общества каждого его члена. Поэтому существовала целая система взаимных прав и обязанностей между обществом и личностью. Важнейшими из этих взаимосвязанных прав-обязанностей были а) право на земельную собственность, б) участие в защите родных рубежей и в) участие в политической жизни, то есть в управлении обществом. Человек, обладавший этими правами, считался гражданином. Как и полис, античный гражданин был един в трех лицах: собственник, воин и обладатель политических прав (политика от слова «полис»). Права гражданина были и его обязанностями, пренебрежение ими могло повлечь за собой лишение гражданства или другое наказание, связанное с поражением в правах. Гражданский статус — одно из высочайших достижений античной цивилизации, повторенное лишь западноевропейским обществом нового времени. В других обществах древности и средневековья степень приобщения населения к собственности, военному делу и управлению была обусловлена жестко фиксированным сословным статусом или приобщенностью к государственному аппарату. Поэтому там единство общества

отступало перед сословно-классовым делением. В античном гражданском коллективе само общество выступало в роли аппарата управления, сословное деление было лишь намечено, а равенство членов гражданской общины (то есть их единство), наоборот, подчеркивалось правом и общественной психологией. Небольшие размеры полисов позволяли сделать соблюдение прав и обязанностей внутри гражданского коллектива достаточно эффективным. Сословно-классовое деление было, как бы, выведено за пределы гражданского общества [6: с. 12].

Римское гражданство стало привилегией, и с точки зрения правового статуса оно имело большое значение. Обладавший статусом «гражданин Рима» («*Civis romanus sum*») невольно вызывал к себе уважение и всегда мог рассчитывать на поддержку со стороны местных властей. Классической иллюстрацией того, какое значение имел этот правовой статус, может служить решение одного из судов в отношении двух преступников — Павла и Петра, приговоренных к смертной казни. Павел был римским гражданином и согласно законам Рима был убит мечом, а Петр, не обладавший этим статусом, был распят на кресте [1: с. 46].

Прямое упоминание о привилегированном положении римских граждан мы находим и в Деяниях святых апостолов: «...Когда же настал день, воеводы послали городских служителей сказать: отпусти тех людей. Темничный страж объявил о сем Павлу: воеводы прислали отпустить вас; итак, выйдите теперь и идите с миром.

Но Павел сказал к ним: нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? Нет, пусть придут и сами выведут нас.

Городские служители пересказали эти слова воеводам, и те испугались, услышав, что это Римские граждане. И, придя, извинились перед ними и, выведя, просили удалиться из города» [4; 16: с. 35–39].

Развивая и конкретизируя учение Платона, Аристотель в «Политике» ставит вопрос о статусе гражданина. Кого следует называть гражданином? На честь в государстве притязают прежде всего лица благородного происхождения, богатые, свободнорожденные и платящие налоги.

Гражданином по преимуществу является тот, кто обладает совокупностью гражданских прав. Например, афинские граждане пользовались следующими почетными правами: правом занимать должности, быть судьями; принимать участие в выборах должностных лиц; правом вступать в брак с афинянками; правом владения недвижимой собственностью; правом совершать общественные жертвоприношения. В Афинах не пользовались всей совокупностью прав принятые в число граждан в силу определенного законодательного акта, т.е. так называемые пожалованные граждане.

Исполнение обязанностей — показатель полноправного гражданства. В некоторых государствах полноправными гражданами считались и те, кто служит в данное время в войске, и те, кто уже отслужил свой срок, а должностными лицами избирали только состоявших на действительной военной службе.

Из отмеченного выше ясно, что не всякий хороший человек являлся гражданином, но «гражданин только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или вместе с другими» [2: с. 74].

Как видно из приведённых примеров, права гражданина на данном историческом этапе считались привилегией, так как они действовали в отношении только чётко определённой группы лиц. Но и сейчас не каждый человек обладает правами гражданина, ведь множество людей мира вообще не имеют государственно-правового статуса, а, следовательно, не могут пользоваться покровительством такой сильной организации, каковой является в настоящее время государство [3: с. 87].

Принципы, лежащие в основе идеи прав человека можно найти, как в древнегреческой философии, так и в различных мировых религиях. Однако только в XVIII веке сформировалась концепция прав человека в современном ее понимании: человек от природы наделен некоторыми неотъемлемыми правами, которые не должны нарушаться государством; соблюдение прав человека является необходимой предпосылкой достойного человеческого существования.

Среди первых исторических документов, кодифицировавших права человека, необходимо отметить английские Великую хартию вольностей 1215 года и «Билль о правах» 1689 года. Эти документы гарантировали права, которые могут быть поставлены под угрозу в определенных обстоятельствах (например, угроза свободе вероисповедания), но не содержали всеобъемлющей концепции прав и свобод индивида. В то время свободы рассматривались как права, которыми индивиды или группы наделены в силу своего социального статуса или положения.

В последующие столетия концепция свобод индивида отделилась от его социального статуса и стала рассматриваться не как привилегия, но как право, присущее всем человеческим существам. Выдающуюся роль в этом процессе сыграли испанские теологи и правоведы. Среди них необходимо отметить Франсиско де Витория (1486–1546) и Бартоломео де Лас Касаса (1474–1566), которые разработали доктрину о необходимости признания прав населения земель, открываемых и колонизируемых Испанией. Другой выдающийся испанский юрист, Васкес де Мончоа, обосновывал теорию естественных (т.е. укорененных в самой природе человека и мироздания) прав (*ius naturalism*).

Век Просвещения стал свидетелем дальнейшего развития идеи прав человека. Идеи Гуго Гроция (1583–1645), «отца» современного международного права, Самуэля фон Пуфендорфа (1632–1694) и Джона Локка (1632–1704), разработавших всеобъемлющую концепцию естественного права, вызвали большой интерес в тогдашней Европе.

Жан-Жак Руссо (1712–1778) выдвинул тезис, согласно которому монарх (правитель) получает власть в результате «общественного договора» со своими подданными. Шарль Монтескье разработал принцип разделения властей. Термин «права человека» (*droits de l'homme*) впервые появился во француз-

ской Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Французская декларация утверждала, что все «беды» страны и «продажность» правительств проистекали из пренебрежения «неотъемлемыми» естественными правами граждан. Поэтому новая конституция не может не учитывать эти права. Перечень прав служил фундаментом позитивных законов, основанных на принципах общественного плюрализма. Именно поэтому Декларация провозглашала не только права человека, но и права гражданина [7: с. 2].

Вышеперечисленные теории послужили руководством к действию для населения британских колоний в Северной Америке. Американская Декларация независимости, принятая 4 июля 1776 года, основывалась на том, что все люди равны и содержала ссылки на такие неотъемлемые права, как право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Эти же идеи отражены в «Билле о правах», принятом штатом Вирджиния в том же году.

В дальнейшем положения Декларации независимости были приняты остальными американскими штатами, а также включены в «Билль о правах», дополнивший в 1791 году Конституцию США 1787 года. Международная теория прав человека получила свое развитие и во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Обе декларации — американская и французская — были задуманы как систематическое перечисление универсальных прав человека.

Таким образом, классические права XVIII–XIX веков относились к свободе индивида.

Однако уже в то время получила свое развитие идея о том, что граждане имеют право ожидать от своего государства улучшения условий жизни. В некоторых европейских конституциях XIX века содержались не только положения о классических правах человека, но и статьи, возлагавшие на государство ответственность в сфере занятости, социального обеспечения, общественного здравоохранения и образования.

Социальные права были гарантированы в конституциях Мексики 1917 года, РСФСР 1918 года и Германии 1919 года.

В XIX веке Европа стала свидетелем конфликтов, связанных с защитой прав меньшинств. Эти конфликты привели к выработке международных гарантий в этой области. Например, Берлинский договор 1878 года обуславливал международное признание освободившихся от Османской империи балканских государств (Сербии, Черногории, Болгарии и Румынии) соблюдением прав религиозных меньшинств (мусульман и евреев) в этих государствах.

Необходимость выработки международных стандартов в области прав человека впервые была осознана в конце XIX века. В это время промышленно развитые страны начали принимать трудовое законодательство, которое подняло уровень оплаты и, следовательно, стоимость наемного труда. В связи с этим промышленно развитые страны оказались в экономически проигрышном положении по отношению к странам, не имеющим законов о труде. В результате консультаций появились первые конвенции, в которых государства брали обязательства друг перед другом в отношении своих граждан. Бернская

конвенция 1906 года о запрещении ночного труда женщин стала первым международным договором в области социальных прав. Значительное количество конвенций в области труда было разработано Международной организацией труда, созданной в 1919 году. Таким образом, социальные права нашли свое отражение в международном праве значительно раньше классических прав. Преступления против человечности, совершенные во время Второй мировой войны, показали несостоятельность традиционной точки зрения о том, что обращение государств со своими гражданами является исключительно внутренним делом государств. Подписание Устава ООН 26 июня 1945 года сделало права человека неотъемлемой частью международного права. Согласно Уставу, государства — члены ООН обязались принимать совместные меры, направленные на поощрение и защиту прав человека во всем мире. 10 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея приняла и провозгласила Всеобщую декларацию прав человека «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства». Принятие Всеобщей декларации прав человека послужило толчком к дальнейшей разработке международных стандартов в области прав человека и созданию механизмов международного контроля. За последние пятьдесят лет только под эгидой ООН было заключено свыше 60 соглашений по правам человека. На Европейском континенте исключительно важная роль в поощрении и защите прав человека принадлежит Совету Европы и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе [5: с. 6–7].

Исторический анализ значений понятий «права человека» и «права гражданина» позволяет сделать несколько следующих выводов:

- гражданский статус — одно из высочайших достижений античной цивилизации, повторенной лишь западно-европейским обществом Нового времени;
- именно права гражданина первыми получили общественное признание в античном мире, а также нашли свое выражение и закрепление в позитивном праве;
- в начале своего существования права гражданина считались привилегией лица, находившегося в политико-правовой связи с государством;
- первые исторические документы, кодифицировавшие права человека не содержали всеобъемлющей концепции прав и свобод индивида, а рассматривали свободы как права, которыми индивиды или группы наделены в силу своего социального положения;
- в основе идеи прав человека лежат принципы, существовавшие как в древнегреческой философии, так и в различных мировых религиях, но только в XVIII веке сформировалась концепция прав человека в современном её понимании;
- термин «права человека» впервые появился во французской Декларации 1789 года, при этом, исходя из принципов общественного плюрализма, были провозглашены не только права человека, но и права гражданина;
- первые декларации являлись систематическим перечислением универсальных прав человека, следовательно, классические права XVIII–XIX веков относились к свободе индивида;

– развитие мировой промышленности в конце XIX века послужило причиной закрепления в международных документах в первую очередь социальных прав;

– и только преступления против человечества, совершённые во время Второй мировой войны, заставляют мировое сообщество пересмотреть своё отношение к проблеме прав человека, до этого времени признаваемой только внутренним делом государства.

Литература

1. *Аннерс Э.* История европейского права. – М., 1994.
2. *Аристотель.* Политика. Сочинения: В 4-х тт. – Т. 4. – М., 1983.
3. *Глухарева Л.И.* Права человека. Гуманитарный курс. – М., 2002.
4. Деяния св. апостолов (16:35-39; 22:24-29) // <http://deyania.ru>
5. *Исмаилов Б.И.* Международные стандарты прав человека для органов по поддержанию правопорядка. – Ташкент, 2006.
6. *Контев А.В.* Античное гражданское общество // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации: Сборник статей / Под ред. Ю.К. Некрасова. – Вологда, 1997.
7. *Хеллер Агнес.* Свобода как высшая идея. – <http://www.hrighs.ru/text/b2/Capter4.htm>

С.С. Савва

Понятие и конституционное закрепление светского государства в РФ

Светскость государства является важнейшей характеристикой современного демократического правового государства, которое признаёт, гарантирует и защищает права и свободы человека и гражданина.

Словарные определения [6, 8] толкуют «светскость» как таковую в двух значениях:

- 1) как признак какого-либо социального явления или общественного института, отражающий его не церковный, не духовный, но гражданский характер;
- 2) как качество элитарной принадлежности; определённая модель поведения, отвечающая требованиям света, правилам этикета.

Дальнейшее исследование принципа светского государства будет основываться на толковании понятия «светскость» в первом значении.

Большинство авторов в учебной, монографической и иной литературе исследуют понятие светского государства с точки зрения взаимоотношений государства и религиозных объединений (церкви), отношения государства к религии [3: с. 340; 1: с. 362; 5: с. 25].

Следовательно, при такой постановке вопроса главным существенным признаком светского государства является признак отделения религиозных объединений от государства, характеризующийся, прежде всего, невмешательством в дела друг друга. Так, Р. Балодис выделяет пять условий, определяющих суть принципа отделения церкви в конкретном государстве:

- государство и его учреждения не контролируют отношение своих граждан к религии и не учитывают религиозную принадлежность конкретных граждан;
- государство не вмешивается во внутреннюю деятельность церкви (религиозных организаций), если не нарушаются рамки закона;
- государство не оказывает материальной, в том числе финансовой, поддержки церкви;
- церковь не выполняет по заданию государства ни одной юридической функции (в том числе и регистрации брака);
- церковь не вмешивается в государственные дела, а занимается только теми вопросами, которые касаются её деятельности [2: с. 15].

Аналогичные признаки отделения религиозных объединений от государства называют Ю.В. Тихонравов [11: с. 90–91] и Р.А. Подопригора [9: с. 103–104].

Действительно, без отделения церкви (религиозных объединений) от государства невозможно (и история это подтверждает) становление ни одного светского

государства, следовательно, светское государство всегда является секулярным (не религиозным). При этом секулярное государство не всегда является светским. Оно вполне может быть антирелигиозным или атеистическим. В идеале светское государство равноудалено и от религии, и от атеизма, и от какого-либо другого мировоззрения. Оно позволяет им мирно сосуществовать, сохраняя право мировоззренческого выбора за человеком [7: с. 70–73].

Конституция РФ 1993 г. провозглашает Россию светским государством. С этим признаком российского государства тесно связаны и другие положения, составляющие основы конституционного строя: правовое государство, демократизм, идеологическое и политическое многообразие и др.

Конституционная модель светского государства в России базируется на следующих принципах правового положения личности в РФ. Во-первых, признание человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2). Во-вторых, в ст. 19 закрепляется, что все равны перед законом и судом, и дискриминация недопустима. Наконец, в-третьих, Конституция РФ гарантирует каждому человеку свободу совести, свободу вероисповедания (ст. 28). Системное рассмотрение названных принципов ставит перед нами очевидный вопрос. Каким должно быть российское государство, чтобы гарантировать каждому человеку в равной мере право на свободу совести, не дискриминируя его по сравнению с другими?

Необходимая характеристика российского государства заключается в ст. 14 Конституции, закрепляющей светскость российского государства. То есть светское государство по смыслу Конституции РФ есть государство, обеспечивающее свободу мировоззренческого выбора каждому в равной мере. Данный подход отвечает конституционным принципам отношений между личностью и государством в России.

Помимо провозглашения России светским государством ст. 14 содержит ряд традиционных принципов, которые характеризуют светское государство: 1. отсутствие государственной или обязательной религии; 2. отделение религии от государства; 3. равенство религиозных объединений перед законом.

Учитывая изложенное выше и солидаризируясь с Институтом свободы совести [4], мы предлагаем определять светское государство следующим образом. Светское государство — это нейтральное в мировоззренческой сфере государство, которое принципиально не приемлет никакую из мировоззренческих систем или религий в качестве своей официальной идеологии и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами, предоставляя своим гражданам право свободно делать мировоззренческий выбор.

Быть мировоззренчески нейтральным государству затруднительно. Таких государств на карте мира не было, и нет на сегодняшний день. Государство опирается на науку, реализуя образовательные программы в образовательных учреждениях, утверждается в государственных символах (герб, флаг, гимн) и элементах, которые указывают на религиозные традиции и связи, обусловленные историей государства. Например, сама Конституция РФ, так или иначе, базируется на определённом гуманистическом подходе, признавая человека

высшей ценностью. То есть российское государство не является мировоззренчески нейтральным, допуская акценты в различных сферах.

Но такое положение дел не противоречит трактовке светского государства, как нейтрального в мировоззренческой сфере. Требуемая Конституцией нейтральность российского государства достигается отсутствием специального регулирования в мировоззренческой сфере.

Специальное регулирование в мировоззренческой сфере означает законодательное признание особого значения либо отрицания такого значения за определённым мировоззрением. Например, признание какой-либо религии официальной или государственной, провозглашение атеистического государства и т.д.

Специальное регулирование в мировоззренческой сфере противоречит природе прав человека, несущих в себе идею правового равенства субъектов, так как создаёт дискриминационные положения по признаку вероисповедания и убеждений. Оно включает в себя: 1. наличие специального законодательства о мировоззренческой сфере; 2. функционирование специальных государственных органов по вопросам мировоззрения; 3. наличие специального статуса для религиозных объединений, подчёркивающего исключительность их деятельности.

Специальной политике в мировоззренческой сфере (часто называют религиозной, вероисповедной) противостоит политика в сфере свободы совести, которая является приемлемой и отвечает требованиям соблюдения и защиты прав человека.

Следовательно, светское государство — это государство, которое не проводит специального регулирования в мировоззренческой сфере, а гарантирует каждому в равной мере право на свободный мировоззренческий выбор. Важнейшие признаки светского государства:

1. Полное отделение религиозных и иных общественных объединений от государства.

2. Никакая религия (в том числе религиозное объединение), идеология (в том числе общественное объединение, распространяющее конкретную идеологию) либо иное мировоззрение не могут признаваться в качестве государственных, официальных или обязательных.

3. Религиозные объединения равны перед законом. Религиозные объединения обладают равным набором прав и обязанностей. Отношения государства и религиозных объединений носят общий характер, то есть, деятельность религиозных объединений регулируется законодательством об общественных объединениях.

4. Светское государство проводит действительную политику в сфере свободы совести на федеральном и региональном уровнях, создавая условия для свободного мировоззренческого выбора каждым.

5. Отсутствие вероисповедной (религиозной) политики государства. Создание и функционирование специальных государственных органов по вопросам какого-либо мировоззрения (в том числе, религии), государственно-конфессиональных отношений не допустимо.

Конституция Российской Федерации 1993 г. содержит ряд принципиальных положений, позволяющих охарактеризовать Россию как светское государство (в первую очередь, это статьи 1, 2, 13, 14, 28, 29, 30). Однако анализ действующей в России нормативно-правовой базы демонстрирует, что на законодательном уровне в России не сформировано правовых механизмов реализации конституционного принципа светского государства.

Действующий Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. не содержит правового механизма реализации права человека на свободу совести, а, наоборот, законодательно закрепляет государственную политику конфессиональных предпочтений. Следовательно, подобное законодательство обуславливает специальные отношения государства с религиозными объединениями (так называемыми «традиционными религиозными организациями»), что не позволяет говорить о реализации принципа светского государства. Данный Закон противоречит Конституции РФ и международно-правовым обязательствам российского государства.

Конституционный принцип светского государства проявляется в светском характере образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, а также светскости построения и функционирования государственных органов власти и управления.

С сожалением приходится констатировать, что не представляется возможным признать Россию светским государством де-факто. Клерикальная идеологизация¹ системы государственного образования [10], силовых структур, пенитенциарной системы свидетельствует о том, что реализация принципа светского государства преломляется через интересы властных групп и конфессиональной бюрократии.

Указанным деструктивным тенденциям способствует слабая научная разработанность этой темы.

Конституционные положения о светском государстве являются основами конституционного строя России. От их реализации зависит степень гарантированности права человека на свободу совести, которое приобретает первостепенное значение для личности, общества и государства в условиях глобализации.

Литература

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: Учебник: В 2-х тт. – Т. 1. – М., 2005.
2. *Балодис Р.* Религиозные организации и латвийское законодательство // *Религия и право.* – 2000. – № 6.
3. *Безуглов А.А., Солдатов С.А.* Конституционное право России: В 3-х тт. – М., 2001.
4. *Бурьянов С.А., Мозговой С.А.* Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. – М., 2005.

¹ Понятие «клерикальная идеологизация» было введено в научный оборот Институтом свободы совести как альтернатива понятию «клерикализация». Мы поддерживаем данную научную позицию, так как «клерикальная идеологизация» корректнее и точнее обозначает суть тенденций отношений государства и религиозных объединений в нынешней России.

5. *Воронкова М.Л.* Конституционные основы светского государства в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Т. 4. – М.: Русский язык, 1998.
7. *Мозговой С.А.* Светское государство как мировоззренчески нейтральное // Соционикум: Международный сборник научно-практических работ. Вып. 2. – Ростов-н./Д.: «НВ», 2006.
8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковик, 1997.
9. *Подопригора Р.А.* Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы). – Алматы, 2002.
10. *Савва С.С.* Конституционно-правовое закрепление принципа светскости: содержание и практика реализации // Политика и общество. – 2006. – № 7–8. – С. 106–115.
11. *Тихонравов Ю.В.* Судебное религиоведение: Фунд. курс: Учебное пособие. — М.: Бизнес школа «Интел-Синтез», 1998.

Д.А. Ростиславлев

Обзор материалов межвузовской конференции «Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика». Москва, 2008 г.

10 апреля 2008 г. в здании юридического факультета МГПУ проходили заседания межвузовской конференции «Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика». Проблематика прав человека является приоритетным направлением научных исследований факультета. В течение 10 лет издавались сборники трудов преподавателей и аспирантов под общим названием «Право и права человека». Под тем же названием проходят ежегодные Дни науки в форме конференций и «круглых столов», заседаний секций, на которых обсуждаются наиболее актуальные вопросы юридической теории и практики, проблемы прав человека и образовательного права.

В пленарном заседании с научными докладами выступили: *Миронов О.О.* доктор юридических наук, профессор Московского государственного социального университета (**Проблема защиты прав человека омбудсманом**); *Ченурнова Н.М.* доктор юридических наук, профессор Российской академии государственной службы при президенте РФ (**Судебная защита прав и свобод человека и гражданина**).

О.О. Миронов напомнил, что должность Уполномоченного по правам человека учреждена Конституцией Российской Федерации 1993 г. Предназначение Уполномоченного по правам человека состоит в том, чтобы защищать права и законные интересы личности. Цели, задачи, компетенция этого института закреплены в Федеральном конституционном законе от 26 февраля 1997 г. Толкование закона, анализ опыта работы Уполномоченного позволили О.О. Миронову расширить сферу деятельности российского омбудсмана в сравнении с закреплённой в ФЗ. В частности, было указано на взаимодействие Уполномоченного с органами государственной власти, местного са-

моуправления, должностными лицами, государственными и муниципальными служащими; взаимодействие с уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации; взаимодействие с неправительственными правозащитными организациями, иными общественными объединениями, религиозными конфессиями; взаимодействие со средствами массовой информации. О.О. Миронов предложил собственную иерархию функций российского омбудсмана, которая, по его мнению, включает генеральную функцию, отражающую суть рассматриваемого правозащитного института, восстановление нарушенных прав, защиту законных интересов личности, а также основные и сопутствующие функции. Докладчик отметил, что омбудсман наделен внутренними и внешними функциями, осуществляемыми в стране и за ее пределами. Омбудсмены являются субъектами, в первую очередь, конституционного права и, бесспорно, в тех странах, где они назначаются и освобождаются от должности парламентами, обладают правом законодательной инициативы и правом обращения в конституционный суд, взаимодействуют с парламентом. Они являются участниками и иных, в частности, гражданско-правовых и процессуальных отношений, когда обращаются в суд с заявлением о защите прав и свобод человека, нарушенных государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами. Вопрос о международной правосубъектности индивидуумов (физических лиц) остается в практике и науке международного права спорным. Омбудсмены (уполномоченные по правам человека) различных стран сотрудничают друг с другом, проводят совместные акции по защите прав человека, например, на границе сопредельных стран, заключают и подписывают соглашения о совместной деятельности и о взаимной помощи в осуществлении своих функций. Вместе с тем, по мнению О.О. Миронова, межгосударственное сотрудничество омбудсменов (уполномоченных по правам человека) не свидетельствует о том, что они являются субъектами международного права. Нормы, содержащиеся в заключаемых ими договорах, не есть нормы международного права. Их можно отнести к специальным, корпоративным нормам межгосударственного сотрудничества омбудсменов.

По мнению О.О. Миронова, из всего комплекса прав человека омбудсман должен сосредоточить своё внимание на защите конституционных прав и свобод, которые являются наиболее значимыми для населения. Это несколько сузит, ограничит, но в тоже время четко определит защищаемые им права, что оправдано с учетом того, что в каждом субъекте Российской Федерации также учреждается уполномоченный по правам человека. С другой стороны, компетенция Федерального Уполномоченного может быть расширена за счет предоставления ему права рассматривать жалобы не только на государственные структуры, органы местного самоуправления, но и на некоторые негосударственные организации. Это, в первую очередь, должен быть нотариат, выступающий от имени государства. Частные фирмы, компании, иные структуры, которые оказывают услуги населению, обслуживают его (транспортные предприятия, занятые перевозкой людей, жилищно-коммунальные хозяй-

ства) могли бы быть подконтрольны уполномоченным по правам человека. О.О. Миронов полагает, что это позволит Уполномоченному с наибольшей эффективностью выполнять свою главную генеральную функцию — восстановление нарушенных прав человека.

Н.М. Чепурнова напомнила, что возможность беспрепятственного обращения в суд за защитой от любого неправомерного решения, действия или бездействия тех или иных органов и должностных лиц является одним из условий обеспечения свободы личности. Сегодня обращение к судам как к защитникам прав и свобод людей стало повседневным явлением, так как очевидны преимущества судебного порядка обжалования перед административным. Расширение доступа к правосудию повлекло за собой существенный рост обращений граждан в суды. От того, насколько оптимально, в соответствии с конституционно установленными задачами устроена судебная система, определена компетенция судов в ней, эффективны процедуры рассмотрения дел в судебных инстанциях, обеспечено исполнение судебных постановлений, можно делать выводы о реальности или декларативности права на судебную защиту и реализацию принципа доступности суда.

Н.М. Чепурнова отметила, что право на судебную защиту обеспечивается рядом конституционных гарантий, таких как: признание норм о правах и свободах человека и гражданина непосредственно действующими, их обеспеченность правосудием (части 1 и 4 статьи 15, статья 18 Конституции РФ), конституционное закрепление права на судебную защиту, доступ к правосудию и юридическую помощь, которые не должны ограничиваться ни при каких обстоятельствах (статьи 46, 48, 52, часть 3 статьи 56). Россия является членом Совета Европы и признает юрисдикцию Международного Европейского суда. В этой связи граждане получили возможность обращаться за защитой своих прав в соответствующие международные структуры. Это ставит перед законодателем задачу привести уровень защиты прав и свобод человека в соответствие с европейскими и мировыми стандартами, что, безусловно, требует правового и организационного обеспечения доступности судебной защиты.

Формой доступа к суду и критерием связи между принципами доступности суда и судебной защиты прав и законных интересов индивида является участие граждан в отправлении правосудия. Н.М. Чепурнова напомнила, что формы такого участия установлены Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»: ими являются: присяжные, народные и арбитражные заседатели (статьи 1 и 8). Однако с введением в действие новых процессуальных Кодексов принятый и введенный в действие Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» признан утратившим силу. В судах общей юрисдикции участие граждан в отправлении правосудия ограничено только присяжными заседателями, а в рассмотрении гражданских дел граждане вообще не участвуют. Отсутствие института народных заседателей в процессуальных законах, по мнению Н.М. Чепурновой, лишает граждан России возможности реализовать свое конституционное по-

литическое право участвовать в отправлении правосудия, и народ — суверен и носитель государственной власти — не обладает механизмами контроля в судебной системе и при осуществлении правосудия. Доступ к правосудию и судебной защите прав и свобод человека и гражданина должен быть контролируемым со стороны народа. Это одна из гарантий доступности, гласности и открытости судопроизводства и антикоррупционная мера.

Право на доступ к суду имеет не только процессуальные, но и организационные аспекты. Невозможно говорить о судебной защите, если человек не будет иметь возможности обратиться в судебные органы, которые размещены в пределах территории его проживания. Необходимо не только обеспечить наличие судов в районах и городах, но и установить удобный и доступный для населения режим приема документов и соответственно организовать работу сотрудников суда и делопроизводства. По мнению Н.М. Чепурновой, в этом направлении на законодательном уровне не принято практически никаких мер.

Докладчик отметила и существенные кадровые и морально-этические проблемы в судебной системе. В первую очередь, это отсутствие у судей гражданской ответственности, репрессивно-инквизиционный и корпоративный характер правосознания, свойственный значительной части судей и приставов-исполнителей, правовой нигилизм и антигуманизм.

Причины этому, по мнению Н.М. Чепурновой, многообразны. Это низкая правовая культура российского общества в целом и профессиональная судей в частности. Это отсутствие контроля со стороны граждан России и невозможность их участия в осуществлении правосудия, и в этой связи формирование профессиональной «закрытости» судебной системы. Это отказ от прямых выборов как способа формирования судебных кадров на низовом уровне судебной системы — мировых судей, бюрократизация процесса формирования судебных кадров и отсутствие доверия к ним со стороны населения. Преодолению названных причин должны, по мнению Н.М. Чепурновой, служить политика и правовое регулирование государства в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

В рамках конференции состоялись заседания научных секций.

Секцией **Права человека и интересы общества: исторические и теоретические аспекты проблемы** руководил профессор В.А. Северухин (МГПУ). Он выступил с научным сообщением на тему: «Конституционная модель российской государственности и её социально-правовая реализация». Докладчик указал на наличие существенных расхождений между нормами и принципами российской конституции и правовой реальностью. Преобладание исполнительной власти над законодательной и судебной деформирует принцип разделения властей. Внимание аудитории было обращено на нарушение общепринятых институтов демократии и принципов избирательного права. По мнению В.А. Северухина, многие недочёты в экономике и социальной сфере обусловлены отклонениями от конституционных норм и принципов. Всё это предполагает необходимость организационно-правовых изменений российской государственности.

Е.М. Крупеня (к.ю.н., доцент кафедры Теории и истории государства и права юридического факультета МГПУ) посвятила свое выступление гарантиям политико-правовой активности личности. Она проанализировала

теоретико-правовую конструкцию этого феномена, рассмотрела виды гарантий, более подробно остановилась на социально-экономическом аспекте данной проблемы. Е.М. Крупеня констатировала, что в современной российской действительности социально-экономические гарантии политико-правовой активности гражданина пребывают в скрытом, латентном состоянии, остаются фактически не сформированными. Положительную динамику в области макроэкономических показателей развития российской экономики не удается конвертировать в блага социально-экономического свойства для большинства граждан государства и тем самым создать необходимые стимулы для активной правовой деятельности в области публично-правовой сферы общества.

К.ю.н., доцент М.В. Яровая (МГПУ) выступила с докладом на тему «Право на судебную ошибку в средневековой Франции и в современной России». Одно из существенных прав человека — право на судебную защиту, в которое включается и вынесение правосудного судебного решения (т.е. одновременно по закону и по справедливости), а также право судьи на непреднамеренную судебную ошибку. На примере ритуала снятия с виселицы по нормам королевского права средневековой Франции в докладе описана процедура публичного покаяния судьи, совершившего непреднамеренную ошибку, перед осужденным (казненным) и его родственниками.

М.В. Яровая проанализировала актуальные проблемы, связанные с судебной ошибкой в современной России: например, отсутствие в уголовном законодательстве РФ понятия уголовной ответственности судьи; отнесение российским законодательством до 1960 года и зарубежным законодательством заведомо неправосудного судебного акта не к преступлениям против правосудия, а к должностным преступлениям; необходимость создания реестра судебных ошибок и их законодательная регламентация. М.В. Яровая отметила, что судья как человек и гражданин имеет право на судебную ошибку (и это право регламентировалось правовыми системами зарубежных государств в прошлом и в настоящее время), однако судебная система обязана свести такие ошибки к минимуму и обеспечивать своим гражданам защиту от них, процедуры реабилитации и компенсации.

К.и.н., доцент Д.А. Ростиславлев (МГПУ) выступил с сообщением на тему «Основатели западноевропейского консерватизма о правах человека и о демократической форме правления». На основе анализа трудов Э. Бёрка, Ж. де Местра и Л. Де Бональда он сделал следующие выводы: «Проблематика прав человека в период французской революции конца XVIII в. не была монополизирована либерально-рационалистической идеологией. Данная проблематика оказалась в центре теоретических дискуссий, осложнённых накалом политической борьбы. Контрреволюционный характер консерватизма в период формирования этой доктрины проявился в полном неприятии республиканских учреждений и либерально-индивидуалистических принципов, которые оказались востребованы в полной мере в индустриальную и постиндустриальную эпохи. При этом сохраняют актуальность и идеи консерватив-

ных мыслителей о том, что права человека имеют исторический характер, неразрывно связаны с особенностями национального или цивилизационного развития и не являются атрибутом универсальной демократической формы правления, основанной на принципе народного суверенитета».

Данное выступление вызвало дискуссию среди участников конференции. Доцент А.В. Звонарёв отметил современные аналогии навязывания народам, так называемых, общечеловеческих ценностей, не связанных с насущными интересами общества в данный период национального развития.

А.В. Звонарев (доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ) посвятил свое выступление конституции Великого княжества Финляндского. По мнению выступающего, под конституцией можно понимать как особое политическое устройство Финляндии в составе Российской империи, так и совокупность законов, обладающих высшей юридической силой на территории княжества, устанавливающих принципы организации государственной власти, основные права и обязанности подданных. Выступающий подробно охарактеризовал историю создания и практику применения на территории княжества важнейших нормативных актов, среди них: Формы правления 1772 г., Акта соединения и безопасности 1789 г., Сеймового устава 1869 г., Привилегий рыцарству и дворянству 1723 г., Привилегий духовного сословия 1723 г., Удостоверения, изданного для бюргерства и городов 1789 г., Удостоверения и утверждения льгот и прав шведского и финского крестьянства 1789 г. Особое внимание в выступлении было уделено правовому статусу подданных, установленному «коренными» законами княжества.

В.В. Вышкварцев (аспирант кафедры теории и истории государства и права; истории учений о праве и государстве Московского нового юридического института) исследовал понятие «права человека» в сочинениях авторов правовых школ дореволюционной России и пришёл к следующим выводам: «Естественное право рассматривалось многими исследователями как неотъемлемое, существующее в силу самой природы и «вписываемое» ею же в людской разум. Н.А. Бердяев утверждал, что естественное право не столько зависимо от позитивного, сколько находит в нём своё логическое продолжение. Позитивистская школа дореволюционного периода, напротив, старалась подчинить естественное право нормативному акту государства как доминирующей силы. Г.Ф. Шершеневич называл право функцией государства, являющееся, по его мнению, первичным явлением. При этом В.М. Гессен, Б.Н. Чичерин и Н.А. Бердяев под государством понимали «союз» людей, объединённых общей идеей и целями. Таким образом, государство они рассматривали как форму самоорганизации общества.

Представители позитивистской школы различали право объективное, выражающееся в правовых нормах, и субъективное (правоотношение между индивидом и государством, государством и обществом, обществом и индивидом). Субъективное право послужило фундаментом для развития так называемой социологической школы права. Её представители впервые предприняли попытку объединить концептуальные идеи обеих школ — естественно-правовой и позитивистской.

Право человека в трудах русских учёных представлялось социальным явлением, естественной возможностью в рамках закона совершать определённые действия, соразмерно своим внутренним убеждениям, способностью осознавать существо своих действий и руководствоваться ими в правоотношениях».

Дергачева И.П., аспирантка кафедры Теории и истории государства и права МГПУ в своем выступлении рассмотрела правовое явление — «конкуренцию правовых норм» и его отграничение от смежных понятий «юридический конфликт», «коллизии в праве».

В постсоветский период в России была сформирована новая система законодательства, которая, с одной стороны, заимствовала принципы и традиции правотворчества западных стран, а с другой стороны, включила в себя отдельные нормы законодательства советского периода. Поэтому в российской системе законодательства образовались такие правовые явления как юридическая коллизия, пробелы и противоречия.

По мнению докладчика, однозначного подхода к понятию конкуренции в юридической литературе не существует. В одних случаях, она полностью отождествляется с коллизией, в других — признается вполне самостоятельным явлением. Иногда конкуренция представляется ситуативным явлением, при котором противоречащие друг другу две или более норм регулируют один и тот же круг смежных общественных отношений, только с разной степенью детализации, конкретизации и объема.

Докладчик подчеркнула, что конкуренция норм приводит к существенным противоречиям внутри национальных правовых систем. Противоречивость и пробельность действующего законодательства приводят к нарушению принципов, заложенных в Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, интересов гражданского общества.

Лыкина А.М., аспирантка кафедры Теории и истории государства и права МГПУ посвятила свое выступление анализу законодательства России и Соединенных Штатов Америки по вопросу противодействия терроризму. Докладчик охарактеризовала понятие терроризма и террористической деятельности, понятие и признаки специального правового режима контртеррористической операции, вводимого на территории России, его отличие от чрезвычайного положения, особенности противодействия терроризму в США, компетенцию правоохранительных органов, задействованных в борьбе с терроризмом. Особое внимание А.М. Лыкина уделила анализу иерархии прав человека при возможности совершения террористического акта. В международном и национальных законодательствах прослеживается следующая тенденция: если возникает угроза жизни человека, все остальные права отодвигаются на второй план. В выступлении подчеркнуто, что существуют права, которые нельзя ограничивать ни при каких обстоятельствах: право на защиту от пыток, презумпция невиновности, достоинство личности. Особое внимание уделяется правовому статусу граждан, во время проведения мероприятий по борьбе с терроризмом, законности и обоснованности ограничения их прав, механизму ответственности государственных структур за превышение

своих полномочий и неоправданное ограничение прав и свобод человека. На основе сравнительного анализа законодательства двух стран сделаны некоторые предложения по усовершенствованию российской системы борьбы с терроризмом. По мнению А.М. Лыкиной, ограничения прав граждан по российскому антитеррористическому законодательству можно считать обоснованными и необходимыми для защиты жизни человека и безопасности государства. Предлагается более чётко и подробно определить компетенцию правоохранительных органов при проведении мероприятий по противодействию терроризму, а также разработать юридический механизм ответственности властных структур за неправомерные действия в период проведения контртеррористических мероприятий.

В работе секции **«Современные теоретические проблемы прав человека»** приняли участие теоретики и практики в области прав человека, преподаватели вузов и аспиранты, в том числе бывший Уполномоченный по правам человека в РФ д.ю.н., профессор О.О. Миронов, руководитель Центра социологии прав человека Института социально-политических исследований РАН, член Комиссии по правам человека при Мэре Москвы М.С. Савин. Участники секции констатировали, что в настоящее время в системе общественных наук происходит становление новой отрасли научных знаний — науки прав человека, разрабатывающей проблемы теории, истории и практики прав и свобод человека, в связи с чем темы, исследуемые авторами и представленные в рамках данной секции, являются чрезвычайно актуальными и имеют важнейшее теоретико-методологическое значение.

Доктором юридических наук, профессором Л.А. Нудненко (Российская академия правосудия) был сделан доклад, посвященный различным аспектам реализации и защиты конституционного права на свободу мысли и слова, без которой невозможно становление правового демократического государства и формирование гражданского общества. Прямое закрепление в нормах российского права свобода мысли и слова получила в постсоветский период истории России. Под ней понимается: право беспрепятственно придерживаться своих мнений и убеждений и право на свободный отказ от них; право на свободное выражение своих мнений и убеждений; право на общение в устной или письменной форме, включая право воздерживаться от общения; право на свободный выбор языка общения; право на свободу литературного, художественного и иного творчества.

Главная задача демократии состоит в том, чтобы обеспечить свободное выражение идей, чтобы никто не подвергался ограничениям, чтобы новые мысли и идеи свободно могли распространяться. Важной проблемой реализации свободы мысли и слова является ее соотношение с политкорректностью и толерантностью, свободой высказывать мнения. Ярким примером является известная ситуация с опубликованием сначала датскими, а затем французскими журналистами карикатуры с изображением пророка Мухаммеда.

Л.А. Нудненко напомнила, что гарантией свободы слова в Российской Федерации является запрет цензуры (п. 5 ст. 29 Конституции РФ), под которой понимается требование от редакции СМИ со стороны должностных

лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей. Уполномоченный по правам человека В.П. Лукин в Докладе за 2006 год отмечал, что журналисты и издатели редко обращаются к омбудсману с жалобами в связи с ограничением их права на поиск, получение, передачу, производство или распространение информации. Тем не менее, по его мнению, очевидно, что такие нарушения существуют.

Участники секции обсудили вопросы гарантий права на свободу мысли и слова в современной России, практику «самоцензуры», а также роль прецедентов Европейского Суда по правам человека.

Аспирант, преподаватель кафедры прав человека (МГПУ) Д.И. Романенков, проанализировал основные теоретические толкования категории права человека в современной юридической науке. Участники заседания секции обсудили особенности современного культурного релятивизма и принципа универсальности прав человека.

Сообщение старшего преподавателя кафедры Прав человека (МГПУ) Ю.В. Куракиной было посвящено проблеме соотношения в науке и в законодательстве категорий «права человека» и «права гражданина». Гражданский статус — одно из высочайших достижений античной цивилизации, повторенной лишь западно-европейским обществом Нового времени. По мнению докладчика именно права гражданина первыми получили общественное признание в античном мире, а также нашли свое выражение и закрепление в позитивном праве. Первоначально права гражданина считались привилегией лица, находившегося в политико-правовой связи с государством. Первые исторические документы, кодифицировавшие права человека не содержали всеобъемлющей концепции прав и свобод индивида, а рассматривали свободы как права, которыми индивиды или группы наделены в силу своего социального положения. Ю.В. Куракина отметила, что в основе идеи прав человека лежат принципы, существовавшие как в древнегреческой философии, так и в различных мировых религиях, но только в XVIII веке сформировалась концепция прав человека в современном её понимании.

Е.М. Павленко к.ю.н., старший преподаватель кафедры Прав человека проанализировала процесс формирования культуры прав человека в современном российском обществе. Участники секции обсудили особенности восприятия идеи прав человека различными социальными слоями и профессиональными группами в современной России. М.С.Савин привел данные исследований, проведенных Центром социологии прав человека Института социально-политических исследований РАН. Участниками были высказаны позиции по вопросу перспектив развития образования в области прав человека в Российской Федерации.

На заседании секции **«Свобода совести»** острую дискуссию вызвал доклад старшего преподавателя юридического факультета МГПУ сопредседателя

теля Института свободы совести (ИСС) С.А. Бурьянова «Новая парадигма реализации свободы совести». Докладчик констатировал системный кризис реализации свободы совести, обусловленный слабостью общетеоретической разработанности проблематики и, как следствие, неадекватным законодательством и правоприменением. Анализируя факторы, оказывающие влияние на ситуацию в этой области, С.А. Бурьянов особо выделил взаимоотношения между наукой и религией, религией и политикой, государством и религиозными объединениями, а также фактор глобализации.

По мнению докладчика, в России свобода совести становится заложницей самодовлеющих отношений государства с «избранными» религиозными объединениями, а принцип светскости государства размывается. Проблема свободы совести в контексте глобализации представляет, по мнению С.А. Бурьянова, перспективное направление исследований в плане поиска принципиально новых подходов с учетом новых реалий. В качестве рабочей гипотезы докладчик предположил, что в основе кризиса свободы совести лежит старая парадигма, основанная на разделении «верующий-неверующий» и некорректная при применении в системе права.

С.А. Бурьяновым предложена инновационная правовая концепция реализации свободы совести, состоящая из трех блоков:

- 1) разработка современной теоретико-правовой модели на основе новой парадигмы, устраняющей противоречия основополагающих принципов и понятийного аппарата;
- 2) реформирование правового института свободы совести на основе современной теоретико-правовой модели;
- 3) совершенствование системы гарантий реализации свободы совести на основе принципа мировоззренческого нейтралитета государства.

С.А. Бурьянов предложил следующие принципы реализации свободы совести:

- отказ от противопоставления знания и веры, устранение из системы права некорректного с юридической точки зрения разделительного принципа «верующий-неверующий»;
- выработка единого максимально широкого определения и содержания свободы совести, свободного от привязки к юридически неопределенному термину «религия»;
- отказ от «специального» религиозного законодательства и от предоставления полномочий по идентификации «религии» каким-либо лицам, органам, структурам, ввиду принципиальной невозможности определения их четких правовых критериев;
- ограничения прав должны учитывать сущность права на свободу совести в широком правовом звучании, не ставить его реализацию в зависимость от факторов, не имеющих четких правовых критериев, таких как государственно-конфессиональные отношения и государственная вероисповедная политика;
- отказ от противопоставления индивидуальных и коллективных прав;

– закрепление развернутого толкования конституционного принципа светскости государства как мировоззренческого нейтралитета в федеральном законе.

Доклад к.и.н., доцента исторического факультета МГПУ и сопредседателя ИСС С.А. Мозгового «Свобода совести и светскость государства в России и мире» был посвящен соотношению светского и секулярного в контексте проблемы реализации свободы совести.

С.А. Мозговой подчеркнул, что единственной юридически корректной трактовкой светскости государства является мировоззренческий нейтралитет. По мнению ученого, именно и только нейтралитет государства может гарантировать свободу совести и правовую демократию, особенно в многонациональной и поликонфессиональной России. Соответственно, вольные трактовки светскости неизбежно приводят к подавлению как мировоззренческого, так и политического выбора.

По мнению С.А. Мозгового, светское и секулярное — это не одно и то же: «Секулярное может быть антирелигиозным, что недопустимо для светского... Светское государство должно быть равноудалено и от религии, и от атеизма, а государственный чиновник не должен делить людей на «верующих»-«неверующих». «Впрочем, принцип светскости нуждается в гарантиях, главной из которых должно стать ограничение «специального» властного регулирования мировоззренческой сферы», — резюмировал ученый.

Понимание светского государства как мировоззренчески нейтрального нашло отражение в докладе аспиранта юридического факультета МГПУ С.С. Саввы «Светское государство в России: конституционный правовой аспект».

Заслуживают внимания выработанные С.С. Саввой неотъемлемые признаки светского государства:

- полное отделение религиозных объединений от государства;
- никакая религия (в том числе религиозное объединение), идеология (в том числе общественная структура, распространяющая конкретную идеологию) либо иное мировоззрение не может признаваться в качестве государственного, официального или обязательного;
- религиозные объединения равны перед законом;
- религиозные объединения обладают равным набором прав и обязанностей;
- отношения государства и религиозных объединений носят общий характер, то есть, идентичны отношениям с иными общественными объединениями;
- светское государство проводит действительную политику в сфере свободы совести на федеральном и региональном уровнях, создавая условия для свободного мировоззренческого выбора каждым;
- вероисповедная (религиозная) политика в светском государстве недопустима, создание и функционирование специальных государственных органов по вопросам религии и государственно-конфессиональных отношений неприемлемо.

Студентка 4 курса юридического факультета МГПУ М.А. Николашвили выступила с докладом «Свобода совести в Европе». Подвергнув анализу нормативно-правовую базу европейских государств, М.А. Николашвили рассказала о практике Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в сфере свободы совести.

Европейский Суд по правам человека был основан в Страсбурге государствами — членами Совета Европы в 1959 году с целью решения вопросов о предполагаемых нарушениях Европейской Конвенции о защите прав человека. Соответственно, судебная процедура ЕСПЧ состоит из двух основных этапов: а) определения приемлемости обращения и б) рассмотрение дела по существу. Их предваряет этап переписки заявителя с Секретариатом Европейского Суда вплоть до извещения заявителя о том, что его жалоба направлена правительству для предоставления его позиции по данному делу.

Оживленное обсуждение вызвали следующие решения ЕСПЧ: дело Коккинакиса против Греции от 25 мая 1993 года, дело Мануссакиса и других против Греции от 26 сентября 1996 года, дела Цавачидиса против Греции от 21 января 1999 года.

Президент Международной правозащитной ассамблеи (МПА) М.Г. Арутюнов выступил с докладом «Проблема реализации прав атеистов на свободу совести».

М.Г. Арутюнов вспомнил, как в 90-е годы прошлого века правозащитники восстанавливали права верующих, различных религиозных организаций, и в том числе РПЦ МП. «Но к сожалению сейчас уже речь идет не о том, чтобы защитить права верующих, а о том, чтобы защитить права всех, в том числе и неверующих. Я занимаюсь всеми конфессиями, причем я не говорю о верующих, а именно о конфессиях, и мой личный опыт показывает, что все конфессии стремятся доминировать. Все ставят именно такую задачу и, по моему мнению, не готовы защищать свободу совести каждого», — сказал известный правозащитник.

По мнению М.Г. Арутюнова имеются веские основания говорить о «тихой дискриминации» неверующих и инаковерующих налогоплательщиков, связанной с системными нарушениями принципа светскости государства и расширением незаконной практики государственного финансирования некоторых конфессий.

Эксперт центра военно-религиозных исследований, к.ф.н. Л.Г. Рыжов представил доклад «Государство, общество и право на свободу совести». По мнению докладчика свобода совести играет колоссальную роль для человека, общества, государства. Соответственно ее посприание сопровождается повышением рисков дестабилизации государственных институтов и нарушением прав человека, а также к росту ксенофобии, нетерпимости и дискриминации.

По мнению эксперта, государственная система образования должна уделять пристальное внимание вопросам толерантности, свободы совести, светскости государства.

В ходе заседания секции **«Проблемы демократизации государственной власти»** под руководством доцента А.Ю. Царева были заслушаны и обсуждены следующие научные сообщения:

Пастухов И.В., аспирант, МГПУ — «Демократизация в Российской Федерации и правовые новеллы в системе организации местного самоуправления». Докладчик проанализировал установленный законом новый порядок «формирования» представительного органа муниципального района, который может не только избираться на муниципальных выборах, но и состоять из глав поселений муниципального района и депутатов их представительных органов, избираемых этими органами по равной норме представительства (независимо от числа жителей поселений).

Царёв А. Ю., к.ю.н., МГПУ — «Проблемы демократизации законодательного процесса». Докладчик отметил, что законодательный процесс в Государственной Думе становится все более бюрократизированным. Первоначально было установлено, что только половина депутатов Государственной Думы избирается по партийным спискам. В настоящее время кандидаты в депутаты Государственной Думы могут быть выдвинуты только политическими партиями. При этом избирателям не остается иного выбора, как голосовать за выдвинутые списки кандидатов, так как голосование «против всех списков» считается недействительным. Первый состав Совета Федерации избирался народом, затем членами Совета Федерации становились «по должности» главы субъектов Российской Федерации и председатели законодательных органов субъектов Российской Федерации.

Вторая группа причин бюрократизации законодательного процесса, по мнению А.Ю. Царёва, состоит в усложнении правил самого законодательного процесса. Устранена такая форма законодательной инициативы, как «законодательное предложение». Первоначально Регламент Государственной Думы предусматривал прикладывать к вносимому в Государственную Думу законопроекту 4 документа, а в настоящее время — 14. Препятствием для внесения законодательной инициативы является обязанность ее инициатора самостоятельно разрабатывать «финансово-экономическое обоснование» законопроекта. По желанию депутатов закон может быть принят не в трёх чтениях (обычная процедура), а в одном. Это лишает общественность возможности высказаться по принимаемому закону. Российские граждане (в отличие, например, от граждан европейских государств) не могут свободно посещать заседания палат своего парламента.

Топоркова М.К., к.ю.н., МГПУ («Демократические формы деятельности исполнительной власти на современном этапе») проанализировала институт общественных советов, созданный с целью демократизации федеральных органов исполнительной власти.

Корчагина Т.В., к.п.н., МГПУ («Современная реформа избирательного права России») на основании анализа обширного фактического материала продемонстрировала постоянно возрастающую роль партий в избирательном процессе в Российской Федерации.

Секция **Проблематика регулирования и защиты социальных и экономических прав граждан** объединила специалистов разных отраслей юридической науки.

А.В. Глухов старший преподаватель, МГПУ, выступил с сообщением на тему: «Защита трудовых прав Конституционным судом». По мнению докладчика, развитие законодательства о правах и свободах человека и гражданина привело к существенному возрастанию роли Конституционного Суда РФ в защите трудовых прав граждан. Рассмотренные Конституционным Судом дела о нарушении трудовых прав во многом способствовали решению проблемы приведения трудового законодательства в соответствие с конституцией РФ. В Постановлении от 24 мая 2007 года № 7-П изложена правовая позиция, согласно которой одно лишь заключение правоохранительных органов о наличии в действиях пострадавшего признаков уголовно наказуемого деяния не предполагает безусловного признания несчастного случая не связанным с производством. Исходя из правовых аргументов и решения Конституционного Суда, представляется необходимым абзац 4 части 6 ст. 229.2 Трудового кодекса РФ сформулировать более определенно, что исключало бы возможности его неоднозначного толкования и применения: «несчастный случай, происшедший при совершении пострадавшим умышленных действий (бездействий), установленных приговором суда», так как только суд может признать работника виновным в совершении уголовно наказуемого деяния.

Гаврилова Ю.В., к.ю.н., старший преподаватель, МГПУ. Тема сообщения: «Дискриминация в сфере реализации экономических прав». Выступление посвящено актуальной проблеме нарушения принципа равенства экономических прав, которые закреплены в международном и внутригосударственном праве. Анализ статистических и аналитических материалов, результаты опросов свидетельствуют о многочисленных фактах дискриминации. В докладе приводятся отдельные примеры указанных нарушений, и предпринимается попытка классифицировать их по различным основаниям.

Крикунова А.А., старший преподаватель, МГПУ. Тема выступления: «Конституционно-правовое регулирование социальных прав человека в РФ». Конституционно-правовое регулирование социальных прав человека включает в себя признание данной категории прав, закрепление гарантий этих прав и практику их реализации. По мнению докладчика, конституции государств в зависимости от модели конституционно-правового регулирования социальных прав можно разделить на следующие типы: либеральная; социалистическая; неолиберальная. В ряде неолиберальных конституций социальные права рассматриваются как принципы социальной политики государства, в конституциях же содержится оговорка о невозможности защиты этих прав в судебном порядке. В другой группе неолиберальных конституций (в том числе Конституции РФ) социальные права признаются наряду с другими субъективными правами. При этом Конституция РФ не в полной мере закрепляет право на достаточный уровень жизни и не гарантирует все социальные пра-

ва. По мнению А.А. Крикуновой, в практике реализации этих прав в России преобладает неолиберальная модель первого типа.

Доцент Зайцев И.Ф., к.ю.н., Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова выступил с докладом на тему: «Авторские права как права человека». Это новый подход к определению природы и сущности авторских прав, основанный на положениях Всеобщей декларации прав человека. Рассмотрение авторских прав как прав человека позволяет уточнить не только исходные теоретические положения, но и сделать ряд практических рекомендаций по совершенствованию системы защиты этих прав.

Царев В.А., аспирант кафедры гражданского права МГПУ («Право самостоятельного распоряжения доходами и имуществом учреждения») проанализировал актуальный вопрос о гражданско-правовом статусе имущества учреждений как субъектов гражданского права. Учреждения владеют, пользуются и распоряжаются имуществом на праве оперативного управления. Согласно п. 2 ст. 298 ГК РФ доходы и имущество от доходов полученных в результате предпринимательской деятельности учреждений поступают в их самостоятельное распоряжение. Действующее законодательство и судебная практика не дают четкого определения права самостоятельного распоряжения. В доктрине же высказываются различные точки зрения: 1) это непоименованное вещное право; 2) это право хозяйственного ведения; 3) это право оперативного управления. Ряд авторов пишут о праве собственности или «суженном» («расширенном») праве оперативного управления. Не менее важным представляется вопрос о том, как учреждение может распорядиться этим имуществом и доходами и какое право возникает у второй стороны в сделках с таким имуществом и доходами. Законодательное разрешение этих вопросов важно для развития гражданского оборота и для совершенствования деятельности разнообразных учреждений в РФ.

Матвиенко Г.В., к.ю.н., доцент кафедры финансового права Российской академии правосудия — «Право лиц на перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу: проблемы теории и практики». Выступление было посвящено проблемам обеспечения равного доступа физических лиц к перемещению товаров и транспортных средств через таможенную границу (преимущественно экономическим правам). Несмотря на то, что право лиц на перемещение товаров и транспортных средств не названо в Конституции среди основных, оно несомненно может быть причислено к таковым, поскольку взаимосвязано с неотъемлемым правом каждого перемещаться через границы государств. Кроме того, рассматриваемое право является неотъемлемым элементом специального статуса туриста, установленного международными и национальными нормами. В выступлении освещались вопросы соответствия положений таможенного законодательства Всеобщей декларации прав и свобод человека и гражданина, Международной конвенции о таможенных льготах для туристов, проанализированы проблемы применения упрощенного порядка таможенного оформления, контроля и таможенного обложения товаров и транспортных средств физических лиц, предусмотрен-

ного нормативными актами таможенного права России. Автором выносятся предложения по совершенствованию положений таможенно-правовых норм в этой части.

Работой секции **«Реализация уголовной политики Российской Федерации и защита прав и свобод граждан»** руководил доктор юридических наук, профессор А.И. Глушков. На заседании секции выступали:

Косевич Н.Р., к.ю.н., доцент, МГПУ тема доклада: «Реализация уголовной политики РФ и защита прав и свобод несовершеннолетних». Выступавший отметил, что предупреждение преступности несовершеннолетних как направление уголовной политики РФ предусмотрено в УК РФ в следующих формах: уголовная ответственность несовершеннолетних за совершение ими преступлений и уголовно-правовая защита интересов несовершеннолетних.

Докладчик отметил давно известный факт: если человек в раннем возрасте подвергся преступному посягательству, велика вероятность впоследствии совершения преступлений им самим. А потому предупреждение преступлений против несовершеннолетних и защита их прав является важнейшим фактором снижения преступности несовершеннолетних.

Ростокинский А.В., к.ю.н., доцент, МГПУ («Дискриминация и преступления экстремистской направленности») проанализировал взаимосвязи и взаимовлияния дискриминации и таких преступлений как терроризм и преступления экстремистской направленности.

Докладчик отметил, что дискриминация наносит ущерб общественной безопасности: на рынке труда она способствует снижению доходов граждан и росту теневого сектора экономики; в политической сфере ведет к вырождению правящей элиты, маргинализации оппозиции, распространению в обществе атмосферы нетерпимости (интолерантности, ксенофобии), а также нелегальных форм и методов разрешения конфликтов, дестабилизирует многие институты нашего общества. Усиливается социальная напряженность, растет преступность, формируются обстоятельства, способствующие совершению более тяжких преступлений, например терроризма и преступлений экстремистской направленности.

Старший преподаватель Шутикова Н.С. (МГПУ) в докладе «Правовое положение осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы» отметила, что правовой статус осужденных регламентирован в уголовно-исполнительном законодательстве РФ и получил свое развитие в последнее время в ряде международных документов. В выступлении проводилась классификация видов правового статуса, говорилось о специфике специального статуса, о некоторых элементах правового статуса осужденных и основных проблемах теории правового положения осужденных в аспекте «полуоткрытой уголовно-исполнительной системы».

Аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин (МГПУ) Фёклин С.И. выступил с докладом на тему: «Уголовно-правовые гарантии защиты прав граждан на легальное потребление наркотических средств и психотропных веществ». Выступление посвящено проблеме уголовно-правовых гарантий

легального использования наркотических средств и психотропных веществ лицами, имеющими наркотическую зависимость.

Использование наркотических средств и психотропных веществ в законных целях гарантировано:

– закреплением данного права в ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»;

– установлением правил законного оборота наркосодержащих лекарственных средств;

– привлечением к юридической ответственности специальных субъектов за нарушение правил оборота подконтрольных предметов по ст. 228-2 УК РФ.

Тем самым, государство создает условия для реализации прав наркозависимых лиц на потребление, хранение и перевозку НС и ПВ в личных медицинских целях.

Аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин (МГПУ) Кохан И.И. («Религия как один из инструментов предупреждения преступности»), построил своё выступление вокруг вопроса: «Почему религия может быть одной из мер профилактики преступности?» Тысячелетиями религия и церковь влияли на сознание людей и определяли их поведение. Религиозные нормы и запреты, совпадающие в большинстве конфессий, способствовали формированию стабильно функционирующего социума, в котором провозглашались мир, равенство и добрососедские отношения. Религия воспитывала в людях добродетели и боролась с пороками.

С.С. Новоселова

Ростокинский А.В. Уголовная ответственность за экстремизм: проблемы законодательного регулирования. Сборник публикаций разных лет с комментарием автора. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – 287 с.

Сборник «Уголовная ответственность за экстремизм: проблемы законодательного регулирования» составлен из публикаций разных лет (2006–2008 гг.) с комментариями А.В. Ростокинского, посвященных проблемам уголовно-правовой борьбы с хулиганством и экстремизмом.

Указанное пособие состоит из пяти основных частей: размышления о субкультурных конфликтах в современном обществе и их криминогенном значении; о природе и сущности экстремизма и проблемах его уголовно-правового закрепления; об экстремизме, о преступлениях экстремистской направленности и сходных преступлениях, а также о проблемах уголовно-правового закрепления и разграничения; об экстремизме и других видах организованной преступной деятельности; о проблемах правоприменительной практики и системе мер профилактики экстремизма в России. Определенный интерес данного сборника состоит в демонстрации динамики развития законодательства об ответственности за экстремизм и тематическом подборе статей, снабженных авторскими комментариями, позволяющем комплексно рассмотреть проблему противодействия экстремизму. Часть первая: «Размышления о субкультурных конфликтах в современном обществе и их криминогенном значении» посвящена рассмотрению криминологической классификации субкультурных объединений, криминальных проявлений субкультурных конфликтов. Автором проанализированы проблемы выявления особенностей преступности несовершеннолетних и молодежи, становления организованной преступности, распространения насилия в жизни современного общества.

Во второй части сборника автор раскрывает сущность экстремизма, рассматривает проблему его разграничения с радикальными идеологиями, а также анализирует спорные вопросы по объектной классификации и субъективной стороны экстремизма, преступлений экстремистской направленности и преступлений с элементами экстремизма.

Для выявления особенностей преступлений с элементами экстремизма, экстремистской направленности и, собственно, экстремизма автор в третьей части настоящего сборника сравнивает их с другими преступлениями как направленными против личности, так и против общественного порядка и общественной безопасности.

В четвертой части («Экстремизм и другие виды организованной преступной деятельности») рассматриваются проблемы применения уголовно-правовых норм об ответственности за экстремизм. Автор отмечает, что «экстремистская группа является лишь разновидностью организованной преступной группы, отличающейся по целям объединения; а экстремистская деятельность является лишь преступной деятельностью».

В пятой части анализируются проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности и системе мер профилактики экстремизма в современной России.

В заключении сформулированы практические рекомендации по совершенствованию действующего уголовного законодательства. Так, для повышения эффективности уголовно-правовых мер противодействия преступности экстремистской направленности автор предлагает изменить систему и расположение статей о преступлениях указанной направленности, формулировку их норм, а также усилить наказание за их совершение. Также здесь предусмотрена и система мер профилактики преступности.

В целом сборник «Уголовная ответственность за экстремизм: проблемы законодательного регулирования» направлен на изучение проблем, возникающих при применении уголовно-правовых норм об ответственности за экстремизм и иные преступления экстремистской направленности, несомненным достоинством которого является разработка автором действенных предложений и рекомендаций, направленных на реализацию более эффективной системы мер борьбы с экстремизмом в современной России.

По мнению рецензента, сборник публикаций разных лет с комментариями А.В. Ростокинского может внести весомый вклад в усвоение материала по курсу «Криминология», «Уголовное право» (особенная часть) и спецкурсу «Молодежный экстремизм» для студентов юридического факультета ГОУ ВПО МГПУ по специализации «Юриспруденция».

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2008, № 2 (28)**

Абрамов Анатолий Михайлович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МГПУ.

Афанасьева Светлана Анатольевна — соискатель кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин МГПУ.

Бурьянов Сергей Анатольевич — старший преподаватель кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин МГПУ, сопредседатель Совета Института свободы совести.

Вышкварцев Виталий Владиславович — аспирант кафедры теории и истории государства и права; история учений о праве и государстве Московского Нового Юридического Института.

Гетьман-Павлова Ирина Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин МГПУ.

Глухов Александр Викторович — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин МГПУ, заместитель декана юридического факультета.

Крикунова Анна Александровна — старший преподаватель кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин МГПУ.

Крупеня Елена Михайловна — доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета МГПУ, кандидат юридических наук.

Куракина Юлия Владимировна — старший преподаватель кафедры прав человека МГПУ.

Мазаев Владимир Дмитриевич — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права ГУ Высшая школа экономики.

Матвиенко Галина Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Российской академии правосудия.

Миронов Олег Орестович — доктор юридических наук, профессор Московского государственного социального университета, заслуженный юрист Российской Федерации

Марченко Михаил Николаевич — доктор юридических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Новоселова Светлана Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МГПУ.

Нудненко Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

Притула Виталий Иванович — соискатель кафедры права МПГУ.

Ростиславлев Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана юридического факультета.

Савва Сулака Сергеевич — аспирант кафедры конституционного права юридического факультета МГПУ.

Северухин Владимир Александрович — кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета МГПУ.

Фёклин Сергей Иванович — старший преподаватель кафедры прав человека МГПУ.

Чепурнова Наталья Михайловна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Шипаева Татьяна Сергеевна — соискатель кафедры конституционного (государственного) права ДЮИ, помощник судьи Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону.

Яровая Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 2 (28), 2008

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *М.Ф. Рудинский*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*

Редактор:
Л.Ю. Ильина

Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 20.10.2008 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1 000 экз.